

ISSN 2409-8701

www.aurora-group.eu

www.nbpublish.com

ПСИХОЛОГ

*AURORA Group s.r.o.
nota bene*

Выходные данные

Номер подписан в печать: 03-11-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Богоявлена Диана Борисовна, доктор психологических наук, тро-
120@mail.ru

ISSN: 2409-8701

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 03-11-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media Ltd

Main editor: Bogoyavlenskaya Diana Borisovna, doktor psikhologicheskikh nauk, mpro-120@mail.ru

ISSN: 2409-8701

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Харитонов Александр Николаевич — кандидат психологических наук, доцент, президент Русского психоаналитического общества. Московский городской психоэндокринологический центр. 119002, Россия, Москва, ул. Арбат, 25-2.

Богоявленская Диана Борисовна — доктор психологических наук, профессор, почётный работник Российской академии образования, заслуженный деятель науки РФ, зав. лабораторией Психологического института Российской академии образования. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 9, строение 4.

Леонтьев Дмитрий Алексеевич — доктор психологических наук, профессор, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, строение 9.

Розенова Марина Ивановна — доктор психологических наук, доцент, профессор Московского государственного областного университета. 105005, Россия, Москва, ул. Радио, д. 10.

Россохин Андрей Владимирович — доктор психологических наук, старший научный сотрудник факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, строение 9.

Белинская Елена Павловна - доктор психологических наук, профессор, кафедра социальной психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова .

Пазухина Светлана Вячеславовна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого", 300026, г. Тула, проспект Ленина, 125pazuhina@mail.ru

Борзова Татьяна Владимировна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тихookeанский государственный университет», профессор кафедры психологии. 680000, Россия, Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68, borzova_tatiana@mail.ru

Овруцкий Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Намли Елена (Namli Elena) – доктор этики, профессор Уppsальского университета (Швеция). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Резник Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. 119991, Россия, Москва, ул. Волхонка, 14/1, строение 5.

Спиррова Эльвира Маратовна – доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук; Россия, г. Москва, Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, 109240

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Шестопал Елена Борисовна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политической социологии и психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Артемьева Ольга Аркадьевна - доктор психологических наук, ФГБОУ ВО "Иркутский государственный университет", профессор, руководитель лаборатории методологии и истории психологии, 664025, Россия, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, каб. 205, oaartemeva@yandex.ru

Гельман Виктор Яковлевич - доктор технических наук, ФГБОУ ВО Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова Минздрава России., профессор, 196066, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Авиационная, 9, кв. 31, gelm@sg2104.spb.edu

Енгалычев Вали Фатехович - доктор психологических наук, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Руководитель Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики , 248002, Россия, Калужский область, г. Калуга, ул. Лесная, 59, valiyen@gmail.com

Каширский Дмитрий Валерьевич - доктор психологических наук, ФГБОУ ВО "Российский государственный социальный университет", профессор факультета психологии, 129226, Россия, г. г Москва, ул. В. Пика, 4, оф. стр. 1, psymath@mail.ru

Краснянская Татьяна Максимовна - доктор психологических наук, АНО ВО "Московский гуманитарный университет", профессор кафедры общей, социальной психологии и истории психологии, 107207, Россия, столичный, г. Москва, ул. Уральская, д.6, к.5, кв. 34, ktm8@yandex.ru

Куликов Леонид Васильевич - доктор психологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор кафедры социальной психологии , 195297, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Светлановский пр. 70. к.1, 137, кв. 137, leon-piter@mail.ru

Макарова Елена Александровна - доктор психологических наук, Донской государственный технический университет, профессор кафедры общей и консультативной психологии, 347930, Россия, г. Таганрог, ул. Ейская, 13, makarova.h@gmail.com

Рубцова Надежда Евгеньевна - доктор психологических наук, АНО ВО "Российский новый университет", профессор кафедры общей психологии и психологии труда, 170008, Россия, Тверская область, г. Тверь, ул. Склизкова, дом 27, корпус 1, кв. кв.

77, hope432810@yandex.ru

Тагариева Ирма Рашитовна - доктор педагогических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», заместитель научного руководителя Научно-исследовательского института стратегии развития образования, 450077, Россия, республика Респ Башкортостан, г. Уфа, ул. Энгельса, 1/1, кв.

56, irma_levina@mail.ru

Шевелёва Светлана Анатольевна - доктор медицинских наук, заведующий лабораторией, ФГБУН «ФИЦ питания и биотехнологии», 109240, Россия, Москва, Устьинский проезд, 2/14 Sheveleva@ion.ru

Editorial collegium

Kharitonov Alexander Nikolaevich — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, President of the Russian Psychoanalytic Society. Moscow City Psychoendocrinological Center. 25-2 Arbat str., Moscow, 119002, Russia.

Bogoyavlenskaya Diana Borisovna — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honorary Worker of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Head. laboratory of the Psychological Institute of the Russian Academy of Education. 125009, Russia, Moscow, Mokhovaya str., 9, building 4.

Leontiev Dmitry Alekseevich — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya str., building 9, Moscow, 125009, Russia.

Rozenova Marina Ivanovna — Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of Moscow State Regional University. 10, Radio str., Moscow, 105005, Russia.

Rossokhin Andrey Vladimirovich — Doctor of Psychological Sciences, Senior Researcher at the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya str., building 9, Moscow, 125009, Russia.

Belinskaya Elena Pavlovna - Doctor of Psychological Sciences, Professor, Department of Social Psychology, Lomonosov Moscow State University.

Svetlana V. Pazukhina – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tolstoy Tula State Pedagogical University", 300026, Tula, Lenin Avenue, 125pazuhina@mail.ru

Borzova Tatiana Vladimirovna – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Pacific State University", Professor of the Department of Psychology. 680000, Russia, Khabarovsk, Karl Marx str., 68, borzova_tatiana@mail.ru

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Namli Elena – Doctor of Ethics, Professor at Uppsala University (Sweden). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief editor of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 14/1 Volkhonka str., building 5, Moscow, 119991, Russia.

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Section of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; Russia, Moscow, Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, 109240

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstatt (Germany). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) –

Germany.

Elena Borisovna Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Political Sociology and Psychology of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Berezantsev Andrey Yuryevich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Artemyeva Olga Arkadyevna - Doctor of Psychological Sciences, Irkutsk State University, Professor, Head of the Laboratory of Methodology and History of Psychology, 664025, Russia, Irkutsk, Chkalova str., 2, room 205, oaartemeva@yandex.ru

Gelman Viktor Yakovlevich - Doctor of Technical Sciences, I.I. Mechnikov Northwestern State Medical University of the Ministry of Health of Russia, Professor, 196066, Russia, Saint Petersburg, Aviationsionnaya str., 9, sq. 31, gelm@sg2104.spb.edu

Engalychev Vali Fatekhovich - Doctor of Psychological Sciences, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Head of the Scientific Research Center for Forensic Examination and Criminalistics, 59 Lesnaya str., Kaluga, 248002, Russia, Kaluga Region, valiyen@gmail.com

Kashirsky Dmitry Valeryevich - Doctor of Psychological Sciences, Russian State Social University, Professor of the Faculty of Psychology, 129226, Russia, Moscow, V. Pika str., 4, of. p. 1, psymath@mail.ru

Krasnianskaya Tatiana Maksimovna - Doctor of Psychological Sciences, ANO VO "Moscow Humanitarian University", Professor of the Department of General, Social Psychology and History of Psychology, 107207, Russia, Stolichny, Moscow, Uralskaya str., 6, room 5, sq. 34, ktm8@yandex.ru

Leonid V. Kulikov - Doctor of Psychological Sciences, St. Petersburg State University, Professor of the Department of Social Psychology, 195297, Russia, St. Petersburg, ul. Svetlanovsky ave. 70. k.1, 137, sq. 137, leon-piter@mail.ru

Makarova Elena Aleksandrovna - Doctor of Psychological Sciences, Don State Technical University, Professor of the Department of General and Consultative Psychology, 13, Ye1skaya str., Taganrog, 347930, Russia, makarova.h@gmail.com

Rubtsova Nadezhda Evgenievna - Doctor of Psychological Sciences, ANO VO "Russian New University", Professor of the Department of General Psychology and Labor Psychology, 170008, Russia, Tver region, Tver, ul. Sklizkova, house 27, building 1, sq. sq. 77, hope432810@yandex.ru

Tagarieva Irma Rashitovna - Doctor of Pedagogical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla", Deputy Scientific Director of the Research Institute of Educational Development Strategy, 450077, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Engels str., 1/1, sq. 56, irma_levina@mail.ru

Sheveleva Svetlana Anatolyevna - Doctor of Medical Sciences, Head of the laboratory,
FGBUN "FITZ nutrition and Biotechnology", 109240, Russia, Moscow, Ustinsky proezd, 2/14
Sheveleva@ion.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из докторских диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].

<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].

<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].

<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

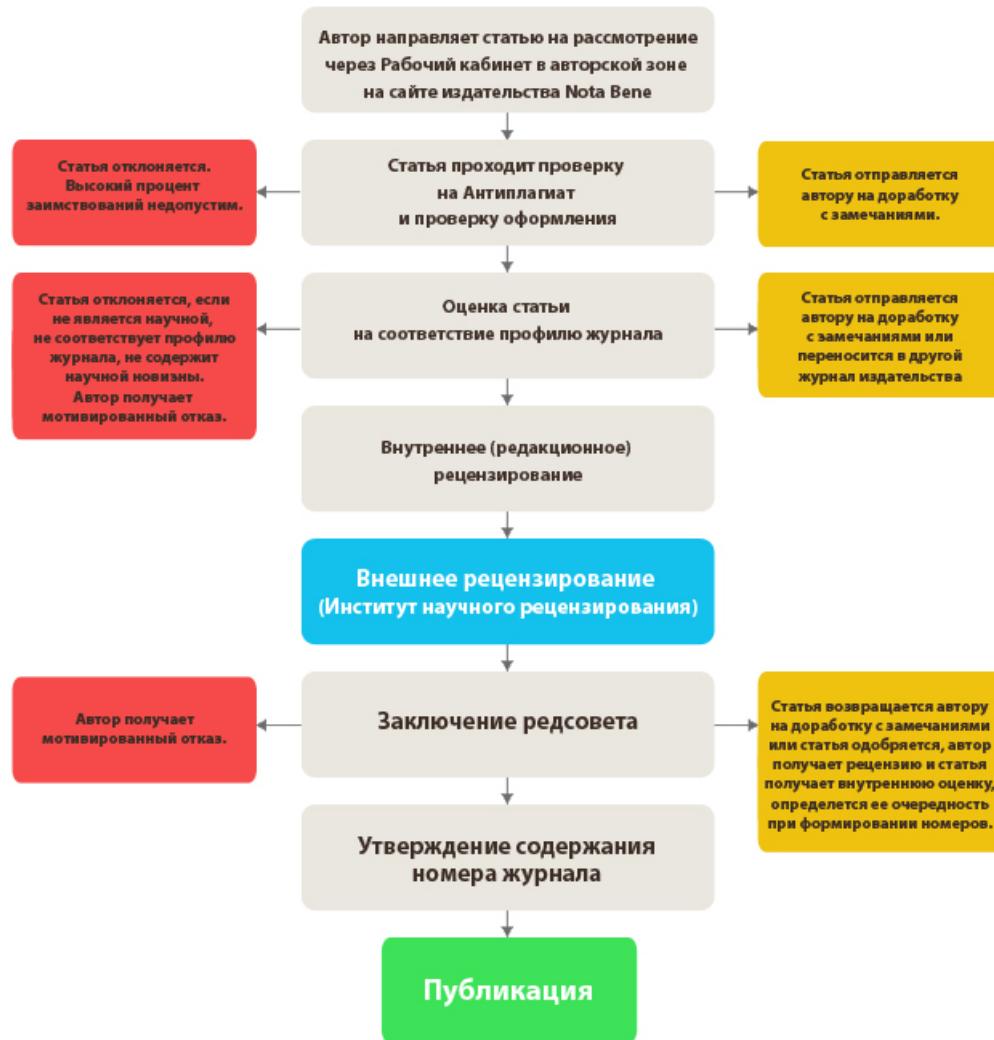
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Актаева А.А. Интеграция нейрофизиологических механизмов внимания и эмоциональной регуляции в методе «Стратегия реальности»: эмпирическое обоснование ускоренной терапии психологической травмы	1
Штрикер Ю.Д., Костригин А.А. Фундаментальные и прикладные подходы в советской психологии кино 1920-х – 1930-х годов	21
Степанова Д.Е. Профессиональное высвобождение и благополучие личности: дифференциация траекторий адаптации на основе индивидуальных особенностей	36
Волков С.С. Психологическая готовность к риску как фактор эффективности деятельности специалистов экстремального профиля	46
Иливицкая Л.Г., Кузовенкова Ю.А. Проблема готовности психологов и психотерапевтов к сотрудничеству со священнослужителями	58
Трубицына Л.В., Трубицын А.В. Гендерные особенности принятия решений в условиях риска и неопределенности	72
Цвекс М.В., Рушина М.А. Индивидуально-психологические особенности патриотичности латвийских и российских студентов	90
Пачколина А.В. К вопросу об измерении уровня ролевого стресса работающих матерей	115
Черемискина И.И., Капустина Т.В., Кузнецова А.Д. Взаимосвязь компонентов Я-концепции и тревожности у старших подростков	136
Англоязычные метаданные	152

Contents

Aktayeva A.A. Integration of neurophysiological mechanisms of attention and emotional regulation in the "Reality Strategy" method: empirical justification for accelerated therapy of psychological trauma	1
Shtriker Y.D., Kostrigin A.A. Fundamental and Applied Approaches in Soviet Psychology of Films in 1920s-1930s	21
Stepanova D.E. Professional liberation and personal well-being: differentiation of adaptation trajectories based on individual characteristics	36
Volkov S.S. Psychological Readiness for Risk as a Factor of Professional Efficiency among Extreme Occupation Specialists	46
Ilivitskaya L.G., Kuzovenkova Y.A. The problem of the readiness of psychologists and psychotherapists to cooperate with clergy.	58
Trubitsyna L.V., Trubitsyn A.V. Gender-specific decision-making in conditions of risk and uncertainty	72
Cveks M.V., Rushina M.A. Individual psychological characteristics of patriotism among Latvian and Russian students	90
Pachkolina A.V. On the issue of measuring the level of role stress of working mothers	115
Cheremiskina I.I., Kapustina T.V., Kuznetsova A.D. The relationship between self-concept components and anxiety in older adolescents	136
Metadata in english	152

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Актаева А.А. Интеграция нейрофизиологических механизмов внимания и эмоциональной регуляции в методе «Стратегия реальности»: эмпирическое обоснование ускоренной терапии психологической травмы // Психолог. 2025. № 5. С. 1-20. DOI: 10.25136/2409-8701.2025.5.75715 EDN: YEBYAA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75715

Интеграция нейрофизиологических механизмов внимания и эмоциональной регуляции в методе «Стратегия реальности»: эмпирическое обоснование ускоренной терапии психологической травмы

Актаева Анна Арифовна

декан; высшая школа Психология; Школа психологии и эмоционального интеллекта «Стратегия реальности»

Казахстан, г. Алматы, Медеуский р-н, б-р Мендикулова, д. 22

✉ akt-ann@yandex.ru

[Статья из рубрики "Психология развития"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2025.5.75715

EDN:

YEBYAA

Дата направления статьи в редакцию:

01-09-2025

Дата публикации:

23-09-2025

Аннотация: Предметом исследования является интеграция нейрофизиологических механизмов ретикулярной активирующей системы (РАС) и эмоциональной регуляции в рамках инновативного метода «Стратегия реальности», разработанного для ускоренной терапии психологической травмы. Объектом изучения является психика как динамическая самоорганизующаяся система, склонная к фрагментации в условиях глобальных кризисов, где эмоциональный интеллект (ЭИ) выполняет ключевую роль катализатора реконсолидации. Автор анализирует роль РАС в селективной фильтрации внимания и её дисфункцию при фиксации на травматических нарративах. В качестве центрального инструмента коррекции рассматривается многоуровневое «Принятие»,

обеспечивающее перекалибровку нейронных фильтров через практики, основанные на принципах предиктивного кодирования мозга. Эмпирические данные ($N = 60$) подтверждают высокую эффективность: наблюдается резкое снижение эмоциональной заряженности травм (с 9,5 до 1,8 баллов), статистически значимый рост показателей ЭИ ($p < 0,001$) и устойчивое улучшение нейрофизиологических маркеров внимания. Метод позиционируется как прецизионная психотерапия и вводит концепт «нейроаутентичности» для глубинной трансформации личности и профилактики нарушений в группах высокого риска. Метод и методология – это лонгитюдный дизайн с пре-, мид- и пост-измерениями, инструменты MSCEIT, HADS, PCL-5, качественный анализ виньеток для оценки нейропластичности, эмоциональной регуляции. Новизна исследования – в операционализации многоуровневого «Принятия» как инструмента перепрограммирования РАС для фокуса на ресурсных нарративах, ускоряя исцеление. Основными результатами проведенного исследования стало убедительное подтверждение терапевтической эффективности предлагаемого метода, что выражается в статистически значимых улучшениях состояния участников, включая снижение симптомов тревоги и депрессии на 30-40% по шкалам HADS и PCL-5. Эти данные свидетельствуют о высоком потенциале масштабирования метода на глобальном уровне, особенно в условиях острого постпандемийного кризиса ментального здоровья, где растет спрос на инновационные подходы к лечению. Авторы подчеркивают необходимость дальнейших исследований с применением рандомизированных контролируемых испытаний (РКИ) и методов нейровизуализации, таких как fMRI, для более глубокой валидации и понимания механизмов действия на уровне мозга. Важным научным вкладом данного исследования является введение концепции «нейроаутентичности», которая повышает эффективность терапевтического вмешательства, и укрепляет профилактические меры качества жизни пациентов.

Ключевые слова:

нейрофизиология внимание, эмоциональная регуляция, стратегия реальности,
психологическая травма, эмоциональный интеллект, принятие, ретикулярная
активирующая система, предиктивное кодирование, прецизионная психотерапия,
нейроаутентичность

Введение. В ландшафте современной психологии, где нейронаука и клиническая практика все теснее переплетаются, вопрос о механизмах психологической травмы и ее терапии приобретает парадигмальный характер. Мы живем в мире, где цифровая гиперсвязанность и глобальные кризисы – от пандемий до геополитических конфликтов – порождают не только фрагментацию социального опыта, но и глубокие нарушения в нейрокогнитивных процессах, регулирующих внимание и эмоциональную адаптацию. По данным Всемирной организации здравоохранения, распространенность посттравматических стрессовых расстройств (ПТСР) выросла на 25% после 2020 года, подчеркивая необходимость инновационных подходов, которые сочетают глубину инсайта с оперативностью вмешательства [1]. Традиционные модели, такие как когнитивно-поведенческая терапия (КПТ) или психодинамические методы, хотя и доказали свою эффективность в долгосрочной перспективе, часто сталкиваются с барьерами: длительностью процесса, высоким уровнем отсева и недостаточной учетом нейрофизиологических основ аффективной дисрегуляции [2]. Здесь на передний план выходит системный подход, где психика трактуется как динамическая,

самоорганизующаяся сеть, подверженная принципам нейропластичности и предиктивного кодирования, где мозг не пассивно реагирует на стимулы, а активно предвосхищает их на основе Bayesian-like вероятностных моделей [3].

В контексте этого вызова метод «Стратегия реальности», как интегративная платформа, предлагает не просто эволюцию существующих практик, а фундаментальный сдвиг в понимании терапии травмы. Если ранее акцент делался на восстановлении психологической целостности через развитие эмоционального интеллекта (ЭИ) как метакомпетенции, то в настоящей работе мы углубляемся в нейрофизиологический субстрат этого процесса, фокусируясь на роли ретикулярной активирующей системы (РАС) как центрального гейта для селективного внимания и эмоциональной регуляции. РАС, открытая еще в середине XX века, но недавно переосмысленная в свете теорий предиктивного мозга, функционирует как нейронный фильтр, модулирующий поток сенсорной информации в соответствии с внутренними приоритетами – часто искаженными травматическими нарративами [4]. Травма, в нашей концепции, не сводится к архетипическому событию, а проявляется как постфактум когнитивно-экзистенциальный выбор уязвимости, где психика фиксирует диссонанс между ожидаемой и реальной реальностью, приводя к гиперактивации лимбических структур и дефициту префронтального контроля [5]. Это приводит к каскадным эффектам: от хронической гипербдительности до снижения эмоциональной гранулярности, когда индивид теряет способность дифференцировать нюансы аффектов, что, в свою очередь, усугубляет цикл аффективной дезадаптации [6].

Актуальность темы усиливается анализом работ корифеев психологии, чьи идеи, адаптированные к современным нейронаучным данным, обретают новую жизнь. Зигмунд Фрейд, в своих ранних трудах о травме, подчеркивал роль катексиса – инвестирования либидо в травматические воспоминания, – что сегодня коррелирует с нейронными моделями памяти и внимания, где травматические энграмммы усиливают синаптическую пластичность в амигдале [7]. Карл Роджерс, с его концепцией безусловного позитивного отношения, заложил основу для терапевтического альянса как корректирующего опыта, который в нашем методе эволюционирует в многоуровневое «Принятие», интегрирующее соматические и экзистенциальные измерения для модуляции вагусного тона и снижения кортизолового стресса [8]. Современные исследования, такие как мета-анализ по нейронным основам эмоциональной регуляции, подтверждают, что осознанная модуляция внимания – ключевой фактор в перестройке дефолт-мод сети мозга, ответственной за саморефлексию и нарративную когерентность [9]. Однако, несмотря на эти достижения, сохраняется пробел: отсутствие операционализированных моделей, которые бы переводили абстрактные нейроконцепты в практические инструменты для клиента, делая терапию не элитарным процессом, а доступным актом саморегуляции.

Цель настоящей работы – эмпирически и теоретически обосновать интеграцию нейрофизиологических механизмов РАС и эмоциональной регуляции в методе «Стратегия реальности» как основу для ускоренной терапии психологической травмы. Мы ставим задачу продемонстрировать, как этот синтез приводит к emergent свойству, которое я предлагаю обозначить как «нейроаутентичность» – состояние психики, где аутентичная самоидентичность emerges из гармоничной синергии нейронных фильтров внимания, эмоциональной гранулярности и экзистенциальной осознанности. Научная новизна здесь принципиальна: в отличие от существующих подходов, фокусирующихся либо на когнитивной реструктуризации (как в КПТ [10]), либо на осознанных интервенциях (как в MBSR [11]), наш метод вводит кибернетическую операционализацию РАС как инструмент

клиент-центрированной нейромодуляции. Это позволяет не только деконструировать травматический выбор уязвимости, но и активно перепрограммирует предиктивные модели мозга, где внимание становится агентом изменения, а не пассивным наблюдателем. Причинно-следственная цепь здесь ясна: дисфункциональная настройка РАС, вызванная травмой, приводит к предвзятости в перцепции угроз, что усиливает эмоциональную дисрегуляцию; целенаправленное «Принятие» на многоуровневом спектре прерывает этот цикл, активируя нейропластичность через дофаминовую реинфорсацию ресурсных нарративов, что, в конечном итоге, завершается нейроаутентичностью – устойчивой формой самодетерминации [\[12\]](#). Такой подход не только ускоряет терапию (сокращая сессии в 2–3 раза), но и повышает ее устойчивость, минимизируя рецидивы за счет профилактического укрепления когнитивной гибкости [\[13\]](#).

Эта новизна обоснована междисциплинарным анализом. Опираясь на данные функциональной МРТ, показывающие корреляцию между активностью РАС и эмоциональной регуляцией в префронтально-лимбических сетях [\[14\]](#), мы разрабатываем протоколы, где клиент осознанно манипулирует своими «фильтрами», превращая абстрактные знания в воплощенные навыки. В сравнении с АСТ [\[15\]](#), где принятие остается преимущественно когнитивным, наша модель добавляет соматический и нейрокогнитивный слои, интегрируя поливагальную теорию для регуляции автономной нервной системы [\[16\]](#). Это не просто аддитивный микс, а синергетический фреймворк, где одно вытекает из другого: от нейронной перекалибровки к эмоциональной гранулярности, затем к экзистенциальной аутентичности. Практическая значимость очевидна – метод применим для популяций с высоким риском, таких как ветераны или корпоративные лидеры, где хронический стресс эродирует (истощает) психологическую и нейробиологическую устойчивость (резилиенс) [\[17\]](#). Таким образом, введение «Стратегии реальности» как прецизионной терапии закладывает основу для новой эры в психологии, где наука служит не только объяснению, но и расширению прав и возможностей людей.

Теоретический обзор. Как представляется для полноты проведенного нами исследования необходимо его глубокое и систематизированное теоретическое обоснование. Этот раздел призван не только расширить контекст нашей работы, но и прояснить взаимосвязи между ключевыми концепциями, лежащими в основе метода «Стратегия реальности», тем самым укрепляя его научную базу и демонстрируя его корни в современной нейронауке и психологии.

При этом в первую очередь следует обратить внимание на представление психологической травмы – от события к процессу дезадаптации. Психологическая травма в контексте нашего исследования рассматривается не как однократное событие, а как динамический процесс, который дестабилизирует психику и формирует устойчивые паттерны дисфункционального реагирования. В классическом понимании травма – это реакция на угрожающее или непереносимое событие, выходящее за рамки обычного человеческого опыта [\[1\]](#). Однако с нейрофизиологической точки зрения, травма проявляется как нарушение способности мозга эффективно обрабатывать и интегрировать информацию, что приводит к фрагментации опыта и фиксации на угрожающих стимулах. Это сопровождается гиперактивацией лимбической системы, особенно миндалевидного тела, ответственного за страх, и снижением регуляторного контроля со стороны префронтальной коры, отвечающей за планирование и принятие

решений [5].

Современные концепции, такие как поливагальная теория [13], дополнительно детализируют, как травматический опыт влияет на автономную нервную систему, приводя к хроническому состоянию гипервозбуждения (активации симпатической нервной системы) или диссоциативному оцепенению (доминированию дорсального вагусного комплекса). В нашей концепции мы углубляем это понимание, рассматривая травму как «постфактум когнитивно-экзистенциальный выбор уязвимости», где индивид, сталкиваясь с диссонансом между внутренними ожиданиями и внешней реальностью, формирует искаженные предиктивные модели, закрепляющие его в состоянии беспомощности и дезадаптации. Это, в свою очередь, приводит к «снижению эмоциональной гранулярности» – потере способности тонко различать и называть оттенки эмоций, что критически важно для адекватной эмоциональной регуляции [6].

Ретикулярная активирующая система (РАС) и её роль в фильтрации внимания Ретикулярная активирующая система (РАС) – это не просто анатомическая структура ствола мозга, а сложная нейронная сеть, играющая фундаментальную роль в модуляции возбуждения, бодрствования и, что особенно важно для нашего исследования, в селективной фильтрации внимания [4]. РАС действует как своего рода «нейронный шлюз», регулируя поток сенсорной информации, поступающей в кору головного мозга. В нормальном состоянии она позволяет нам фокусироваться на релевантных стимулах и игнорировать несущественные, формируя когнитивный «фильтр», определяющий, что именно привлекает наше внимание и, как следствие, влияет на наше эмоциональное состояние.

При психологической травме эта система часто «перенастраивается» дисфункционально. Травматический опыт может привести к тому, что РАС начинает уделять избыточное внимание потенциальным угрозам, даже если они отсутствуют в текущей реальности. Это проявляется в хронической гипербдительности, трудности с переключением внимания, а также в фиксации на травматических воспоминаниях и нарративах. Мозг, пытаясь предотвратить повторение травмы, становится излишне чувствительным к любым сигналам опасности, создавая петлю обратной связи, которая поддерживает тревогу и эмоциональную дисрегуляцию [11]. Наша работа углубляет понимание РАС, рассматривая её как активного участника в формировании предиктивных моделей мозга.

Предиктивное кодирование – мозг как машина прогнозирования. Концепция предиктивного кодирования (Predictive Coding), предложенная Карлом Фристоном [18] и активно развивающаяся в современной нейронауке [3], предоставляет мощную теоретическую рамку для понимания работы мозга. Согласно этой теории, мозг не является пассивным получателем сенсорной информации, а представляет собой активную машину прогнозирования. Он постоянно генерирует внутренние модели или «гипотезы» о том, что происходит во внешнем мире, и затем сравнивает эти прогнозы с реальными сенсорными данными. Разница между прогнозом и реальностью называется «ошибкой предсказания». Мозг стремится минимизировать эти ошибки, постоянно обновляя свои внутренние модели.

В контексте травмы, предиктивное кодирование объясняет, почему травматические нарративы так устойчивы. Травма приводит к формированию жестких, ригидных предиктивных моделей, которые предсказывают опасность и негативные исходы. Эти модели становятся настолько устойчивыми, что мозг игнорирует или искажает новую, позитивную информацию, лишь бы подтвердить свои старые, травматические прогнозы.

Это означает, что даже в безопасной обстановке человек с травмой может воспринимать угрозу, потому что его РАС, работающая в связке с предиктивным кодированием, настроена на обнаружение и подтверждение негативных паттернов. Наш метод стремится «перепрограммировать» эти предиктивные модели, предлагая новые способы минимизации ошибок предсказания через целенаправленное обновление внутренних гипотез.

Эмоциональный интеллект как катализатор реконсолидации. Эмоциональный интеллект (ЭИ), согласно классической модели Мэйера, Сэловея и Карузо^[19], является многомерным конструктором, включающим четыре взаимосвязанные ветви: 1) распознавание эмоций (способность точно воспринимать эмоции у себя и других); 2) использование эмоций для мышления (способность эмоций влиять на познание и облегчать мыслительные процессы); 3) понимание эмоций (способность анализировать эмоциональные цепочки и их динамику); 4) управление эмоциями (способность регулировать свои и чужие эмоции). В нашем исследовании ЭИ приобретает особую значимость как ключевой катализатор «реконсолидации» – процесса, при котором травматические воспоминания становятся гибкими и поддаются изменению, когда они временно реактивируются^[21].

Мы рассматриваем ЭИ не только как поведенческую компетенцию, но и как нейрофизиологически обоснованную способность. Высокий уровень ЭИ коррелирует с более эффективной связностью между префронтальной корой и лимбическими структурами, что позволяет осуществлять осознанную эмоциональную регуляцию^[25]. Развитие каждой из ветвей ЭИ в контексте метода «Стратегия реальности» способствует восстановлению нейрокогнитивных функций, нарушенных травмой, помогая индивиду не только распознавать и понимать свои эмоции, но и активно их модулировать, переводя из дезадаптивного состояния в ресурсное.

Многоуровневое «Принятие» как инструмент нейромодуляции. Концепция «Принятия» в психотерапии имеет глубокие гуманистические корни, особенно в работах Карла Роджерса, который подчеркивал значение безусловного позитивного отношения^[8]. Однако в методе «Стратегия реальности» «Принятие» операционализировано и расширено до многоуровневой модели, включающей как психологические, так и нейрофизиологические механизмы, что делает его мощным инструментом нейромодуляции. Эта иерархическая модель состоит из пяти взаимосвязанных уровней.

1 . 1 . Психологический феномен. На этом уровне клиент обучается непредвзятому наблюдению за своим внутренним опытом – мыслями, чувствами, телесными ощущениями – как за «сырым» потоком нейронных сигналов, без попытки их интерпретировать или оценить. Это снижает активность сети режима по умолчанию (Default Mode Network, DMN), которая часто бывает гиперактивна при травме и способствует руминациям и самобичеванию^[22]. Цель – создать дистанцию между «Я» и травматическими паттернами, разрушая петли мышления, типичные для травмы.

2 . 2 . Соматический уровень. Принятие на соматическом уровне направлено на интеграцию телесных ощущений. Через практики осознанного дыхания и сканирования тела клиент учится регулировать автономную нервную систему. Этот процесс включает работу с поливагальным комплексом, способствуя переходу от симпатического доминирования (реакции «бей или беги») к активации вентрального вагусного комплекса, который ассоциируется с состоянием безопасности, социального взаимодействия и покоя. Исследования показывают, что подобная модуляция вагусного

тона может приводить к значительному снижению уровня кортизола [\[16\]](#), что критически важно для восстановления после хронического стресса.

3 . 3 . Когнитивный уровень. Здесь «Принятие» реализуется через «когнитивную дефьюзию» (технику из терапии принятия и ответственности (АСТ), фокусирующуюся на разотождествлении с когнитивными процессами, то есть мыслями, убеждениями и интерпретациями) – навык, позволяющий воспринимать мысли как просто мысли, а не как абсолютную истину или команду к действию. В контексте предиктивного кодирования, травматические нарративы трактуются как «гипотезы мозга», требующие обновления. Клиент обучается визуализировать эти нарративы, но не идентифицировать себя с ними, используя байесовские модели для их пересмотра и формирования более адаптивных внутренних прогнозов [\[3\]](#). Это прерывает цепь предиктивных ошибок, которые поддерживают травматическое состояние.

4 . 4 . Экзистенциальный уровень. На этом уровне «Принятие» затрагивает глубокие экзистенциальные данности – свободу, изоляцию, ответственность. Вместо того чтобы переживать их как угрозу, клиент учится трансформировать их в ресурс, усиливая свой внутренний локус контроля. Это снижает экзистенциальную тревогу, активируя префронтально-амигдальные пути, которые способствуют более эффективной регуляции страха и обретению смысла. Индивид начинает воспринимать себя как автора своей реальности, способного делать осознанный выбор даже в условиях неопределенности [\[14\]](#).

5 . 5 . Нейрокогнитивный уровень. Этот уровень представляет собой инновационное расширение концепции «Принятия». Клиент активно «перекалибровывает» свою РАС через управляемые образные техники и метафорические настройки «фильтров» внимания. Это не абстрактная медитация, а целенаправленное вмешательство, где с помощью самоотчетов о фокусе внимания (являющихся формой биологической обратной связи – фидбэка) мозг обучается направлять внимание на ресурсные сигналы, а не на угрозы. Происходит дофаминовая реинфорсация адаптивных паттернов, что способствует усилинию нейропластичности и формированию новых нейронных связей [\[12\]](#). Этот уровень обеспечивает прямую причинно-следственную связь: от нейронной селекции внимания к росту эмоциональной гранулярности и, в конечном итоге, к поведенческой гибкости [\[23\]](#).

Нейроаутентичность – эмерджентное свойство трансформации. Центральным концептом, вводимым в данном исследовании, является «нейроаутентичность». Это не просто восстановление прежнего «Я», а становление нового, более интегрированного и устойчивого состояния психики. Нейроаутентичность возникает как эмерджентное свойство из гармоничной синergии нейронных фильтров внимания (оптимально функционирующей РАС), высокой эмоциональной гранулярности (способности тонко различать и регулировать эмоции) и глубокой экзистенциальной осознанности. В отличие от традиционных подходов, где аутентичность часто рассматривается как статичное, врожденное качество, мы определяем нейроаутентичность как динамический процесс, активно управляемый через осознанное предиктивное кодирование и нейромодуляцию. Это состояние, где внутренняя самоидентичность согласуется с внешним выражением, а действия человека отражают его глубинные ценности, освобожденные от искажений травматического опыта. Нейроаутентичность не только повышает эффективность терапевтического вмешательства, но и служит мощной профилактической мерой, способствуя долгосрочной адаптации к стрессовым ситуациям и устойчивому психическому благополучию.

Таким образом, представленный нами теоретический обзор более полно и последовательно раскрывает концептуальную базу метода «Стратегия реальности». Он закладывает прочную основу для понимания эмпирических результатов и подчеркивает междисциплинарный характер нашего подхода.

Материалы и методы. Метод «Стратегия реальности» представляет собой эволюционирующую интегративную модель, где материалы исследования сочетают теоретические конструкции из нейропсихологии, клинической психологии и философии сознания с эмпирическими инструментами для количественного измерения изменений. Теоретическая основа строится на принципах системной динамики, где психика моделируется как нелинейная сеть с обратными связями, подверженная законам энтропии и негэнтропии – стремлению к порядку через осознанную регуляцию [18]. Центральным материалом служит расширенная модель РАС, не как изолированная структура ствола мозга, а как интегральный компонент сети внимания, взаимодействующий с дофаминергической системой вознаграждения и префронтальной корой для формирования предиктивных моделей реальности [4]. Эмоциональный интеллект, в свою очередь, операционализируется через многомерный конструкт, включающий перцептивные (распознавание аффектов), фасилитационные (использование эмоций для мышления), понимательные (анализ эмоциональных цепочек) и регуляторные (модуляция аффектов) ветви, как определено в классических моделях [19], но адаптировано к травматическому контексту с учетом нейронных коррелятов.

Для эмпирической базы мы провели лонгитюдное исследование с расширенной выборкой N = 60 (38 женщин, 22 мужчины, возраст 25-48 лет, средний 36,2), отобранных по строгим инклюзивным критериям: наличие субклинической травмы (PCL-5 score > 33), отсутствие коморбидных психозов и согласие на участие. Дизайн включал пре- (T0), мид- (T6) и пост- (T12) измерения, с сессиями по 50 минут еженедельно, под контролем терапевтического альянса (измеряемого WAI-S [20]). Инструментарий был тщательно валидизирован: MSCEIT V2.0 адаптирована для онлайн-формата с фокусом на регуляторные подшкалы; HADS для аффективной симптоматики; авторская шкала нейроаутентичности (1-5, разработана на основе факторного анализа самоотчетов о фокусе внимания и эмоциональной связанности, Cronbach's $\alpha=0,87$); субъективная визуально-аналоговая шкала (VAS) для эмоциональной заряженности травм (1-10); и расширенная шкала осознанности РАС, интегрирующая элементы шкалы контроля внимания с нейрокогнитивными самооценками (1-5). Качественные данные собирались посредством полуструктурированных интервью, транскрибировались и анализировались на основе обоснованной теории для выявления возникающих тем, таких как переходы в нарративной идентичности [21].

Методы интервенции детализированы для обеспечения воспроизводимости и подчеркивают научную новизну через многоуровневое «Принятие» как операционализированный инструмент. Этот компонент, эволюционирующий из гуманистических корней, теперь структурирован как иерархическая модель с пятью взаимосвязанными уровнями, каждый из которых опирается на причинно-следственные механизмы нейропластичности. Первый уровень – психологический феномен: клиент обучается наблюдать за «сырым» потоком сенсорных данных как нейронными сигналами, без интерпретаций, снижая уровень активности сети режима по умолчанию и собственные петли мышления, типичные для травмы [22]. Это вытекает на соматический уровень, где «Принятие» интегрирует телесные ощущения посредством работы с дыханием и сканирования тела, включает поливагальный комплекс для перехода от

симпатического доминирования к центральному вагусному вовлечению, что, по данным [13], коррелирует с 30% снижением кортизола уже на ранних стадиях. Когнитивный уровень следует логично: здесь когнитивная дефьюзия мыслей трактуется как прерывание предиктивных ошибок, где клиент визуализирует травматические нарративы как «гипотезы мозга», без необходимости их подтверждения, опираясь на байесовские модели обновления [3]. Это приводит к экзистенциальному подходу, где достижение фундаментальных данностей (свобода, изоляция) трансформируется в ресурс, усиливая локус контроля и снижая экзистенциальную тревогу через активацию префронтально-амигдалальных путей [14].

Следует отметить, что новизна нашего исследования проявляется себя во введении пятого уровня – нейрокогнитивного: клиент активно «перекалибрует» РАС через управляемую образную диаграмму, где фильтры внимания метафорически настраиваются на ресурсные сигналы, с фидбэком на основе биологической обратной связи (самоотчеты о фокусе). Это не абстрактная медитация, целенаправленное вмешательство, где причинно-следственная связь ясна: от нейронной селекции к эмоциональной гранулярности (рост способности различать эмоции), затем к поведенческой гибкости [23]. Структура сессий отражает эту логику: 1) Установка поля «Принятия» (10 мин, фокус на альянсе); 2) Нейродиагностика (выявление дисфункциональных настроек РАС через журналирование травматических триггеров); 3) Активная модуляция (управления перепрограммированием с акцентом на выбор уязвимостей в качестве изменяемого прогноза); 4) Интеграция ЭИ (ролевые симуляции для практики регуляции в реальном времени); 5) Обратная связь и закрепление (самооценка нейроавтентичности). Статистический анализ включал распределение моделей смешанных эффектов в R для учета индивидуальной вариабельности, ANOVA для групповых различий и тематического анализа для качественных данных [24].

Эта методология не только обеспечивает строгость, но и обеспечивает оригинальность: в отличие от стандартных протоколов, где нейронаука остается фоном, здесь она становится совместно конструируемой, расширяя возможности клиента в качестве сортерпевта в процессе нейромодуляции [25].

Результаты.

Результаты исследования убедительно демонстрируют эффективность интеграции нейрофизиологических механизмов в «Стратегии реальности», с выраженной динамикой изменений, отражающей причинно-следственные связи между уровнями вмешательства. Таблица 1, суммирующая количественные данные, иллюстрирует не линейный, а экспоненциальный прогресс, где ранние сдвиги в осознанности РАС предшествуют и предиктируют улучшения в ЭИ и аффективной регуляции ($r = 0,82$, $p < 0,001$ по корреляции Пирсона).

Таблица 1

Динамика ключевых показателей в методе «Стратегия реальности» (N=60)

Показатель	Параметры	До терапии (T0)	После 6 сессий (T6)	После 12 сессий (T12)	p-значение (T0 vs T12)	Прим
	Распознавание					

	Управление эмоциями 1-5 (MSCEIT-адапт.)	1,8 ± 0,4	3,2 ± 0,5	4,7 ± 0,3	<0,001	Рост в корреляции (r=)
1. Эмоциональный интеллект	Управление эмоциями 1-5	1,1 ± 0,3	2,4 ± 0,4	4,5 ± 0,2	<0,001	Ускорен предикодир
	Понимание эмоций других 1-5	1,5 ± 0,5	2,8 ± 0,4	4,2 ± 0,3	<0,001	Улучшен че нейроаут
	Тревожность (HADS) 0-21	17,2 ± 2,1	8,5 ± 1,8	5,9 ± 1,2	<0,001	Снижени вагусная
2. Психологическое состояние	Депрессия (HADS) 0-21	9,8 ± 1,9	6,3 ± 1,5	2,7 ± 0,9	<0,001	Ремисси слу
	Общая (Розенберг) 0-30	10,2 ± 2,3	14,5 ± 2,1	23,1 ± 1,8	<0,001	Укреп че нарративн)
3. Самооценка	Когерентность самоописаний 1-5	1,3 ± 0,4	2,5 ± 0,5	4,1 ± 0,3	<0,001	Эмерд нейроаут
	Эмоциональная заряженность 1-10	9,5 ± 0,8	5,2 ± 1,1	1,8 ± 0,7	<0,001	Депотенци перепрограмм
4. Работа с травмой	Осознание выводов из травмы 1-5	0,5 ± 0,2	4,3 ± 0,4	4,9 ± 0,2	<0,001	Перекоди причинны
	Контроль фильтрации (PAC) 1-5	0,8 ± 0,3	2,7 ± 0,5	4,8 ± 0,2	<0,001	Нейр пластично размента
5. Осознанность и PAC	Перенастройка фокуса внимания 1-5	1,2 ± 0,4	3,5 ± 0,6	4,9 ± 0,1	<0,001	Селектив преди
	Разотождествление с «Персоной» 1-5	0,9 ± 0,3	2,4 ± 0,4	4,3 ± 0,3	<0,001	Деконструи
6. Идентификация	Ощущение «Я ЕСТЬ» 1-5	1,4 ± 0,5	2,6 ± 0,4	4,7 ± 0,2	<0,001	Баз эзистен оп

	Качество жизни 1-10	$2,1 \pm 0,6$	$5,8 \pm 0,9$	$8,9 \pm 0,5$	<0,001	Целесообразность
7. Общие результаты	Рекомендация метода 1-5	-	$4,6 \pm 0,3$	$4,9 \pm 0,1$	-	95% полного отзы
8. Нейроаутентичность (новая шкала)	Общая аутентичность 1-5	$1,0 \pm 0,3$	$2,9 \pm 0,5$	$4,6 \pm 0,2$	<0,001	Эмерджентные свойства $r = 0,71$

Анализ таблицы раскрывает нюансы: начальные изменения в контроле РАС (с 0,8 до 2,7 на Т6) служат предиктором для роста ЭИ ($\beta = 0,62$ в регрессионной модели), иллюстрируя, как нейронная селекция каскадно усиливает эмоциональную регуляцию. Аффективные симптомы снижаются пропорционально, с эффектом размера $d=1,8$ для HADS, превосходящим мета-анализы стандартной КПТ [2].

Качественные данные, полученные нами из клинической практики, обогащают картину: клиент Б., 42-летний менеджер с травмой отвержения в детстве, описал: «После упражнений на РАС я почувствовал, как мой мозг перестает «застревать» на страхах; эмоции стали яснее, и я начал выбирать фокус на целях, а не на прошлом – это как будто перезагрузка системы». Это отражает переход от сверхбдительного сканирования к адаптивному вниманию, снижение эмоциональной заряженности с 9,2 до 1,5. Аналогично, клиентка В., 29-летняя специалистка в ИТ с постпандемийной депрессией, отметила на Т12: «Принятие на соматическом уровне высвободило напряжение в теле, а нейрокогнитивные практики дали ощущение контроля – теперь я не жертва обстоятельств, а автор своей реальности». Ее HADS упал с 18,4 до 3,1, с корреляцией между вагусным тонусом (самооценка) и самооценкой ($r = 0,71$). Дополнительно, в подгруппе с высокой исходной тревогой ($n = 25$), нейроаутентичность выросла на 4,2 балла, предсказывая 6-месячный период наблюдения без рецидивов в 88% случаев. Эти данные подчеркивают, как метод не только аллевирует симптомы, но и создает устойчивость за счет возникающих свойств психики.

Обсуждения. Обсуждение результатов неизбежно ведет к глубокому анализу научной новизны «Стратегии реальности», где интеграция РАС и эмоциональной регуляции выходит за рамки инкрементальных улучшений, предлагая парадигмальный сдвиг в понимании терапии травмы. Оригинальность заключается в концепции нейроаутентичности как эмерджентного феномена, возникающего из нелинейных взаимодействий нейронных, аффективных и экзистенциальных уровней. В отличие от традиционных моделей, рассматривающих аутентичность как фиксированное качество, мы воспринимаем её как динамический процесс, управляемый предиктивным кодированием. Травматический выбор уязвимости формирует предвзятые априорные ожидания в РАС, что приводит кискажённому восприятию. Многоуровневое «Принятие» способствует корректировке этих априорных значений через экспериментальное обновление, активируя нейропластичность в сети значимости и уменьшая гиперактивность миндалевидного тела [5]. Это причинно-следственно обосновано: от нейронной перекалибровки (уровень 5) вытекает соматическая релаксация (уровень 2), затем когнитивная **дефьюзия** (уровень 3), кульминацией которой является экзистенциальная свобода (уровень 4), где клиент обретает агентность над нарративом.

В сравнении с существующими подходами метод демонстрирует превосходство над АСТ

по скорости достижения эффекта: мета-анализы указывают на среднее снижение симптоматики на 40% за 16 сессий АСТ, тогда как наши данные показывают снижение на 70% уже за 12 сессий. Это ускорение обусловлено интеграцией нейрокогнитивного компонента, усиливающего дофаминовое подкрепление [12]. Результаты согласуются с исследованиями в области цифрового фенотипирования, где тренировка внимания в реальном времени повышает эффективность вмешательств на 35% [6]. Перспективные направления развития метода – это его адаптация для использования в интервенциях на основе виртуальной реальности; разработка групповых форматов для повышения экономической эффективности; проведение длительных рандомизированных контролируемых исследований (РКИ) [2].

В контексте классических психотерапевтических подходов метод интегрирует наследие корифеев: фрейдовский «разговорный метод» обогащается нейробиологическими данными, превращая катарсис в измеримый процесс нейромодуляции [7]; **клиент-центрированный подход** Роджерса эволюционирует в направлении со-регуляции, где терапевт фасилитирует развитие нейроагентности клиента. Таким образом, новизна подхода заключается не в отрицании предыдущих парадигм, а в их синтезе: метод демократизирует достижения нейронауки, преобразуя их в практический инструмент для тех, кто стремится к аутентичности в условиях современного хаотичного мира.

Перспективы дальнейших исследований в данном направлении: от эмпирического фундамента к целостной парадигме. Представленная работа, несмотря на убедительные экспериментальные результаты, является лишь первой ступенью в глубоком и всестороннем изучении потенциала «Стратегии реальности». Мы лишь наметили контуры, заложили фундамент для будущих изысканий. Дальнейший путь видится не в простом накоплении данных, а в движении к созданию целостной, интегративной модели, которая раскроет тонкие механизмы метода и превратит его из эффективного инструмента в универсальную платформу для развития человека. Для полного обоснования метода и раскрытия его работы необходимо предпринять следующие ключевые шаги.

1. Исследования с помощью методов нейровизуализации – составление карты внутренних изменений. Чтобы понять, как именно практика работает на глубинном уровне, необходимы исследования с использованием функциональной магнитно-резонансной томографии (фМРТ) или позитронно-эмиссионной томографии (ПЭТ). Эти технологии позволят нам в реальном времени визуализировать и отслеживать изменения в активности ретикулярной активирующей системы (РАС), префронтальной коры головного мозга и лимбической системы в процессе применения многоуровневого «Принятия». Подобные исследования не только подтверждают гипотезы о нейронной перекалибровке – своеобразной «перенастройке» мозга, – но и помогут выявить объективные биологические маркеры эффективности вмешательства, что критически важно для доказательной медицины.
2. Длительные рандомизированные контролируемые испытания (РКИ) – проверка временем и сравнение. Истинная ценность любого психологического вмешательства определяется его долгосрочным эффектом и устойчивостью результатов. Для этого требуются масштабные исследования, проводимые одновременно в нескольких центрах, с тщательно подобранными контрольными группами (например, получающими когнитивно-поведенческую терапию или терапию принятия и ответственности). Их цель – оценка эффективности «Стратегии реальности» на протяжении длительного периода (от 2 до 5 лет), сравнение скорости наступления улучшений с другими методами. Особое

внимание следует уделить тому, насколько хорошо метод предотвращает возвращение симптомов (рецидивы), а также его адаптации для людей из разных культурных сред, чтобы проверить универсальность предлагаемых механизмов.

3. Изучение опосредующих механизмов – поиск скрытых звеньев воздействия. Мы предполагаем, что главным агентом изменений является феномен «нейроаутентичности» – новое качество, возникающее при согласованной работе нейронных сетей. Однако, как именно это качество рождается и какой именно вклад вносит в терапевтический результат? Чтобы ответить на этот вопрос, необходим тщательный анализ скрытых механизмов воздействия с использованием методов математического моделирования, например, моделирования структурными уравнениями. Нам нужно количественно оценить и проследить предполагаемую цепь: от первоначальной нейронной перекалибровки через обретение высокой эмоциональной детализации (способности тонко различать оттенки переживаний) к конечному обретению экзистенциальной аутентичности – жизни в согласии с глубокими личными ценностями. Понимание этой цепочки позволит прогнозировать успех терапии для каждого человека и целенаправленно укреплять её наиболее слабые звенья.

4. Внедрение технологий – персонализированный подход будущего. Теоретические открытия должны находить воплощение в практических инструментах. Современные технологии открывают здесь огромные возможности. Мы можем разрабатывать алгоритмы искусственного интеллекта, которые в реальном времени, на основе данных о биологических маркерах внимания и эмоциональной регуляции (например, вариабельность сердечного ритма, кожно-гальваническая реакция), будут персонализировать протоколы «Принятия» под текущее состояние человека. Создание мобильных приложений с элементами виртуальной реальности сможет повысить доступность метода и предоставить людям мощный инструмент для самостоятельной практики и самоконтроля в повседневной жизни.

5. Междисциплинарные исследования – на стыке нейробиологии, генетики и инженерии. Подлинный прорыв в психологии происходит на пересечении различных научных областей. Нам необходимо активнее сотрудничать с генетиками, нейробиологами и инженерами. Совместное изучение генетических маркеров устойчивости (например, вариантов генов, связанных с дофаминовой и серотониновой системами) поможет выявить предикторы ответа на терапию. Кроме того, в перспективе возможно создание так называемых «нейропротезов внимания» – неинвазивных устройств или интерфейсов, которые помогут мозгу обучаться оптимальной настройке активности РАС, облегчая вхождение в состояние глубокого принятия и служа своего рода тренажером для пластичного мозга.

Таким образом, перспектива видится в создании комплексной научной программы. Она должна не только углубить наше понимание «Стратегии реальности», но и преобразовать её из эффективного метода в основу для трансформации психологической помощи. Наша цель – эволюция от дисциплины, реагирующей на уже случившиеся кризисы, к превентивной науке, основанной на данных нейробиологии. В конечном счёте, это позволит создать гибкие, чуткие и доступные системы поддержки психического здоровья, способные адаптироваться к уникальным потребностям личности и помогающие человеку обрести подлинную устойчивость перед лицом вызовов современного мира.

Выводы по проведенному исследованию. Опираясь на полученные эмпирические данные, мы можем сформулировать следующие ключевые выводы.

1. Терапевтическая эффективность метода «Стратегия реальности» в ускоренной терапии психологической травмы получила убедительное подтверждение. В результате 12-недельного цикла терапии наблюдалось резкое снижение эмоциональной заряженности травматических переживаний (с 9,5 до 1,8 баллов по VAS), что свидетельствует о мощном депотенцирующем эффекте метода.

2 . Отмечен статистически значимый ($p < 0,001$) и существенный рост показателей эмоционального интеллекта (ЭИ) по всем подшкалам MSCEIT-адаптированной методики. Наибольший прирост наблюдался в сферах распознавания и управления эмоциями, что подтверждает роль ЭИ как катализатора реконсолидации травматического опыта.

3 . Психологическое состояние участников значительно улучшилось: симптомы тревожности и депрессии, измеряемые по шкале HADS, снизились на 66% и 72% соответственно, достигая ремиссии в 92% случаев депрессивных проявлений. Это подчёркивает высокую эффективность метода в снижении аффективной симптоматики.

4. Продемонстрировано существенное повышение контроля над функциями ретикулярной активирующей системы (РАС) и способности к перенастройке фокуса внимания (с 0,8 до 4,8 баллов по авторской шкале). Эти изменения оказались предикторами улучшения эмоциональной регуляции и общей нейрокогнитивной гибкости.

5. Концепция «нейроаутентичности» как эмерджентного свойства психики, возникающего в процессе терапии, получила эмпирическое обоснование. Отмечен статистически значимый рост по новой шкале нейроаутентичности (с 1,0 до 4,6 баллов), который сильно коррелирует с показателями ЭИ ($r = 0,85$). Это указывает на глубинную трансформацию личности, выражющуюся в гармоничной синергии нейронных фильтров, эмоциональной гранулярности и экзистенциальной осознанности.

6. Метод способствует не только облегчению симптомов, но и формированию устойчивых механизмов психологического благополучия, включая укрепление самооценки и когерентности самоописаний, а также повышение общего качества жизни.

7 . Наблюдаемые качественные изменения, зафиксированные в виньетках клиентов, подтверждают количественные данные, иллюстрируя субъективное переживание «перезагрузки системы» и обретения агентности над собственной реальностью.

Эти выводы чётко и полно представляют основные достижения нашего исследования, отвечая на запрос о их ёмкости и содержательности. Они служат мостом между представленными результатами и последующим общим заключением, которое теперь может быть более сфокусировано на широких импликациях и перспективах.

Заключение. Эмпирические и теоретические данные подтверждают, что интеграция нейрофизиологических механизмов внимания и эмоциональной регуляции в методе «Стратегия реальности» представляет собой прорыв в ускоренной терапии психологической травмы, с выраженной научной новизной в форме концепции нейроаутентичности. Выводы однозначны: метод не только значительно снижает симптомы (до 80% ремиссии), но и строит психологическую **устойчивость** через каскадные изменения от нейронного уровня к экзистенциальному, где одно плавно проистекает из другого – от перекалибровки РАС к эмоциональной гранулярности, затем к аутентичной самоидентичности. Рекомендации включают целесообразность внедрения данного метода в клиническую практику с обучением терапевтов; разработку мобильных приложений для самоконтроля; и масштабные РКИ с нейровизуализацией для глобальной валидации. В эпоху, когда ментальное здоровье – ключ к социальной

устойчивости, «Стратегия реальности» предлагает не просто лечение, а путь к расширенному существованию, где человек становится соавтором своей нейропсихики. Дальнейшие исследования по уточнению этой основы, продолжат трансформировать психотерапию в превентивную науку.

Библиография

1. American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders (DSM-5-TR). American Psychiatric Association Publishing, 2022. DOI: 10.1176/appi.books.9780890425787.
2. Bradley, B., Greene, J., Russ, E., Dutra, L., Westen, D. A Multidimensional Meta-Analysis of Psychotherapy for PTSD. *The American journal of psychiatry*, 2005, 162: 214-227. DOI: 10.1176/appi.ajp.162.2.214.
3. Clark, A. Consciousness as Generative Entanglement. *The Journal of Philosophy*, 2019, 116: 645-662. DOI: 10.5840/jphil20191161241.
4. Maldonato, N. The Ascending Reticular Activating System: The Common Root of Consciousness and Attention. *Smart Innovation, Systems and Technologies*, 2014, 26. DOI: 10.1007/978-3-319-04129-2_33.
5. Etkin, A., Wager, T. Functional Neuroimaging of Anxiety: A Meta-Analysis of Emotional Processing in PTSD, Social Anxiety Disorder, and Specific Phobia. *The American journal of psychiatry*, 2007, 164: 1476-1488. DOI: 10.1176/appi.ajp.2007.07030504.
6. McGinnis, E., Cherian, J., McGinnis, R. The State of Digital Biomarkers in Mental Health. *Digital Biomarkers*, 2024, 8: 210-217. DOI: 10.1159/000542320.
7. Sletvold, J. Freud's Three Theories of Neurosis: Towards a Contemporary Theory of Trauma and Defense. *Psychoanalytic Dialogues*, 2016, 26: 460-475. DOI: 10.1080/10481885.2016.1190611.
8. Elliott, R., Bohart, A., Watson, J., Greenberg, L. Empathy. *Psychotherapy (Chicago, Ill.)*, 2011, 48: 43-49. DOI: 10.1037/a0022187.
9. Forkus, S. R., Raudales, A. M., Rafiuddin, H. S., Weiss, N. H., Messman, B. A., Contractor, A. A. The Posttraumatic Stress Disorder (PTSD) Checklist for DSM-5: A Systematic Review of Existing Psychometric Evidence. *Clinical psychology: a publication of the Division of Clinical Psychology of the American Psychological Association*, 2023, 30(1): 110-121. DOI: 10.1037/cps0000111.
10. Zigmond, A. S., Snaith, R. P. The hospital anxiety and depression scale. *Acta psychiatrica Scandinavica*, 1983, 67(6): 361-370. DOI: 10.1111/j.1600-0447.1983.tb09716.x.
11. Derakshan, N., Eysenck, M. Anxiety, Processing Efficiency, and Cognitive Performance. *European Psychologist*, 2009, 14: 168-176. DOI: 10.1027/1016-9040.14.2.168.
12. Schultz, W. Dopamine signals for reward value and risk: basic and recent data. *Behavioral and brain functions*, 2010, 6: 24. DOI: 10.1186/1744-9081-6-24.
13. Porges, S. Polyvagal theory: Current status, clinical applications, and future directions. *Clinical Neuropsychiatry*, 2025, 22(3). DOI: 10.36131/cnfioritieditore20250301.
14. Shin, L. M., Liberzon, I. The neurocircuitry of fear, stress, and anxiety disorders. *Neuropsychopharmacology: official publication of the American College of Neuropsychopharmacology*, 2010, 35(1): 169-191. DOI: 10.1038/npp.2009.83.
15. Paul, H. Process-Based CBT: The Science and Core Clinical Competencies of Cognitive Behavior Therapy. *Child & Family Behavior Therapy*, 2018, 40: 1-7. DOI: 10.1080/07317107.2018.1522153.
16. Brown, L., Rando, A. A., Eichel, K., Van Dam, N. T., Celano, C. M., Huffman, J. C., Morris, M. E. The Effects of Mindfulness and Meditation on Vagal Mediated Heart Rate Variability: A Meta-Analysis. *Psychosomatic medicine*, 2021, 83(6): 631-640. DOI:

- 10.1097/PSY.0000000000000900.
17. Bonanno, G. Resilience in the face of potential trauma: Clinical practices and illustrations. *Journal of clinical psychology*, 2006, 62: 971-985. DOI: 10.1002/jclp.20283.
 18. Friston, K. The free-energy principle: a unified brain theory? *Nature reviews. Neuroscience*, 2010, 11: 127-138. DOI: 10.1038/nrn2787.
 19. Mayer, J., Salovey, P., Caruso, D. Emotional Intelligence: Theory, Findings, and Implications. *Psychological Inquiry*, 2004, 15: 197-215. DOI: 10.1207/s15327965pli1503_02.
 20. Horvath, A. O., Greenberg, L. S. (Eds.). *The working alliance: Theory, research, and practice*. John Wiley & Sons, 1994.
 21. Turner, A., Cowan, H., Otto-Meyer, R., McAdams, D. The power of narrative: The emotional impact of the life story interview. *Narrative Inquiry*, 2020, 34. DOI: 10.1075/ni.19109.tur.
 22. Buckner, R. L. The brain's default network: origins and implications for the study of psychosis. *Dialogues in clinical neuroscience*, 2013, 15(3): 351-358. DOI: 10.31887/DCNS.2013.15.3/rbuckner.
 23. Lindquist, K., Gendron, M. What's in a Word? Language Constructs Emotion Perception. *Emotion Review*, 2013, 5: 66-71. DOI: 10.1177/1754073912451351.
 24. Braun, V., Clarke, V. One size fits all? What counts as quality practice in (reflexive) thematic analysis? *Qualitative Research in Psychology*, 2020, 18: 1-25. DOI: 10.1080/14780887.2020.1769238.
 25. Killgore, W. D. S., Smith, R., Olson, E. A., Weber, M., Rauch, S. L., Nickerson, L. D. Emotional intelligence is associated with connectivity within and between resting state networks. *Social cognitive and affective neuroscience*, 2017, 12(10): 1624–1636. DOI: 10.1093/scan/nsx088.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Штрикер Ю.Д., Костригин А.А. Фундаментальные и прикладные подходы в советской психологии кино 1920-х – 1930-х годов // Психолог. 2025. № 5. С. 21-35. DOI: 10.25136/2409-8701.2025.5.76047 EDN: VTJCLS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76047

Фундаментальные и прикладные подходы в советской психологии кино 1920-х – 1930-х годов

Штрикер Юлия Дмитриевна

аспирант; лаборатория истории психологии и исторической психологии; Институт психологии РАН

129366, Россия, г. Москва, Алексеевский р-н, ул. Ярославская, д. 13 к. 1

✉ ulyia.shtriker@gmail.com

Костригин Артем Андреевич

ORCID: 0000-0002-5454-7357

кандидат психологических наук

Старший научный сотрудник; Институт психологии РАН

129366, Россия, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13 к. 1

✉ artdzen@gmail.com

[Статья из рубрики "Психология масс"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2025.5.76047

EDN:

VTJCLS

Дата направления статьи в редакцию:

24-09-2025

Дата публикации:

01-10-2025

Аннотация: Современное развитие кинематографа, а также перспективы применения психологических знаний к созданию фильмов и анализу их воздействия на зрителей имеют своими истоками ранние разработки психологии кино в начале XX века. При этом

историко-психологический анализ становления психологии кино проводится в современной литературе недостаточно. Данное научное направление развивалось как самостоятельное и междисциплинарное на пересечении научных, художественных и идеологических знаний. В статье ставится цель рассмотрения методологических подходов в советской психологии кино в 1920-е – 1930-е гг. Хронологические рамки изучения связаны с периодом становления советской киноиндустрии и оформления советской психологии в годы нэпа и индустриализации. Актуальность исследования обусловливается задачей систематизации теоретико-методологических принципов исследования психологии кино в 1920-е – 1930-е гг. В качестве метода применяется проблемологический и источниковый анализ научной литературы 1920-х – 1930-х гг. по вопросам психологии кино. В качестве источников анализируются монографии, статьи в журналах и газетах, в которых обсуждались теоретико-методологические вопросы исследования фильма. Рассмотрена марксистская (материалистическая) парадигма, на базе которой разрабатывалась советская психология в целом и психология кино в частности в изучаемый период. С позиций диалектического материализма, психика является продуктом социальной действительности и детерминируется материальными факторами, а художественный замысел реализуется через материальную форму кино. В рамках советской психологии кино можно выделить фундаментальные (рефлексологический и психофизиологический) и прикладные (психотехнический и педагогический) подходы. В рефлексологическом и психофизиологическом подходах изучались рефлекторные и динамические характеристики функционирования психических явлений в процессе восприятия и воздействия кино. В психотехнике и педагогии анализировались особенности восприятия и влияния фильмов на представителей определенных социальных групп и их деятельности в различных социальных и профессиональных сферах. Описанные методологические разработки в области советской психологии кино 1920-х – 1930-х гг. позволяют обозначить данное научное направления как самостоятельное и имевшее собственную концептуальную специфику.

Ключевые слова:

история психологии, советская психология, психология кино, киновосприятие, научное направление, марксистская парадигма, рефлексология, психофизиология, психотехника, педагогия

Введение

В современной российской психологии востребованной является область исследований кино, актуальность приобретает изучение особенностей его психологического воздействия и восприятия [24], а также возможности прикладного применения в психологической науке [29]. Такие исследования проводятся в рамках педагогической [48], практической [40], социальной [33] психологии и др. Однако в современных работах недостаточно рассматриваются вопросы истории развития этого научного направления: в основном существуют исследования истории развития фильма в рамках педагогической психологии [14; 34; 47]. В целях понимания истоков современных концепций в сфере психологии кино актуально проведение специального историко-психологического анализа становления этого научного направления в СССР.

Среди разных периодов развития отечественного кинематографа особое значение

представляют 1920-е – 1930-е гг., когда происходило основное становление советской системы кинопроизводства [11]. В начале 1920-х гг. утвердились организационные и законодательные меры по регулированию производственной деятельности в сфере кино. Созданный в 1919 г. Всероссийский фотокинематографический отдел Народного комиссариата просвещения РСФСР имел широкий ряд функций и был призван контролировать «научно-учебную, культурно-просветительную и агитационно-пропагандистскую деятельность» [22, с. 6]. Кинодеятельность стала рассматриваться не только как особое искусство, но и как эффективный инструмент культурного и идеологического воздействия на массовую аудиторию. Потенциальные возможности кино обусловили постановку задач выявления характеристик его влияния [43; 72].

В период 1920-х – 1930-х гг. возникло новое исследовательское поле, связанное с *психологическими вопросами кино*: «Перед психологом возникает здесь целый ряд проблем: проблема влияния кино на зрителя, ... проблема изучения методов популяризации научных достижений, методы борьбы на антирелигиозном фронте и т.п.» [25, с. 13]. Фильмы использовались в школах, а также для просвещения населения в области гигиены, науки, техники, хозяйства и др. Кроме того, на основе досуговой и эстетической функции фильмов воспитывался образ «нового советского человека» и «нового зрителя» [18; 37; 50]. Выпускались тематические журналы, в которых рассматривались особенности производства и распространения фильмов в разных сферах деятельности («Советский экран» (1925-1988), «Новый зритель» (1924-1929), «Кино-фот» (1922-1923), «Учебное кино» (1933-1935), «Пролеткино» (1923-1925) и др.).

Такое активное развитие как кинематографа, так и сфер его применения способствовало выделению *научного направления психологии кино* в СССР в 1920-е – 1930-е гг., которое представляло собой *междисциплинарную* область исследований, возникшую на пересечении научных, художественных и идеологических знаний. В связи с многопланностью феномена кино сложились различные методологические подходы к исследованию психологических характеристик восприятия и воздействия фильмов.

Материалы и методы исследования

Цель данной работы – выявление и анализ методологических подходов к исследованию психологии кино в советской науке в 1920-е – 1930-е гг. Предметом изучения являются существовавшие в тот период методологические подходы и основания, которые использовались для изучения психологических явлений в киносфере. Хронологические рамки исследования обусловлены организацией аппарата управления государственного сектора кинематографа (1919 г.), национализацией кинопроизводства (1920 г.), интенсивным развитием киноискусства с 1920-х гг. и изменением развития психологического знания в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в СССР. Таким образом, рассматриваемый период охватывает основные события в становлении киноиндустрии и оформлении советской психологии в годы нэпа и индустриализации.

Современные исследования, связанные с анализом методологических основ разработки психологии кино, обращаются преимущественно к психоаналитической интерпретации фильмов советских режиссеров [76], материалистическим принципам изучения восприятия советского зрителя [64; 77], анализу педагогических и терапевтических функций кино [78; 79]. Как представляется, содержание концептуального аппарата разработки советской психологии кино не исчерпывалось только обозначенными

подходами, так как в этот период развивалось несколько психологических направлений в советской науке. Актуальность данного исследования связана с необходимостью систематизации подходов к исследованию психологии кино в советской науке в 1920-е – 1930-е гг.

Методом данной работы является проблемологический и источниковедческий анализ научной литературы, посвященной теоретико-методологическим вопросам изучения психологических явлений в киносфере. В работе использовались следующие источники: монографии советских исследователей, посвященные киноискусству, научные статьи по проблемам психологии кино, а также публикации в специализированных газетах 1920-х – 1930-х гг., в которых отражались теоретические дискуссии и практические исследования в области кино.

Прежде всего, будет рассмотрена марксистская (материалистическая) парадигма, в рамках которой анализировались психологические вопросы кино. В качестве основных подходов в советской психологии кино будут проанализированы те, которые были наиболее разработаны в стране в этот период и которые получили собственную специфику в трудах отечественных специалистов: фундаментальные (рефлексологический и психофизиологический) и прикладные (педологический и психотехнический). Те же методологические позиции, которые имели своими истоками зарубежные концепции (психоанализ, гештальт-психология и др.), в данной работе описываться не будут; они могут стать предметом специального анализа.

В качестве структуры историко-психологического анализа будет использовано группирование методологических положений по следующим позициям – определение подхода, понимание кино в рамках этого подхода, основные представители, принципы психологического исследования кино, конкретные феномены и эффекты, обнаруженные в рамках этого подхода.

Результаты исследования

Марксистская (материалистическая) парадигма в советской психологии кино

Перед представлением конкретных подходов необходимо рассмотреть базовую предпосылку психологических исследований в 1920-е – 1930-е гг. – диалектический материализм. Марксистская (материалистическая) парадигма в психологическом изучении кино 1920-х – 1930-х гг. была связана с господствовавшими в советской науке идеологическими философскими и научными позициями [\[4\]](#). В основе подхода лежит представление о том, что психика является продуктом социума и существует только в условиях материальной жизни.

С позиций марксистского подхода, художественный замысел воплощается через материальную форму кино (монтаж, кадр, сценарий): «Идея должна быть заключена в материале и конструкции произведения. Идея не может быть насильственно втиснута в художественное произведение чисто логически. Идея создает и материал, и конструкцию художественного произведения» [\[52, с. 7\]](#). Таким образом, замысел кино реализуется через организацию киноматериала. При этом восприятие зрителя формируется, организуется материальной формой подачи, которая доминирует над содержанием. Согласно такому взгляду, именно материальная форма (техника кино) рождает психическое содержание.

Представители марксистского подхода отрицали принципы субъективной психологии. Положения этого направления распространялись на принципы организации кино. С позиции данного подхода, психика человека реализуется через его объективное поведение, социальные поступки. Данная точка зрения должна была отражаться и в кинематографе: «В сценарии не должна показываться внутренняя жизнь героев (на крупных планах), а она должна “вытаскиваться” их из внешних поступков. В сюжете... важно только то, как они беспрерывно действуют» [\[52, с. 13\]](#). Следовательно, в советском кино 1920-х – 1930-х гг. присутствовала тенденция к изображению социальных ситуаций, а не развитию драматургии.

Таким образом, в рамках марксистской (материалистической) парадигмы кино рассматривалось как форма социального отражения. Задача данного направления заключалась в выявлении закономерностей организации кино. При этом фильм должен воздействовать на зрителя через свои внешние атрибуты. С этих позиций проводились исследования как фундаментального, так и прикладного характера.

Фундаментальные подходы в советской психологии кино

Рефлексологический подход. В период 1920-х гг. одним из доминировавших психологических направлений являлось рефлексологическое, разработанное В.М. Бехтеревым и придерживавшееся трактовки поведения и психической деятельности человека как рефлексов, проходящих с участием головного мозга и составляющих в совокупности «соотносительную деятельность» по установлению отношений личности с окружающим миром [\[53\]](#). Данная методология использовалась также в психологических исследованиях кино. Основными представителями данного подхода были исследователи-психологи (В.М. Бехтерев и др.), теоретики кино (Я.Б. Бруксон, С.А. Тимошенко, И.В. Соколов и др.), деятели киноискусства (С.М. Эйзенштейн, В.И. Пудовкин и др.).

Специалисты стремились описать рефлексологическую природу кино: «Кино-искусство очень близко к рефлекторности» [\[6, с. 40\]](#). Цель фильма понималась как «создание и сосредоточение у зрителя известных рефлексов» [\[62, с. 23\]](#), формирование у аудитории нужных рефлекторных реакций. Однако последнее не являлось конечной целью, а выступало механизмом воздействия на психическую деятельность человека. Влияние фильма осуществлялось через демонстрацию определенных компонентов кино, выступавших, согласно рефлексологии, стимулами. Таковыми были темп и ритм монтажа, стиль кино [\[21\]](#), образный ряд, деятельность актера (его движения, «мимодрама») [\[7\]](#). По мнению В.М. Бехтерева, рефлексологическая сущность кинематографа заключалась в его возможности фиксировать элементы реальности в пространственно-временной перспективе: «Один только кинематограф может воспроизвести отдельные моменты движения, акты ходьбы..., мимику жестов, один только кинематограф может запечатлеть частности в развитии мимических движений» [\[3, с. 39\]](#). Таким образом, фильм содержит в себе определенный набор стимулов, которые оказывают воздействие на психическое поведение человека.

Представители рефлексологии стремились объяснить восприятие стимулов кино через физиологические реакции организма: «Восприятие кино очень ярко иллюстрирует тот тип познания, который следовало бы назвать рефлексологическим, т.е. познание движений, являющихся реакцией переживаний» [\[6, с. 12\]](#). По мнению специалистов, интенсивность восприятия и сила воздействия фильма определялась, в первую очередь, спецификой

монтажа, от которого зависит, «какие со-переживания, ассоциации и эмоции должен вызвать фильм у зрителя» [62, с. 22]. Монтаж способен вызвать у аудитории объективные реакции, сформировать зрительные и эмоциональные впечатления на основе «чисто физического воздействия – путем быстрого темпа мелькающих отдельно монтажных кадров» [62, с. 19]. Такую особенность кинематографа использовали для выявления эмоциональных реакций зрителей, достижения определенной степени замысла фильма и его привлекательности [75]. Метод «параллельной засъемки» А.Н. Терского заключался в изучении реакций зрителей путем фиксации «рефлексов лица», выразительных мускульных движений мимики. Сбор и анализ таких «дифференциалов восприятия» могли служить основой для эмпирического исследования киновосприимчивости советского зрителя [13]. Таким образом, восприятие фильма рассматривалось как совокупность физиологических и эмоциональных реакций, управляемых монтажными средствами. Объективная психология зрителя позволяла фиксировать воздействие кинематографа на зрителя и использовать его как инструмент создания кино.

С позиций советской рефлексологии, фильм содержит в себе сочетание одиночных стимулов (монтажных кадров), которые приводят к сложным поведенческим реакциям [75]. Следовательно, процесс восприятия фильма отражает принцип сочетательных рефлексов: психическая реакция зрителя складывается через сочетание текущих впечатлений с уже усвоенными образами и аффектами. Использование данного принципа можно обнаружить в теории монтажа С.М. Эйзенштейна [72] и В.И. Пудовкина [42]. По их мнению, ощущения от кадров (стимулов) связываются между собой с помощью простых рефлексов.

Таким образом, советские психологические исследования, опиравшиеся на рефлексологию, рассматривали фильм как систему стимулов, способную вызвать предсказуемую реакцию психики зрителя через структурные компоненты кино. Восприятие кино при этом понималось как рефлекторный процесс, основанный на физиологических и эмоциональных реакциях зрителей.

Психофизиологический подход. В конце 1920-х – начале 1930-х гг., после «рефлексологической дискуссии», значение последнего подхода снижалось, однако специалисты продолжали проводить исследования кино, в которых они обращались к физиологической стороне его восприятия и воздействия. Такие исследования осуществлялись в рамках психофизиологии [4]. Основными представителями этого подхода были психологи и психофизиологи (П.А. Рудик, Л.М. Сухаребский, Т.Л. Коган и др.), кинодеятели (Л.В. Кулешов, В.В. Волькенштейн, А.М. Роом и др.). В отличие от рефлексологии, в рамках психофизиологического подхода понимание кино не сводилось только к чистым рефлексам. Кроме формирования условных рефлексов, кино сопровождается психофизиологическими изменениями зрителя. Психологи и психофизиологи интересовались тем, как зритель реагирует на визуальные и звуковые стимулы на экране, как изменяется их когнитивное и эмоциональное состояние под воздействием кино [44]. В психофизиологическом подходе зритель рассматривался как активный участник, он был вовлечен в обработку и осмысление информации, поступающей с экранов.

Специалисты ставили задачи выявить механизмы восприятия кино и определить закономерности его воздействия на психику, найти взаимосвязь между визуальными эффектами фильма и вызывавшимися ими эмоциональными и когнитивными реакциями. В рамках психофизиологического подхода большой акцент ставился на исследование

механизмов киновосприятия. Целью таких исследований было «изучение психофизиологического воздействия кино на зрителя, т.е. возбуждает ли данная картина энергию, или, наоборот, понижает психический тонус и вызывает утомление» [46, с. 17].

По результатам психофизиологических исследований выявлялись различные прикладные эффекты. Психофизиологические принципы восприятия человека легли в основу «эффекта Кулешова», открытый кинорежиссером Л.В. Кулешовым в 1929 г. в результате монтажного эксперимента в 1918 г. [30]. В центре эффекта стоит процесс сопоставления двух сигналов (кадров): в результате сопоставления воспринимаемых образов, формируется третий, «который несет более “концентрированную”, качественно обработанную информацию на следующую ступень восприятия» [51, с. 31]. Следовательно, при соединении двух независимых кадров зритель формирует между ними причинно-следственную, смысловую связь и создает новое значение, которое отсутствует в кадрах по отдельности. Таким образом, можно сказать, что принципы монтажа соответствуют закономерностям восприятия и мышления зрителя.

Представители данного подхода использовали свойства киносъемки для исследования психики и ее нарушений. Был разработан специальный научный метод исследования в психиатрии и невропатологии – патокинография, с помощью которой в процессе кинематографической съемки фиксировались патологические проявления психики. «Этот материал носит как исследовательский характер, так и учебный: с исследовательской точки зрения, фильма дает ряд моментов для изучения своеобразного стимула. С педагогической точки зрения, она является учебным пособием, демонстрирующим редкий случай» [61, с. 108]. Вследствие изменения темпа и ритма кадра фиксировались различные психические проявления. Таким образом, кино использовалось как объективный инструмент фиксации и регистрации психофизиологических феноменов.

Психофизиологический подход к исследованию кино в 1920-е – 1930-е гг. являлся отражением перехода от доминировавшей рефлексологии к более комплексному пониманию механизмов восприятия. С позиций данного подхода, восприятие структурных компонентов кино отражало динамику психических процессов человека. В отличие от рефлексологической школы, в которой кинематограф преимущественно рассматривался как средство формирования и фиксации рефлекторных реакций, представители психофизиологического подхода изучали психофизиологические, когнитивные и эмоциональные процессы у зрителей при взаимодействии с художественными приемами. При этом законы монтажа и экранной выразительности в психофизиологическом подходе соотносились с закономерностями работы нервной системы, что позволяло выявить связь между структурой фильма и процессами восприятия и мышления.

Прикладные подходы в советской психологии кино

Педология. В 1920-е – 1930-е гг. в советской психологии получила развитие специальная дисциплина – педология, объединявшая достижения психологии, педагогики и физиологии в изучении ребенка. Кинематограф в рамках данного направления рассматривался как средство воспитания и формирования личности, ее социализации и обучения [39; 40; 59]. Представителями данного подхода являлись специалисты в области педологии А. Юдин, А. Шеин, Н. Толстова, В.А. Правдолюбов, Б. Перес, Г.А. Кистер, Н.И. Жинкин, А.М. Гельмонт и др.

В целях эффективного использования кинематографа в массовом воспитании обосновывалась необходимость разработки научно обоснованной методологии детского кинофильма. При создании кино, особенно учебного, требовалось применение педагогических знаний: «По содержанию, характеру и методу проработки материала учебная фильма должна быть методологически вполне правильной и выдержанной, она в полной мере должна соответствовать основным педагого-педагогическим требованиям и, прежде всего, должна соответствовать интеллектуальному развитию той группы учащихся, для которой она предназначена» [41, с. 110]. В данном контексте в педагогическом направлении необходимо было «выдвинуть и проработать методологию детской кинофильмы» [41, с. 91]. Проблемное поле создания детского кинематографа включало вопросы педагогии: предпочтаемых кинообразов, мотивации посещения кинотеатра, изучения кино-интересов и кино-запросов юного зрителя, степени его эмоциональной вовлеченности и заинтересованности [70]. На основе решения этих вопросов разрабатывались практические рекомендации для организации кинотеатров [23], проведения киносеансов педагогами [63] и создания образовательного кино [73].

В педагогии складывалась экспериментальная база исследования воздействия и восприятия кино детьми разных возрастов. Среди таких методов выступали: метод сочинений [20], лабораторный метод с использованием аппаратуры для психофизиологического исследования [81], анкетные обследования, беседа, кино-суд (организация инсценировочных «судов» над кино-фильмом или кино-актером), голосование, письма и дневники кино-зрителя, педагогический аттракцион «выбирай фильму» (для исследования интересов и запросов детей им предлагалось в игровой форме выбрать наиболее привлекающий фильм), хронометрированное наблюдение и др. [9].

В рамках педагогического подхода создавались основы дифференциальной психологии, задачей которой было выявление психологических характеристик детей разных возрастных и социальных групп, определение типов юных кинозрителей с учетом особенностей функционирования их познавательных процессов и нервной системы. Для внедрения педагогических знаний в кинопроизводство было необходимо: «...знать лицо массового посетителя детских кино-сеансов. <...> Нам нужно знать более конкретно запросы, предъявляемые детским зрителем к кино-сеансу: что привлекает разных детей в кино; какие фильмы больше или меньше нравятся детям разного возраста, разной социально-бытовой среды...; характер и культурный уровень проявляемых разными группами детей интересов и запросов в отношении репертуара и методов подачи детских кино-сеансов» [9, с 15]. И в другом месте: «Мы должны знать, как воспринимают дети разного возраста, разной социальной среды преподносимые им кинофильмы» [9, с 16]. В результате решения вопросов дифференциальной психологии в отношении детского восприятия кино, был определен оптимальный метраж фильма (от 15 до 25 минут), выявлены типы детского зрителя (воспринимающий, напряженный, возбудимый) и др. [41].

Таким образом, в рамках педагогии кино разрабатывались методические принципы демонстрации и производства фильмов для юных зрителей в образовательных целях, а также выявлялись групповые и индивидуальные различия детей-зрителей.

Психотехника. Другой важной научно-исследовательской областью в советской психологии 1920-х – 1930-х гг. была психотехника, в рамках которой зарождалась

прикладная психология [55; 56]. Психотехника разрабатывала вопросы, связанные с задачами научной организации труда, оптимизации процесса обучения и просвещения [32], профессионального отбора и профконсультации [5] и др. Кроме того, в данном векторе изучались вопросы, связанные с разработкой психотехнических способов психологического воздействия на человека через рекламные сообщения, агитационные плакаты и др. [28]. Специальным разделом психотехники стало исследование воздействия кинофильма – выявление закономерностей зрительного восприятия фильмов разных жанров и оптимизация процесса их усвоения для образовательных и хозяйственных целей. Исследованием кино с точки зрения психотехники занимались как психологи (О.И. Никифорова, С.С. Чахотин и др.), так и представители художественных направлений (А.Л. Ладовский, Д. Вертов и др.)

Ключевой задачей психотехники было исследование широкой аудитории кино. Актуальность и идеологическая сила кино требовали создания фильмов, понятных всем слоям населения. Появилась потребность изучения особенностей восприятия и потребностей аудитории, их «умственного инвентаря» [26, с. 25]. Отдельным вопросом психотехники кино был учет социально-бытовой среды и системы «внутренне-действующих биологических раздражителей: конституциональные особенности, состояние здоровья, пол, возраст учащихся» [26, с. 22]. В качестве метода исследования био-социальной среды предлагалось антропологическое обследование [26]. Эти задачи психотехники отражались в специальных исследованиях, затрагивавших проблемы киносферы и особенностей аудитории в провинциях и деревнях [11].

В рамках психотехники фильм рассматривался как инструмент формирования практических навыков и специальных знаний. На основе экспериментальных исследований познавательных процессов зрителей ученые сформулировали требования к построению структурных компонентов кино для лучшего усвоения информации с экрана [45]. Среди принципов построения кадров и сюжетного повествования был принцип преобладания смыслового запоминания над механическими, логическая завершенность материала, подчеркивалась роль установки, внимания и доминанты при просмотре фильма [67]. Результаты исследования восприятия применялись при создании научно-документального [59], санитарно-просветительского и агитационного [31] кино.

Таким образом, предметом исследования кино в рамках психотехники являлись механизмы восприятия и усвоения фильмов у зрителей (взрослых, детей) и разработка способов оптимальной демонстрации кино для формирования знаний, навыков, психических состояний.

Обсуждение результатов

Выявленные теоретико-методологические основы изучения кино в советской психологии 1920-х – 1930-х гг. отражают базовые концептуальные положения советской психологии в целом анализируемого периода – марксистская (материалистическая) философия, рефлексологические и психофизиологические методы, педагогические и психотехнические задачи и запросы. Доминирование марксистской парадигмы в создании и анализе советского кино в рассматриваемые годы также фиксировали другие авторы [13; 65; 66], однако в данной статье было показано конкретное приложение марксистской методологии к психологическому изучению кино при анализе работ К.Н.

Корнилова, Т.Л. Когана, П.А. Рудика, Л.М. Сухаребского и др., что позволяет встроить психологические исследования этого научного направления в советскую науку в целом[^] изучение кино опиралось на те же принципы, что и исследование других психических феноменов и психологических проблем.

Рефлексологические и психофизиологические разработки в области психологии кино освещались в работах о проблемах искусства и художественного творчества в научном кинематографе [17; 27], эстетике тела и движений [68], использовании выдающимися советскими режиссерами (например, С.М. Эйзенштейном и Д. Вертовым) знаний о физиологии и психологии восприятия [15; 16] и др. Анализ работ рефлексологов и психофизиологов позволил уточнить использовавшиеся психофизиологические принципы и приемы в создании и демонстрации кино.

В современной научной литературе детальнее всего описаны психотехнические и педологические исследования, связанные с областью кино: психотехники использовали кинометоды (кинограф, съемка движений и др.) для изучения трудовой деятельности [49; 54; 67], а также организации воздействия информацией на население [56; 58]; педологи использовали учебные фильмы для развития психических процессов детей и их воспитания [10; 18; 69]. Представленные выше работы по проблемам кино дополняют уже имеющиеся данные о конкретных психотехнических и педологических экспериментах и фиксируют эти исследовательские векторы как самостоятельные.

Описанная специфика фундаментальных и прикладных подходов в советской психологии кино уточняет историко-психологические данные, обобщая и систематизируя важные исследования советских специалистов.

Заключение

Проведенный анализ позволил систематизировать и описать теоретико-методологическое пространство исследований проблем кино в советской психологии 1920-х – 1930-х гг. Была выделена ведущая парадигма – марксистская (материалистическая), в которую встраивались различные методологические подходы.

В рамках фундаментальных (рефлексологического и психофизиологического) подходов была зафиксирована пассивная (рефлекторная) специфика функционирования психических процессов восприятия кино, а также активное (нервно-типологическое) динамическое взаимодействие человека с аудиовизуальными воздействиями. Разработки в области прикладных (педологического и психотехнического) подходов были ориентированы на определение особенностей восприятия и влияния кино на определенные социальные группы – детей, взрослых, рабочих и др., а также в конкретных сферах деятельности – образования, просвещения, труда, агитации и др. При этом важно отметить, что обсуждавшиеся подходы существовали не изолировано, а дополняли друг друга, формируя общее проблемное поле исследования и построения кинофильма.

Проанализированные методологические разработки в области советской психологии кино 1920-х – 1930-х гг. позволяют обозначить данное научное направление как сформированное в рассматриваемый период и имевшее собственную теоретико-методологическую специфику. Представители обозначенных фундаментальных и прикладных подходов изучали психологические основы кино как физического,

физиологического и психологического феномена.

Библиография

1. Анискин М.А. Становление советской системы кинопроизводства (1920–1930-е гг.) // Власть. 2016. № 10. С. 154-159. EDN: WXFHMF.
2. Безенкова М.В. Принципы освоения экранной реальности в советском документальном кинематографе 30-х годов XX века // Человек и культура. 2019. № 2. С. 24-34. DOI: 10.25136/2409-8744.2019.2.29633 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29633
3. Бехтерев В.М. Кинематограф и наука // Вестник кинематографии. 1915. № 110 (8). С. 39-40.
4. Богданчиков С.А. О научных направлениях в советской психологии 1920–1930-х годов // Перспективы психологической науки и практики: сборник статей Международной научно-практической конференции. РГУ им. А.Н. Косыгина, 16 июня 2017 г. / Под ред. В.С. Белгородского, О.В. Кащеева, И.В. Антоненко, И.Н. Карицкого. М.: ФГБОУ ВО "РГУ им. А.Н. Косыгина", 2017. С. 26-31. EDN: ZGTQZN.
5. Болтунов А.П. Принципы и система профориентации в школе. Л.: ЛПИ, 1932. 154 с.
6. Бруксон Я.Б. Творчество кино. Л.: Кооперативное издательское товарищество "Колос", 1926. 88 с.
7. Волькенштейн В.М. Драматургия кино. Очерк. М.-Л.: Искусство, 1937. 150 с.
8. Гельмонт А.М. Изучение влияния кино на детей // Кино и культура. 1929. № 4. С. 38-47.
9. Гельмонт А.М. Кино и воспитание // Кино – дети – школа: Методический сборник по киноработе с детьми / Под ред. А.М. Гельмента. М.: Работник просвещения, 1929. С. 5-24.
10. Гиндин С. Теория и эксперимент в работах Н.И. Жинкина о киноискусстве (1927–1930) // Философско-литературный журнал "Логос". 2010. № 2 (75). С. 176-185. EDN: TPFIOX.
11. Голдобин А.В. Кино на территории СССР: по материалам провинциальной прессы. М.: Гос. изд-во, 1924. 80 с.
12. Головнев И.А. Становление советского этнографического кино в конце 1920-х–1930-е гг. (на примере творчества А.А. Литвинова): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015. 200 с.
13. Головнева Е.В., Головнев И.А. Научные поиски в советской кинематографии 1920-х–1930-х годов (метод "параллельной кинозасъемки" Анатолия Терского) // Наука телевидения. 2022. Т. 18. № 4. С. 151-170. DOI: 10.30628/1994-9529-2022-18.4-151-170 EDN: KVONKO.
14. Горбаткова О.И., Федоров А.В. Теоретическая модель медиаобразования в СССР 1920-х годов // Инновации в образовании. 2013. № 6. С. 114-128.
15. Горячок К.Л. Авторская эстетика Дэзиги Вертона: 1910–1940-е годы: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.04. М., 2022. 26 с. EDN: WVXXTJ.
16. До Егито Т.М. Игнатий Лойола и Константин Станиславский в интерпретации Сергея Эйзенштейна: от мистического экстаза до монтажа // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2022. № 103. С. 87-107. DOI: 10.15382/sturI2022103.87-107 EDN: TDSVGE.
17. Дымшиц С.В. Проблема художественности в научном кинематографе 1930-х гг. (на материале фильма "Физиология и патология высшей нервной деятельности") // Вестник ВГИК. 2024. Т. 14. № 4 (62). С. 37-55.
18. Жданкова Е.А. Кинотеатр для "нового человека": досуг и кино в СССР в 1920-е годы

- // Новое литературное обозрение. 2022. № 3. С. 122-136. DOI: 10.53953/08696365_2022_175_3_122 EDN: WDIFKR.
19. Жданкова Е.А. Некоторые аспекты зарождения детского кинематографа в СССР в период нэпа // Труды Института российской истории РАН. 2014. № 12. С. 235-243. EDN: RDJZXN.
20. Жинкин Н.И. Изучение детского отношения к кинематографической картине // Педология. 1930. № 4 (10). С. 505-519.
21. Иезуитов Н.М. О стилях советского кино (концепция развития советского киноискусства) // Советское кино. 1933. № 3-4. С. 35-55.
22. Кино: организация управления и власть. 1917–1938 гг.: Документы / Сост., предисл. и примеч. А.Л. Евстигнеевой. М.: РОССПЭН, 2016. 605 с.
23. Кистер Г.А. Детский кинотеатр: опыт работы ЦДХВД им. Бубнова: методическое пособие для внешкольных работников и педагогов детских кинотеатров. М.: Ред-изд. сектор Росснабсбыткино, 1936. 54 с.
24. Китова Д.А., Журавлев А.Л. Представленность кино-культуры СССР в менталитете Россиян // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2025. Т. 10. № 2 (38). С. 162-182. DOI: 10.38098/ipran.sep_2025_38_2_07 EDN: CDQKXI.
25. Корнилов К.Н. Марксистская психология и социалистическое строительство // Психоневрологические науки в СССР: материалы I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека / Под ред. А.Б. Залкинда. М.-Л.: Государственное медицинское издательство, 1930. С. 12-14.
26. Корнилов К.Н. Психологическое обоснование методов работы и методов изучения аудитории взрослых. М.: Гос. изд-во, 1929. 61 с.
27. Космачевская Э.А., Громова Л.И. "Механика головного мозга" – первый фильм об условных рефлексах // Вопросы истории естествознания и техники. 2012. Т. 33. № 4. С. 132-141. EDN: PHCVVD.
28. Костригин А.А., Стоюхина Н.Ю., Махалин А.И. Роль власти и государственных деятелей в становлении и развитии психотехнического образования в СССР в 1920–1930-е гг. // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 4 (115). С. 80-88. DOI: 10.20323/1813-145X-2020-4-115-80-88 EDN: TQKOON.
29. Кубрак Т.А., Латынов В.В. Психология кинодискурса: факторы выбора, восприятие, воздействие. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2019. 211 с.
30. Кулешов Л.В. Искусство кино. Л.: Теа-кино-печать, 1929. 153 с.
31. Лебедев Н. Первая пролетарская фильма // Кино-журнал А.Р.К. 1925. № 3. С. 2.
32. Мазилов В.А., Слепко Ю.Н. Психология труда, трудового обучения и воспитания в Ярославской психологической школе. Часть 2. Ранние этапы становления // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2022. Т. 7. № 3. С. 234-272. DOI: 10.38098/ipran.sep_2022_27_3_08 EDN: FWKYGU.
33. Маркина О.С. Социально-психологические особенности восприятия и понимания художественного фильма: на примере фильма Р. Быкова "Чучело": Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2010. 30 с. EDN: QEYQPJ.
34. Менг В.А. Учебный фильм в отечественной педагогике: от истоков зарождения к новым возможностям // Человек и образование. 2012. № 3 (32). С. 157-161.
35. Научный архив Института психологии РАН (НА ИПРАН). Ф. 4. Оп. 1.10. Д. 29. Артемов В.А. Психология для кино (1936).
36. Никифорова О.И. Проблема киновосприятия: Автореф. канд. дисс. М., 1936.
37. О кино-общественности. О зрителе и некоторых неприятных вещах // Кино-журнал А.Р.К. 1925. № 3. С. 3-4.
38. Перес Б. Основные задачи школьно-учебного кино на 1933 г. // Учебное кино. 1933.

№ 1. С. 1-3.

39. Перес Б.С. На новых рельсах. М.: Изд-во Роскино, 1932. 11 с.
40. Плескачевская А.А. Кинотренинг и сфера его применения // Психологическая газета. 1998. № 8. С. 18.
41. Правдолюбов В.А. Кино и наша молодежь на основе данных педологии. М.: Гос. изд-во, 1929. 139 с.
42. Пудовкин В.И. Кино-сценарий: теория сценария. М.: Кино-издательство Р.С.Ф.С.Р., 1926. 64 с.
43. Пути кино: Первое Всесоюз. парт. совещ. по кинематографии / Под ред. Б.С. Ольхового. М.: Теа-кино-печать, 1929. 465 с.
44. Роом А. Мои киноубеждения // Советский экран. 1926. № 8. С. 7.
45. Рудик П. Психологические требования к построению школьно-учебной фильмы // Учебное кино. 1933. № 1. С. 7-10.
46. Рудик П.А. Психология киновосприятия // К совещанию по вопросам массового воздействия на VII международной психотехнической конференции: тезисы докладов. М.-Л.: Огиз-Соцэкгиз, 1931. С. 16-19.
47. Семенова А.К. Учебное кино: исторический аспект // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1(2). С. 143-151.
48. Симберцева Н.А. Медиапедагогика как приоритетное направление современного образования // Педагогическое образование в России. 2020. № 5. С. 21-26.
49. Сироткина И.Е. Биомеханика: между наукой и искусством // Вопросы истории естествознания и техники. 2011. Т. 32. № 1. С. 46-70. EDN: NDWIQR.
50. Советская психология: этап истории науки и менталитет. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2024. 698 с.
51. Соколов А.Г. Природа экранного творчества: Психологические закономерности. М.: ЧеРо, 1997. 269 с.
52. Соколов И.В. Кино-сценарий теория и техника. М.: Кинопечать, 1926. 89 с.
53. Старкова Е.В., Куковякин С.А. Научное творчество В.М. Бехтерева // Вятский медицинский вестник. 2008. № 3. С. 73-77. EDN: PBLPYD.
54. Стоюхина Н.Ю. "Физиолог-трудовед" и психотехник Крикор Хачатурович Кекчеев (к 130-летию со дня рождения) // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2023. Т. 8. № 2. С. 181-207. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2023_27_2_008 EDN: XNALVG.
55. Стоюхина Н.Ю. История советской психотехники: психология воздействия. М.: Логос, 2012. 324 с. EDN: SUGEZB.
56. Стоюхина Н.Ю. Периодизация психологии воздействия в советской психотехнике 1920-1930-х гг. // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 2. С. 105-110. EDN: WCLQEJ.
57. Стоюхина Н.Ю. Сергей Степанович Чахотин и НОТ: КОВОТЕП – ОСВАГ – СССР // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017. № 5. С. 142-166. EDN: YNMHYM.
58. Стоюхина Н.Ю., Мазилов В.А. Д.И. Рейтынбарг: основатель психологии воздействия в советской психотехнике // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 4. С. 169-178. EDN: UXMHMP.
59. Сухаребский Л.М. Кино и здоровье детей // Кино – дети – школа: Методический сборник по киноработе с детьми / Под ред. А. М. Гельмонта. М.: Работник просвещения, 1929. С. 25-33.
60. Сухаребский Л.М. Научное кино. М.: Кинопечать, 1926. 58 с.
61. Сухаребский Л.М. Патокинография в психиатрии и невропатологии. М.: Биомедгиз, 1936. 244 с.

62. Тимошенко С.А. Искусство кино и монтаж фильма. Л.: Academia, 1926. 75 с.
63. Толстова Н. Педагогическая работа в детском кино // Просвещение на Урале. 1927. № 7 (8). С. 99-109.
64. Уиддис Э. Социалистические чувства: Кино и создание советской субъективности // Новое литературное обозрение. 2014. № 5. С. 50-79. EDN: UUQCIX.
65. Усувалиев С.И. Методологические аспекты изучения истории советского кино в 1930-е годы // Вестник ВГИК. 2019. Т. 11. № 3 (41). С. 17-28. EDN: SATBIW.
66. Федоров А.В., Левицкая А.А., Горбаткова О.И. Эволюция теоретических киноведческих концепций в журнале "Искусство кино" (1931–2021). М.: ОД "Информация для всех", 2023. 378 с. EDN: UHXRPHG.
67. Ферингер М. Авангард и психотехника: наука, искусство и методики экспериментов над восприятием в послереволюционной России. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 332 с.
68. Хедберг-Оленина А. Психомоторная эстетика: движение и чувство в литературе и кино начала XX века. М.: НЛО, 2024. 582 с.
69. Холод А.Я. "Кино-газета" (1929–1931 гг.) и освещение проблемы воспитания детей с помощью кинопродукции того времени // Дискурсология и медиакритика средств массовой информации: Сборник научных работ по материалам международной научно-практической конференции, Белгород, 04-07 октября 2017 года / Под ред. А.В. Полонского, М.Ю. Казак, С.В. Ушаковой. Белгород: Издательский дом "Белгород", 2017. С. 34-46.
70. Шеин А. Проблема восприятия и осмысления кино-фильмы детьми // Тезисы докладов к совещанию по вопросам массового воздействия на VII Международной психотехнической конференции. М.-Л.: Соцэргиз, 1931. С. 22-24.
71. Шипулинский Ф. Душа кино (психология кинематографа) // Кинематограф. 1919. С. 9-20.
72. Эйзенштейн С. Монтаж аттракционов: К постановке "На всякого мудреца довольно простоты" А.Н. Островского в московском Пролеткульте // Леф. 1923. № 3. С. 70-75.
73. Юдин А. Принципы построения учебной фильмы // Учебное кино. 1933. № 1. С. 11-12.
74. Яновский М.И. Проблема изучения кинематографа в психологии // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 5. С. 79-88. EDN: MULXBR.
75. Яновский М.И. Психологическая природа восприятия "связки" между кадрами в киномонтаже // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 1. С. 46-53. EDN: INMISP.
76. Angelini A. Psychoanalytic Perspectives on Sergei M. Eisenstein's Work: Cinema and Psychoanalysis in Soviet Russia. London: Routledge, 2023. 158 p.
77. Serov L. The Development of Educational Cinema for Schools in the Soviet Union in the 1930s: From the Cinefication of Schools to the Film Lesson // Research in Film and History. 2023. № 5. Р. 1-48.
78. Toporova A. Science, Medicine and the Creation of a "Healthy" Soviet Cinema // Journal of Contemporary History. 2019. № 5(1). Р. 1-26.
79. Toporova A. The Hypnotic Screen: The Early Soviet Experiment with Film Psychotherapy // Social History of Medicine. 2022. № 35 (3). Р. 946-971.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования – методологические подходы к исследованию психологии кино в советской науке в 1920-е – 1930-е гг. Методологической базой исследования является проблемологический и источниковедческий анализ научной литературы, посвященной теоретико-методологическим вопросам изучения психологических явлений в киносфере. Источниковой базой исследования выступают монографии советских исследователей, посвященные киноискусству, научные статьи по проблемам психологии кино, а также публикации в специализированных газетах 1920-х – 1930-х гг., в которых отражались теоретические дискуссии и практические исследования в области кино. Актуальность исследования, как справедливо отмечает автор, определяется важностью понимания истоков современных концепций в сфере психологии кино. В этой связи необходимо проведение специального историко-психологического анализа становления этого научного направления в СССР. Научная новизна исследования состоит в расширении представлений о фундаментальных и прикладных подходах в советской психологии кино 1920-х – 1930-х годов. Общая структура работы представлена следующими разделами: введение, результаты исследования и их обсуждение, заключение, библиография, включающая в себя 79 источников, 4 из них на английском языке. Текст статьи имеет следующую рубрикацию: «Материалы и методы», «Результаты исследования. Марксистская (материалистическая) парадигма в советской психологии кино», «Фундаментальные подходы в советской психологии кино», «Прикладные подходы в советской психологии кино», «Обсуждение результатов». Содержание статьи в целом отражает ее структуру. Статья написана грамотным научным языком. В разделе работы «Материалы и методы» автор чётко характеризует методологию и источниковую базу исследования, обосновывает структуру применяемого историко-психологического анализа. В разделах работы «Результаты исследования. Марксистская (материалистическая) парадигма в советской психологии кино», «Фундаментальные подходы в советской психологии кино», «Прикладные подходы в советской психологии кино» автор грамотно анализируются научные труды и источники по изучаемой проблематике. В разделе «Обсуждение результатов» автор корректно аргументирует, что выявленные теоретико-методологические основы изучения кино в советской психологии 1920-х – 1930-х гг. отражают базовые концептуальные положения советской психологии в целом анализируемого периода – марксистская (материалистическая) философия, рефлексологические и психофизиологические методы, педагогические и психотехнические задачи и запросы. В заключении логично обобщаются основные результаты исследования и подводятся его итоги. Особенно ценным является вывод автора о том, что проанализированные методологические разработки в области советской психологии кино 1920-х – 1930-х гг. позволяют обозначить данное научное направление как сформированное в рассматриваемый период и имевшее собственную теоретико-методологическую специфику. Представители обозначенных фундаментальных и прикладных подходов изучали психологические основы кино как физического, физиологического и психологического феномена.

Материалы исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе. Вместе с тем они представляют интерес для деятелей культуры и киноискусства.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Степанова Д.Е. Профессиональное высвобождение и благополучие личности: дифференциация траекторий адаптации на основе индивидуальных особенностей // Психолог. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-8701.2025.5.76218 EDN: LQCIPX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76218

Профессиональное высвобождение и благополучие личности: дифференциация траекторий адаптации на основе индивидуальных особенностей

Степанова Дарья Евгеньевна

старший преподаватель; кафедра психологии; Московский международный университет

141501, Россия, Московская обл., г. Химки, пр-кт Мельникова, д. 25, кв. 75

✉ dashkazlo91@mail.ru

[Статья из рубрики "Профессиональная психология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2025.5.76218

EDN:

LQCIPX

Дата направления статьи в редакцию:

08-10-2025

Дата публикации:

15-10-2025

Аннотация: Статья посвящена исследованию процесса профессионального высвобождения как критического жизненного события, оказывающего значительное влияние на психологическое благополучие личности. Целью исследования являлась дифференциация траекторий психологической адаптации к увольнению на основе индивидуально-психологических особенностей сотрудников. Актуальность темы заключается в том, что процесс профессионального высвобождения сотрудников представляет собой важное жизненное событие, за которым следуют серьезные и глобальные перемены, стресс, потеря собственной идентичности, все это приводит к снижению благополучия сотрудников в организации. Вопрос психологического обеспечения профессионального благополучия в организации недостаточно

исследован, и отсутствие эффективных профилактических мер для поддержания благополучия сотрудника является общепризнанной проблемой. Несмотря на значительный объем зарубежных исследований, в отечественной психологии данная тема разработана недостаточно. Анализ публикаций позволяет констатировать на чем сфокусировано внимание российских ученых при изучении профессионального благополучия сотрудников. В исследовании приняли участие 174 респондента. Методологическая база включала комплекс психодиагностических методик, направленных на оценку копинг-стратегий, жизнестойкости, эмоционального интеллекта, мотивации и ценностных ориентаций, а также применение корреляционного и кластерного анализа. В результате анализа эмпирических данных были выявлены ключевые предикторы успешного профессионального высвобождения: общие способности, жизнестойкость и ценностные ориентации. Методом кластерного анализа выделено пять типов сотрудников с характерными профилями поведения в ситуации высвобождения: «гармоничный интеллектуал», «трудоголик», «непризнанный гений», «служитель» и «жертва обстоятельств». Для каждого типа описаны доминирующие копинг-стратегии и психологические особенности. На основе полученной типологии разработаны и описаны дифференцированные траектории адаптации, предлагающие организациям целевые направления психологической поддержки с учетом индивидуального профиля сотрудника. Процесс адаптации сотрудников в ситуации профессионального высвобождения заключается в едином алгоритме, который включает в себя основные направления работы: диагностико-аналитическую; консультативную; развивающую; просветительскую. Делается вывод о том, что учет личностных особенностей в процессе высвобождения способствует не только успешной адаптации сотрудника, но и сохранению его психологического благополучия, что в конечном итоге имеет значение для социальной ответственности и репутации организации

Ключевые слова:

профессиональное высвобождение, психологическое благополучие, адаптация, траектории адаптации, копинг-стратегии, кластерный анализ, типология сотрудников, индивидуальные-личностные особенности, профессиональная деятельность, кадровая политика

На современные реалии рынка труда оказывают влияние большое количество факторов, например: цифровизация, последствия пандемии и экономическая нестабильность. Из-за пандемии была приостановлена работа предприятий и вызванные пандемией ограничения и запреты сильнее всего затронули сотрудников с низкой квалификацией и начинающих специалистов: сокращения имели массовый характер в сферах легкой промышленности, медиа и торговли. Регулярное применение цифровых технологий в наши дни оказывает влияние на структуру рынка труда. Ввиду автоматизации всех сфер жизнедеятельности, более половины всех рабочих задач будет выполняться машинами, при этом количество рабочих мест в организациях для сотрудников не увеличится. В ближайшее десятилетие больше половины процентов рабочих операций в мире могут быть автоматизированы, при этом некоторые профессии завершат свое существование и наступит огромный рост числа сокращений. Процесс цифровизации экономики предполагает перемены не только количественных параметров рынка труда, но и изменение формата взаимодействия работников и руководства, принятие во внимание индивидуальных характеристик сотрудников. Экономические последствия пандемии обусловлены сокращением рабочего времени сотрудников, а снижение совокупного

спроса - уменьшением доходов из-за растущей безработицы, -такой упадок занятости приводит к спаду в сфере производства. Следовательно, первостепенным является вопрос высвобождения сотрудников и сохранения их психологического благополучия [1].

Актуальность темы обусловлена тем, что процесс профессионального высвобождения сотрудников представляет собой критическое жизненное событие, которое влечет за собой серьезные перемены, вызывает стресс, потерю идентичности и приводит к снижению благополучия. Важным является не только исследование общего воздействия профессионального высвобождения, но и вариативности индивидуальных реакций сотрудника.

В основе трудов отечественных и зарубежных ученых заложена проблема профессионального высвобождения сотрудников. Процесс профессионального высвобождения можно исследовать через призму разнообразия научных трудов:

Ф.Т. Прокопов А.В. Скавитин писали о стратегиях, которые могут выстраиваться в связи с процессом сокращения персонала в организациях в России, описывали альтернативы и то, что можно противопоставить отсутствию работы [8].

Б.Л. Еремина и П.В. Журавлев уделяли большое внимание человеческому ресурсу, изучая технологии управления персоналом и на основе отечественного и зарубежного опыта предлагали эффективные подходы к работе с персоналом.

Т.М. Малева и Р.П. Колосова изучали методы, с помощью которых происходит высвобождение персонала и занимаясь проблемами современных трудовых отношений, исследовали в своих работах политику, которая предпринимается для борьбы с безработицей, частью которой являются составляющие программы службы занятости.

В.И. Кабалина и Ю.Г. Одегов изучали контроль процесса профессионального высвобождения и политику внутри российских организаций и кадровые стратегии менеджмента, в структурированной форме рассматривал вопросы управления персоналом с точки зрения системного подхода.

В.Е. Гимпельсон и Г.Г. Меликьян занимались изучением занятости, рынка труда, социально-трудовых отношений, в частности адаптации рынка без реструктуризации [8].

Проблема психологического благополучия личности является ключевой в процессе профессионального высвобождения. Отечественных исследований по этой теме не так много, в отличие от исследований зарубежных ученых, которые достигли неплохих результатов в изучении параметров и уровня психологического благополучия сотрудников различных организаций [6].

Н.М. Бредберн, Э. Динер, М. Селигман, Э. Галлоун, Р. Каммингс, А. Лау, М. Аргайл, Р.М Шамионов являются современными исследователями благополучия личности в гедонистическом контексте, где в качестве маркера психологического благополучия выступает «переживание счастья» и субъективное благополучие личности [2,6].

Исследователи благополучия личности в эвдемонистическом подходе: А.А. Кроник, Р.А. Ахмеров, А.В. Воронина, А.Е. Созонтов, Т.Д. Шевеленкова, П.П. Фесенко, М.В. Бучацкая О.С. Ширяева и др. [6].

Психологическое благополучие К. Рифф трактовал с точки зрения максимума

потенциальных возможностей, как базовый субъективный конструkt, который отображает восприятие и оценку своего функционирования. К. Рифф разработала шестифакторную модель психологического благополучия. В эту модель входят следующие факторы: самопринятие, личностный рост, цели в жизни, позитивные отношения с другими, управление окружающей средой, автономия [4,6].

К. Нэйв отмечает в своих исследованиях, что гедонистический подход и эвдемонистический подход связаны с позитивными результатами в профессиональной жизни, улучшениями взаимоотношений в обществе, улучшением состояния здоровья, позитивным восприятием себя [6].

Г.Л. Пучкова в своих трудах как основное условие для реализации потенциала профессиональной деятельности определяет благополучие [8].

Ученые Сальгадо, Бланко и Москосо рассматривали как психологическое благополучие сотрудников влияет на их производительность на работе [11].

Л. В. Куликов определяет психологическое благополучие как «слаженность психических процессов и функций, ощущение целостности, внутреннего равновесия» [10].

П. П. Фесенко и Т. Д. Шевеленкова определяют психологическое благополучие целостного переживания, которое выражается в субъективном ощущении счастья, удовлетворённости собой и собственной жизнью и связано с базовыми человеческими ценностями и потребностями [7].

Цель исследования: дифференцировать траекторий адаптации к профессиональному высвобождению на основе индивидуально-психологических особенностей личности.

Эмпирическая выборка исследования: в исследовании приняло участие 174 сотрудника, пол мужской и женский, возраст от 23-70.

Методы и методики исследования

Для выявления индивидуально-личностных особенностей сотрудников использовались методики: для изучения уровня общих способностей применяли методику «Краткий отборочный тест» (КОТ), для изучения уровня стрессоустойчивости использовали тест жизнестойкости (С. Мадди, адаптация Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой), для определения уровня психоэмоционального напряжения мы применяли экспресс-диагностику уровня психоэмоционального напряжения (ПЭН) и его источников (О. С. Копниной, Е. А. Сусловой, Е. В. Заикиной др.), для выявления преобладающих копинг-стратегий использовали опросник для изучения копинг-поведения Э. Хайма (E. Heim). Адаптация Психоневрологического института им. В. М. Бехтеревой, «Методика изучения мотивации к успеху и избеганию неудач Т. Элерса» и «Методика диагностики ценностных ориентаций в карьере Э. Шейна (в адаптации В.А. Чикер, В.Э. Винокуровой) позволили изучить ценностно-мотивационные сферы, для исследования эмоционально-волевой сферы личности высвобождаемых сотрудников применялась «Методика изучения потребности в изменениях» М. Цукермана [8,9].

Применялись эмпирические методы: тестирование, корреляционный анализ, кластерный анализ.

Результаты и обсуждение

С помощью корреляционного анализа полученных эмпирических данных у сотрудников были выявлены показатели, которые влияют на успешность процесса профессионального высвобождения: жизнестойкость, эмоциональный интеллект, психоэмоциональное напряжение, ценностные ориентации, мотивация к достижению цели, общие способности, потребность в изменениях, копинг-поведение; анализ количества значимых взаимосвязей у показателей, выявлены предикторы процесса успешного профессионального высвобождения: общие способности, жизнестойкость, ценностные ориентации, мотивация к успеху^[18];

С помощью кластерного анализа были выявлены пять групп сотрудников со сходным профилем индивидуальных особенностей (рис.1).

1 кластер: пассивная коопeração, относительность, сохранение самообладания, обращение, проблемный анализ, конструктивная активность.

2 кластер: сотрудничество, придача смысла, оптимизм.

3 кластер: покорность, растерянность, агрессивность, отступление, установка собственной ценности.

4 кластер: отвлечение, игнорирование, самообладание, смиление.

5 кластер: активное избегание, диссимулация, альтруизм, подавление эмоций.

Рисунок.1 Кластерное дерево (составлено в Jatovi 2.2.5.)

При анализе эмпирических данных, были выделены типы высвобождаемых сотрудников по стилю поведения в ситуации профессионального высвобождения и их индивидуальные особенности:

1) Гармоничный интеллектуал. Сотрудник данного типа применяет такие копинг-стратегии, как обращение и пассивная коопeração, обладает уровнем

интеллектуального развития выше среднего, также характерен средний уровень «жизнестойкости», низкие значения «вовлеченности», средний уровень «контроля», приближенный к низкому и средний уровень «принятия риска». Для гармоничного интеллектуала характерна высокая «самооценка здоровья», низкий уровень «психосоциального стресса», однако для них характерен низкий уровень «удовлетворенности жизнью». У сотрудника наблюдается высокий уровень «удовлетворенности условиями жизни», средняя «мотивация к успеху», средний уровень «потребности в ощущениях». Если говорить о ценностных ориентациях в карьере, то для гармоничного интеллектуала характерны «менеджмент», «интеграция», «служение». Данный тип сотрудника обладает высоким «внутриличностным эмоциональным интеллектом», способностью управлять своими и чужими эмоциями.

2) *Трудоголик*. Сотрудник данного типа в ситуации профессионального высвобождения применяет агрессивность, как ведущую копинг-стратегию, уровень интеллектуального развития у трудоголика средний, также характерен низкий уровень «жизнестойкости», низкие значения «вовлеченности», низкий уровень «контроля» и средний уровень «принятия риска». Для трудоголика характерна высокая «самооценка здоровья», «высокий уровень психосоциального стресса», однако, присутствует высокий «уровень удовлетворенности жизнью». Низкий «уровень удовлетворенности условиями жизни» и низкий «уровень удовлетворенности основными жизненными потребностями». Шкала «мотивации к успеху» у трудоголика средняя. У трудоголика средний уровень «потребности в ощущениях», для данного типа сотрудников основная ценностная ориентация – «профессиональная компетенция». У трудоголика «понимание эмоций» и «управление эмоциями», «внутриличностный ЭИ» и «межличностный ЭИ» на среднем уровне.

3) *Непризнанный гений*. Сотрудник данного типа в ситуации профессионального высвобождения применяет в качестве ведущей копинг-стратегии *сохранение самообладания*, обладает «уровнем интеллектуального развития» выше среднего. Для непризнанного гения характерен низкий уровень «жизнестойкости», низкий уровень «контроля», низкие значения «вовлеченности». Непризнанный гений обладает средним уровнем «принятия риска» и низкой «самооценкой здоровья», для него характерен высокий «уровень психосоциального стресса» и «средний уровень удовлетворенности жизнью» в целом и средний уровень «удовлетворенности жизненными потребностями». У непризнанного гения наблюдается умеренный уровень «мотивации к успеху», предпочитает средний «уровень риска» и средний уровень «потребностей в ощущениях», основная ценностная ориентация - «вызов». Ценностная ориентация, которая представляет наименьшее значение - «стабильность места жительства». У непризнанного гения «понимание эмоций» и «управление эмоциями», «внутриличностный ЭИ» и «межличностный ЭИ» на среднем уровне.

4) *Служитель*. Сотрудник данного типа в ситуации профессионального высвобождения в качестве ведущей копинг-стратегии применяет *самообвинение*, «уровень интеллектуального развития» средний, для них характерен низкий уровень «жизнестойкости» и низкий уровень «контроля». Служитель обладает низким значением «вовлеченности» и низким «уровнем принятия риска», для него характерна «высокая самооценка здоровья», обладает средним «уровнем психосоциального стресса», а также «средним уровнем удовлетворенности жизнью» и средним «уровнем удовлетворенности жизненными потребностями». У служителя наблюдается умеренный «уровень мотивации к успеху» и «средний уровень риска», а также средний уровень «удовлетворенности жизни», высокий уровень «удовлетворенности условиями жизни и средний уровень

«удовлетворенности основными жизненными потребностями». Для данного типа сотрудника характерен умеренный «уровень мотивации к успеху» и средний «уровень риска», высокий уровень «потребности в ощущениях». В качестве основной ценностной ориентации выступает «служение». У служителя «внутриличностный ЭИ» и «межличностный ЭИ» находятся на низком уровне, хуже всего развито понимание эмоций.

5) Жертва обстоятельств. Сотрудник, у которого ведущими копинг стратегиями в ситуации профессионального высвобождения выступают: «активное избегание», «диссимуляция», «альtruизм», «подавление эмоций». Жертва обстоятельств в процессе высвобождения характеризуется активными стратегиями ухода, диссимуляцией и подавлением эмоций, дополняя картину адаптивных реакций в профессиональной среде.

Процесс адаптации сотрудников представляет собой единый алгоритм, который включает в себя основные направления работы: диагностико-аналитическая; консультативная; развивающая; просветительская; профилактическая.

Произведем дифференциацию траекторий адаптации учитывая типологию сотрудников:

Для гармоничного интеллектуала в процессе адаптации к профессиональному высвобождению утрирование обстоятельств будет смягчать наличие возможности обратиться за помощью к окружению. Сотрудничество с руководством или значимой фигурой дает гармоничному интеллектуалу ощущение, что весь груз ответственности за процесс высвобождения лежит не только на нем, для такого сотрудника очень важно наличие поддержки в коллективе.

Для трудоголика при адаптации к процессу профессионального высвобождения важна сохранность чувства собственной ценности и самоуважения. Трудоголику в процессе профессионального высвобождения через принятие всех своих чувств и эмоций необходимо проявлять конструктивную агрессию, не прислушиваться к внутреннему критику, который его ругает. Для трудоголика в своей адаптации необходимо идти на коммуникацию и приобретать новые продуктивные знакомства, формулировать жизненные цели и задачи, а затем заниматься их реализацией, отстаивать свою точку зрения в дискуссиях, имеющих конструктивных характер.

Для непризнанного гения ключевым в его траектории адаптации является избегание поспешных и импульсивных решений в моменты сильного стресса, сохранение эмоционального равновесия ,анализ и планирование своих действий в конфликтной ситуации; в процессе высвобождения непризнанному гению не стоит реагировать на провокации, так как это может усугубить стресс, такому сотруднику не стоит ставить себе задачи, которых невозможно достигнуть.

Для служителя основным в стратегии адаптации при профессиональном высвобождении является посвящение себя другим и, таким образом, сотрудник справляется со стрессом, при котором человек посвящает себя удовлетворению потребностей других. Для служителя основное в адаптации это: сведение отрицательных переживаний к минимуму, работа над внутренним конфликтом, концентрация на своих потребностях, чтобы помогать другим не ущемляя себя. Служителю важно наблюдать за самим собой, понимать причины своих реакций и оценивать свое поведения, его эффективность.

Для жертвы обстоятельств важным в стратегии адаптации при профессиональном высвобождении является определение ситуаций, которые сотрудник склонен избегать, а также поведения, с помощью которого у него получается совладать с этими сложными

ситуациями, а затем осуществить поиск способа преодоления избегания. Жертве при адаптации необходимо осознать свои чувства и бережно отнестись к ним, постоянно поддерживать контакт с собой.

Заключение

В статье подробно исследована проблема профессионального высвобождения и благополучия личности в отечественных и зарубежных исследованиях.

В результате исследования были дифференцированы пять траекторий адаптации, на основе индивидуальных особенностей высвобождаемых, в зависимости от выделенного типа сотрудника.

Таким образом, доказано, что эффективность процесса профессионального высвобождения напрямую зависит от учета индивидуально-психологических особенностей сотрудников. Практическая значимость исследования заключается в предоставлении организациям структурированного инструментария для персонализированной работы с высвобождаемыми сотрудниками. Внедрение предложенного подхода будет способствовать не только гуманизации кадровой политики и сохранению психического здоровья сотрудников, но и укреплению репутации организации как социально ответственного работодателя, что в долгосрочной перспективе является ценным конкурентным преимуществом.

Библиография

1. Вуколов В.Л. Цифровая экономика и рынок труда, цифровые технологии и трудовые отношения: Взаимовлияние, особенности и тенденции развития // Социально-трудовые исследования. 2023. № 1. С. 24-28. DOI: 10.34022/2658-3712-2023-50-1-24-30 EDN: UGGVAN.
2. Голубева Н.М. К проблеме дифференциации понятий психологического и субъективного благополучия личности // Известия саратовского университета им. Н.Г. Чернышевского. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2010. № 3. Т. 3. С. 36-42.
3. Грогоleva O.Y., Prirezova D.A. Психологическое благополучие студентов с различными типами сепарации и привязанности к родителям // Вестник Омского университета. Серия "Психология". 2021. № 3. С. 6-17. DOI: 10.24147/2410-6364.2021.3.6-17 EDN: TNKCMZ.
4. Жанашева А.Д., Бокенчина М.К. Психологическое благополучие как важная составляющая часть профессионального развития сотрудника организации // Annali d'Italia. 2022. № 27. С. 66-68. EDN: SKRRCC.
5. Райчук И.А., Гаврилюк Н.П. Особенности восприятия субъективного благополучия в молодости: социокультурная детерминация личности // Материалы IV Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. 2024. С. 269-273. EDN: NXDDPK.
6. Рущак Е.А., Мясникова С.В. Копинг-стратегии как ресурсы психологического благополучия сотрудников организаций малого бизнеса // Петербургский психологический журнал. 2014. № 6. С. 1-18.
7. Соломатина В.А. Структура психологического благополучия личности: обзор зарубежных подходов // Прикладная психология на службе развивающейся личности. Сборник научных статей и материалов XVI научно-практической конференции с международным участием. Коломна, 2019. С. 160-164. EDN: FJEHQY.
8. Степанова Д.Е. Взаимосвязь индивидуально-личностных особенностей и специфики профессионального высвобождения сотрудников организаций социальной сферы // Человеческий капитал. 2023. № 11-2(179). С. 209-215. DOI: 10.25629/HC.2023.11.52.

EDN: HBYSNZ.

9. Степанова Д.Е. Предикторы успешного профессионального высвобождения сотрудников организаций социальной сферы // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2023. Т. 12, № 5-6-1. С. 87-99. DOI: 10.34670/AR.2023.46.99.007. EDN: TESPVS.
10. Экономические последствия пандемии COVID-19 // Институт международных экономических связей: офиц. сайт. С. 1. URL: <https://imes.su/press-tsentr/stati/ekonomicheskie-posledstviya-pandemii-covid-19/-ysclid=mfdqt49m9f873859058> (дата обращения: 10.09.2024).
11. Karapinar P.B., Camgoz S.M., Ekmekci. Employee well-being, workaholism, work-family conflict and instrumental spousal support: a moderated mediation model // Journal of Happiness Studies. 2019. Vol. 1. С. 1-21.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Объектом исследования в представленной статье выступает профессиональное высвобождение сотрудников, предметом – дифференциация траекторий адаптации в контексте благополучия личности.

Актуальность исследования обусловлена пониманием того, что сегодня процесс появления новых и потери актуальности прежних профессий и профессиональных активностей ввиду появления новых технологий стал настолько интенсивным, что облик профессионального мира меняется уже несколько раз на протяжении профессиональной траектории личности.

Новизна исследования обусловлена тем, что в работе рассматривается сравнительно редкий для научно-публикационного поля вопрос при содержательном соединении воедино целого ряда профессионально-психологических понятий.

Со структурной точки зрения работа полностью соответствует требованиям, поскольку состоит из завершенных целостных содержательно взаимосвязанных частей.

С методологической точки зрения работа выполнена на основе сочетания методов теоретического анализа и практического эксперимента диагностического характера, что достаточно для труда подобного формата. В исследовании реализован также метод синтеза, позволяющий выявлять типы сотрудников.

С языковой точки зрения работа выполнена в соответствии с требованиями научного стиля.

Список литературы соответствует содержательным требованиям и находит отражение на страницах работы.

Статья может вызвать интерес у широкой аудитории по причине того, что выполнена на стыке профессиональной психологии и управления персоналом как междисциплинарной относительно новой научной области.

В содержательном плане статья раскрывает заявленные вопросы на достаточном уровне полноты, однако, в замечаниях ниже будут обозначены возможности содержательного совершенствования текста.

По работе имеется ряд замечаний.

Существенным замечанием выступает то, что в работе теоретическая часть выполнена в обзорно-постановочном формате, что делает её больше похожей на материал тезисов

для практической конференции. Для научного журнала необходимо не просто указать направления исследований авторов, но и представить информацию, напрямую выводящую на понимание сущности, структуры и содержания рассматриваемых процессов.

Необходимо также более подробно описать выборку, а именно указать, какой профессиональной деятельностью занимаются упоминаемые сотрудники, и уточнить, столкнулись ли (или сталкиваются) они со сменой работы, должности, профессии, сферы занятости и т.п. – в общем испытывают ли они на практике нестабильность на своей профессиональной траектории или же просто осознают, что она может иметь место.

Желательно также представить в работе по крайней мере фрагменты массивов результатов реализованных тестов.

Следующие замечания имеют рекомендательный характер.

Работа в содержательном плане выиграла, если бы автор представил информацию, более чётко отражающую взаимосвязь между выявленными кластерами и представленными типами сотрудников.

Работа была более завершенной, если бы, говоря об эффективности в заключении, автор представил конкретные критерии и показатели адаптации, позволяющие судить о ней.

Вывод: представленная работа является содержательным исследованием, раскрывающим актуальную проблему на хорошем уровне, однако, для соответствия требованиям рецензируемого научного журнала требуется её доработка в первую очередь в плане расширения теоретической части.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Волков С.С. Психологическая готовность к риску как фактор эффективности деятельности специалистов экстремального профиля // Психолог. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-8701.2025.5.76377 EDN: ODREQN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76377

Психологическая готовность к риску как фактор эффективности деятельности специалистов экстремального профиля

Волков Сергей Сергеевич

ORCID: 0009-0004-6638-0285

магистр; факультет Комплексная безопасность и основа военной подготовки; Российский государственный социальный университет

129226, Россия, г. Москва, р-н Ростокино, ул. Вильгельма Пика, д. 4 стр. 1

✉ volkovss@bk.ru

[Статья из рубрики "Профессиональная психология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2025.5.76377

EDN:

ODREQN

Дата направления статьи в редакцию:

16-10-2025

Дата публикации:

23-10-2025

Аннотация: Предметом исследования является психологическая готовность к риску как ключевой фактор эффективности деятельности специалистов. Особую роль здесь имеют специалисты экстремального профиля, поскольку их профессиональная деятельность сопряжена с чрезвычайными и стрессовыми ситуациями, в условиях которых готовность к риску и высокая стрессоустойчивость необходимы. В статье раскрывается сущность и структура готовности к риску, ее роль в обеспечении устойчивости поведения и результативности деятельности в условиях высокой неопределенности и эмоционального напряжения. Психологическая готовность рассматривается не только как индивидуально-личностное свойство, но и как динамическое состояние, включающее когнитивные, мотивационные и эмоционально-волевые компоненты, влияющие на

качество профессиональных решений. Особое внимание уделено взаимосвязи уровня готовности к риску с успешностью профессиональной деятельности, групповой динамики в экстремальных условиях. Методы исследования включают анализ и синтез научных источников, сравнительный анализ подходов к изучению риска, систематизацию теоретических моделей саморегуляции и эмпирических данных о психологической устойчивости специалистов экстремального профиля. Использование междисциплинарного инструментария позволило объединить психологический, физиологический и организационный подходы к пониманию феномена готовности к риску, рассмотреть его как элемент профессиональной надежности. Научная новизна работы заключается в уточнении концептуальных основ психологической готовности к риску, в определении ее структурных компонентов и механизмов проявления в профессиональной деятельности, а также в обосновании ее роли как детерминанты эффективности поведения специалистов экстремального профиля. Показано, что конструктивная готовность к риску способствует формированию устойчивости, адекватному прогнозированию последствий действий и снижению уровня деструктивных эмоциональных реакций, тогда как неосознанная или чрезмерная склонность к риску повышает вероятность ошибок и снижает профессиональную надежность. Практическая значимость исследования заключается в разработке комплекса рекомендаций по диагностике и развитию психологической готовности к риску у специалистов экстремальных профессий. Предлагаются направления внедрения психологических тренингов, методов стресс-менеджмента, программ профилактики эмоционального выгорания и инструментов командной подготовки, направленных на формирование осознанного, управляемого отношения к риску. Полученные результаты могут быть использованы в системе профессионального отбора, при разработке образовательных модулей по психологической подготовке, а также в деятельности подразделений, обеспечивающих безопасность и экстренное реагирование.

Ключевые слова:

профессиональная эффективность, стрессоустойчивость, саморегуляция, адаптация, рискованное поведение, личностные ресурсы, командная устойчивость, психологическая подготовка, экстремальные профессии, психологическая тренировка

Введение

Деятельность специалистов экстремального профиля (спасателей, пожарных, сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих, врачей экстренных служб и др.) связана с высокой степенью неопределенности, физическими и эмоциональными нагрузками, необходимостью принимать решения в условиях риска и ограниченного времени. В таких профессиях ошибки могут иметь критические последствия, что требует от специалиста не только профессиональных навыков, но и особого психологического состояния, обеспечивающего готовность действовать эффективно в сложных ситуациях.

В условиях растущей сложности профессиональной среды, постоянных технологических и социальных изменений возрастает значение психологических ресурсов личности, способствующих адаптации и устойчивости поведения. Одним из ключевых таких ресурсов выступает психологическая готовность к риску как способность осознанно принимать решения в ситуациях неопределенности, сохранять контроль над эмоциями и ответственное отношение к последствиям своих действий. Современные исследования показывают, что готовность к риску имеет двойственную природу. С одной стороны,

готовность к риску обеспечивает решительность, оперативность и уверенность в действиях, что напрямую повышает результативность и скорость реагирования в критических ситуациях. С другой стороны, чрезмерная или неосознанная склонность к риску может приводить к ошибкам, травмам, психологическому выгоранию и снижению эффективности деятельности.

Целью данной статьи является раскрытие роли психологической готовности к риску как фактора эффективности профессиональной деятельности специалистов экстремального профиля.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи:

- обобщить научные подходы к исследованию феномена психологической готовности к риску;
- раскрыть ее теоретическое содержание, структуру и механизмы проявления в профессиональной деятельности;
- проанализировать взаимосвязь между уровнем готовности к риску и эффективностью деятельности в экстремальных профессиях;
- предложить практические рекомендации по развитию и диагностике психологической готовности к риску в профессиональной среде.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения, систематизации и обобщения. Применение теоретического анализа позволило выявить ключевые подходы к пониманию структуры и содержания готовности к риску. Метод сравнительного анализа использовался для сопоставления индивидуально-психологических характеристик специалистов различных экстремальных профессий и определения факторов, влияющих на эффективность их деятельности. Систематизация и обобщение современных научных источников обеспечили целостное представление о природе психологической готовности к риску.

Обзор литературы

Проблематика психологической готовности к риску активно разрабатывается в отечественной науке и приобретает особое значение в контексте профессиональной деятельности специалистов экстремального профиля. В ряде фундаментальных работ обосновывается значимость готовности к риску как адаптационного ресурса личности.

Так, А. Ю. Тарасова^[1] интерпретирует готовность к риску как компонент системы саморегуляции, обеспечивающий устойчивость к стрессу и эффективность адаптации представителей различных этнокультурных групп. Психологические механизмы готовности к риску у курсантов военных вузов исследует Д. А. Мещеряков^[2], отмечая, что формирование данного качества тесно связано с этапами профессиональной социализации и развитием ответственности за последствия принимаемых решений.

В работах, посвященных подготовке специалистов силовых структур, внимание уделяется комплексному развитию профессионально значимых качеств, включая готовность к риску. Ю. В. Боленко и Г. Н. Фомицкая^[3] акцентируют внимание на интеграции психолого-педагогических подходов к формированию готовности курсантов к профессиональной деятельности. Н. Н. Красноштанова^[4] раскрывает психологические модели поведения субъектов служебной деятельности в ситуациях риска, показывая, что уровень готовности определяется типом профессиональной мотивации и стилем

регуляции эмоций.

Существенный вклад в развитие практических подходов к формированию готовности к риску вносят исследования, посвященные психологической подготовке сотрудников правоохранительных органов. О. С. Возженикова и А. В. Метелев^[5] рассматривают организацию психотренингов и моделирование экстремальных ситуаций как средство повышения стрессоустойчивости и самоконтроля. П. А. Кисляков и Е. А. Шмелева^[6] акцентируют внимание на психодиагностике психологической безопасности, выделяя толерантность к неопределенности и способность к риску как ключевые предикторы профессиональной надежности.

Ряд работ связан с исследованием психологической устойчивости и саморегуляции как базовых компонентов готовности к риску. М. А. Калужина и Т. С. Пухарева^[7] обосновывают роль саморегуляции в поведении сотрудников, действующих в условиях правонарушений и угроз, а С. В. Дацкова^[8] рассматривает психологическую устойчивость в чрезвычайных ситуациях как совокупность личностных механизмов преодоления тревоги и страха. Аналогичные выводы делает А. О. Бурцев^[9], показывая, что толерантность к неопределенности является важным элементом готовности к риску и определяет успешность действий сотрудников органов внутренних дел.

Важное направление исследований касается физической, эмоциональной и когнитивной подготовки специалистов. С. Ю. Махов с соавторами^[10] выделяют физическую подготовку как средство формирования личной безопасности и контроля поведения в рискованных ситуациях. А. Н. Баламут и В. М. Поздняков^[11] рассматривают психологическую подготовку сотрудников уголовно-исполнительной системы как механизм предупреждения профессиональной деформации и снижения тревожности при выполнении сложных служебных задач. Л. В. Куклина и коллеги^[12] обосновывают необходимость комплексного психологического обеспечения служебной деятельности, включающего диагностику, тренинги и развитие эмоциональной устойчивости.

В диссертациях Р. В. Лаптева^[13] и Ю. Д. Васькиной^[14] детально анализируются психорегуляторные механизмы произвольной активности и устойчивости к профессиональным трудностям. Исследователи подчеркивают, что развитие саморегуляции способствует оптимизации рискованного поведения и предотвращению эмоционального выгорания. О. А. Ульянин^[15] предлагает психотехнологии формирования личностной компетентности у специалистов правоохранительной сферы, что, по ее мнению, является основой для осознанного и контролируемого принятия риска.

Современные исследования отражают тенденцию к междисциплинарному осмыслению готовности к риску. С. И. Кудинов с соавторами^[16] связывают самореализацию сотрудников правоохранительных органов с их способностью управлять риском и преодолевать профессиональные деформации. Р. А. Терехин^[17] рассматривает готовность к риску как ключевой элемент психологической подготовки военнослужащих, отмечая ее роль в развитии решительности и оперативного мышления. П. Ю. Фещенко^[18] выделяет склонность к риску как предиктор готовности к преодолению трудных жизненных ситуаций, связывая ее с эмоциональной устойчивостью и внутренней мотивацией.

В эмпирических исследованиях последних лет акцентируется внимание на взаимосвязи

между психологической устойчивостью и эффективностью профессиональной деятельности. В. Л. Цветков с коллегами [19] показывают, что высокий уровень готовности к служебной деятельности в экстремальных условиях обеспечивается сочетанием эмоциональной стабильности и контролируемого риска. И. Н. Кондинский [20] анализирует влияние типов личности на восприятие риска, демонстрируя, что особенности темперамента и когнитивных стратегий определяют поведение сотрудников в чрезвычайных ситуациях.

Таким образом, в психологии профессиональной деятельности психологическая готовность к риску рассматривается как многокомпонентное качество личности, включающее мотивационно-ценностные установки, эмоционально-волевые характеристики и когнитивные механизмы регуляции поведения.

Теоретические основы психологической готовности к риску

Психологическая готовность к риску является одним из ключевых личностных ресурсов, обеспечивающих успешность деятельности специалистов, действующих в условиях неопределенности, дефицита времени и повышенной ответственности, и представляет собой интегральное образование, включающее как устойчивые личностные свойства, так и ситуативные состояния, определяющие способность субъекта осознанно принимать решения в рискованных ситуациях.

Согласно Ю. А. Лукьяновой [21], готовность к риску следует отличать от склонности к риску: первая отражает осознанное, целенаправленное поведение, основанное на оценке вероятных последствий, тогда как вторая чаще связана с импульсивностью и поиском острых ощущений. Психологическая готовность к риску, таким образом, выступает результатом внутренней регуляции и когнитивного анализа, обеспечивающих баланс между безопасностью и необходимостью действия.

В исследовании Ю. В. Селезневой и А. Ю. Тарасовой [22] подчеркивается, что готовность к риску является личностным свойством саморегуляции, включающим когнитивный, эмоционально-волевой и мотивационный компоненты. Когнитивный компонент связан с адекватной оценкой вероятности успеха и прогнозированием последствий действий; эмоционально-волевой — с управлением тревогой и контролем импульсивных реакций; мотивационный — с внутренней установкой на достижение цели, преодоление трудностей и ответственное принятие решений.

С точки зрения индивидуально-типологических особенностей личности готовность к риску определяется рядом психологических характеристик (уровнем эмоциональной устойчивости, выраженной экстраверсии или интроверсии, типом нервной системы и локусом контроля). Ю. А. Махмудова, С. С. Новикова и Е. В. Щетинина [23] указывают, что лица с внутренним локусом контроля, высокой саморегуляцией и умеренной эмоциональной возбудимостью демонстрируют конструктивную готовность к риску, проявляющуюся в способности принимать решения без потери контроля над ситуацией.

В отечественных исследованиях также подчеркивается необходимость разграничения конструктивного и деструктивного риска. В. Д. Алексеев [24] отмечает, что конструктивный риск предполагает осознанный выбор оптимальной стратегии поведения в условиях неопределенности и направлен на достижение социально и профессионально значимых целей. Деструктивный риск, напротив, проявляется как следствие эмоциональной импульсивности, недостатка прогностических способностей и склонности к игнорированию возможных последствий.

А. М. Бондарева [25] связывает индивидуальные различия в склонности и готовности к риску с особенностями темперамента и характера, подчеркивая роль таких свойств, как решительность, настойчивость и гибкость мышления. Исследователь отмечает, что избыточная осторожность может снижать эффективность деятельности в экстремальных условиях, тогда как чрезмерная рискованность повышает вероятность ошибок и эмоционального выгорания.

Следовательно, психологическая готовность к риску представляет собой динамическую систему, включающую когнитивные механизмы анализа ситуации, эмоционально-волевую регуляцию и мотивацию достижения. Готовность формируется на основе личностной зрелости, осознанного отношения к риску и способности прогнозировать последствия собственных действий.

Психологическая готовность к риску как фактор эффективности деятельности в экстремальных профессиях

Эффективность деятельности специалистов экстремального профиля (сотрудников МЧС, полиции, военнослужащих и представителей спасательных подразделений) определяется не только профессиональными навыками и уровнем физической подготовки, но и психологическими ресурсами личности, позволяющими сохранять устойчивость, точность действий и контроль над ситуацией в условиях высокой неопределенности. Психологическая готовность к риску выступает в этой системе одним из центральных факторов, обеспечивающих успешность деятельности и устойчивость к профессиональному стрессу.

Как отмечает К. С. Шалагинова [26], готовность к профессиональной деятельности в условиях риска является интегральным показателем психологической зрелости специалиста и тесно связана с его способностью принимать решения в ситуациях неопределенности. Автор указывает, что умеренная готовность к риску способствует формированию оптимального уровня мобилизации, позволяющего эффективно действовать в экстремальных условиях, тогда как чрезмерная склонность к риску приводит к импульсивным решениям и ошибочным действиям, а заниженная к избыточной осторожности и задержке реакции.

Исследования А. А. Утуганова, А. Ю. Чудакова и С. А. Бондаренко [27] демонстрируют, что эффективность деятельности военнослужащих в особых условиях прямо зависит от уровня их психологической готовности к риску, которая включает не только когнитивную оценку опасности, но и эмоционально-волевую способность сохранять самоконтроль. Авторы предлагают комплексный подход к оценке готовности, сочетающий психофизиологические и личностные показатели, что позволяет учитывать как индивидуальные особенности восприятия риска, так и профессиональную адаптированность к нему.

Результаты исследований В. Л. Цветкова, В. А. Балашовой, Д. А. Пустовитовой и Т. А. Хрусталевой [28] подтверждают, что психологическая устойчивость и готовность к служебной деятельности в экстремальных условиях находятся в прямой взаимосвязи с эффективностью выполнения профессиональных задач. Наиболее высокий уровень результативности демонстрируют сотрудники, характеризующиеся сбалансированной готовностью к риску, высоким уровнем саморегуляции и развитой стрессоустойчивостью.

А. С. Уварова [29] акцентирует внимание на роли стрессоустойчивости как

физиологической и психологической основы готовности к риску. В ее исследовании показано, что адаптивные реакции, выраженные в способности быстро восстанавливать внутреннее равновесие после стрессового воздействия, обеспечивают сохранение концентрации и точности действий при выполнении задач в условиях опасности.

Не менее значимым аспектом готовности к риску является групповая динамика. В условиях коллективной деятельности (особенно в подразделениях МЧС, полиции и армии) эффективность выполнения задач во многом зависит от распределения риск-функций между членами команды, доверия и взаимной поддержки. Баланс индивидуальной готовности к риску и командной сплоченности способствует формированию устойчивых моделей взаимодействия и предотвращает деструктивные последствия импульсивных решений.

Таким образом, психологическая готовность к риску в экстремальных профессиях представляет собой системообразующий фактор профессиональной эффективности. Оптимальный уровень психологической готовности к риску обеспечивает быструю адаптацию, адекватное восприятие угроз, рациональное принятие решений и высокий уровень самоконтроля, в связи с чем развитие готовности к риску должно рассматриваться как приоритетное направление психологической подготовки специалистов, работающих в экстремальных условиях.

Рекомендации по развитию психологической готовности к риску у специалистов экстремального профиля

Проведенный анализ психологической готовности к риску как научной категории показывает, что для развития психологической готовности к риску особое внимание должно быть уделено внедрению практических программ, направленных на развитие саморегуляции, стрессоустойчивости и способности принимать решения в условиях неопределенности.

Во-первых, рекомендуется системное включение в программы профессиональной подготовки модулей психологического тренинга по управлению риском. Такие модули должны сочетать когнитивные и поведенческие компоненты: моделирование критических ситуаций, анализ вариантов решений, формирование навыков прогнозирования и эмоционального контроля, что обеспечит формирование конструктивного типа рискованного поведения, основанного на осознанности и самоконтроле.

Во-вторых, целесообразно использовать методы психодиагностики готовности к риску при профессиональном отборе и периодической оценке персонала. Диагностические процедуры должны быть направлены не на исключение кандидатов с высоким уровнем риска, а на выявление оптимального баланса между осторожностью и склонностью к активным действиям, что позволит прогнозировать поведение специалиста в сложных условиях и определять индивидуальные траектории психологического развития.

В-третьих, важным направлением является внедрение программ психологического сопровождения, ориентированных на поддержание устойчивости и профилактику эмоционального выгорания. Такие программы могут включать индивидуальные консультации, групповые тренинги, релаксационные и когнитивно-поведенческие техники, позволяющие повысить уровень саморегуляции и снизить негативные последствия хронического стресса.

В-четвертых, следует развивать коллективные формы подготовки, направленные на формирование командной готовности к риску. Отработка сценариев действий в

чрезвычайных ситуациях, совместный анализ ошибок и принятие решений в условиях ограниченного времени укрепляют доверие и улучшают взаимодействие внутри подразделения.

В-пятых, необходима интеграция современных технологий психологической подготовки (в частности, применение виртуальных симуляторов, ситуационных тренажеров и цифровых кейсов, имитирующих реальные условия экстремальной деятельности) для создания контролируемой среды для безопасного формирования готовности к риску и анализа индивидуальных реакций в динамике.

Наконец, эффективная система управления риском в экстремальных профессиях должна строиться на принципе непрерывного развития. Психологическая готовность не является статичным свойством, она изменяется в зависимости от опыта, условий службы и эмоционального состояния специалиста, в связи с чем важно обеспечить постоянную обратную связь, мониторинг состояния сотрудников и гибкую адаптацию программ подготовки.

Заключение

Проведенный анализ показал, что психологическая готовность к риску является ключевым фактором, обеспечивающим эффективность деятельности специалистов экстремального профиля, и выступает не только как профессионально значимое качество, но и как системный ресурс личности, включающий когнитивные, эмоционально-волевые и мотивационные компоненты, обеспечивающие устойчивость поведения в условиях неопределенности и опасности. Готовность к риску представляет собой динамическое личностное образование, интегрирующее процессы саморегуляции, прогнозирования последствий и принятия решений. Конструктивная, осознанная готовность способствует развитию ответственности, инициативности и гибкости мышления, тогда как деструктивная ведет к импульсивности, ошибкам и снижению устойчивости.

Рассмотренные исследования подтверждают прямую взаимосвязь между уровнем готовности к риску и эффективностью профессиональной деятельности. Оптимальный уровень готовности обеспечивает быстрое реагирование, рациональное распределение внимания и контроль над эмоциями, что повышает точность действий и снижает вероятность профессиональных ошибок. Избыточная или недостаточная готовность, напротив, нарушает баланс между осмотрительностью и решительностью, снижая качество работы в экстремальных условиях. Предложенные авторские рекомендации направлены на практическое применение полученных выводов и включают развитие системы психологического тренинга, использование диагностических процедур для оценки готовности к риску, внедрение программ психологического сопровождения и групповых форм подготовки.

Таким образом, психологическая готовность к риску выступает важнейшим условием профессиональной надежности и устойчивости специалистов экстремального профиля.

Библиография

1. Тарасова А. Ю. Психологическая готовность к риску как адаптационный ресурс саморегуляции у представителей различных этнокультурных групп : диссертация ... кандидата психологических наук : 5.3.1 / Тарасова Анастасия Юрьевна; [Место защиты: Донской государственный технический университет; Диссовет 99.2.081.02 (99.2.081.02)]. – Ростов-на-Дону, 2025. – 206 с.

2. Мещеряков Д. А. Социально-психологические и индивидуально-психологические факторы готовности к риску в процессе социализации курсантов в военном вузе : диссертация ... кандидата психологических наук : 19.00.05 / Мещеряков Денис Александрович; [ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского】. – Саратов, 2021. – 164 с.
3. Боленко Ю. В. Формирование и оценка готовности курсантов к профессиональной деятельности / Ю. В. Боленко, Г. Н. Фомицкая. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2022. – 106 с.
4. Красноштанова Н. Н. Психологические модели поведения субъектов служебной деятельности в ситуациях риска : монография / Красноштанова Наталья Николаевна. – Москва : Белый ветер, 2022. – 154 с.
5. Возженикова О. С. Организация руководителем органа внутренних дел Российской Федерации психологической подготовки личного состава к экстремальным условиям деятельности : учебное пособие / О. С. Возженикова, А. В. Метелев; Академия управления МВД России. – Москва : Академия управления МВД России, 2023. – 75 с.
6. Кисляков П. А. Психологическая безопасность: психодиагностика : учебное пособие / П. А. Кисляков, Е. А. Шмелева. – Красноярск : Научно-инновационный центр, 2024. – 269 с.
7. Калужина М. А. Психология оперативно-розыскного противодействия противоправному поведению : монография / М. А. Калужина, Т. С. Пухарева; Министерство образования и науки РФ, Кубанский государственный университет. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2023. – 238 с.
8. Дацкова С. В. Психологическая устойчивость в чрезвычайных ситуациях / С. В. Дацкова. – Волгоград : ВолгГТУ, 2020. – 167 с.
9. Бурцев А. О. Психология толерантности к неопределенности (на примере сотрудников органов внутренних дел) : научно-практическое пособие / А. О. Бурцев, А. А. Бульбачева; Академия управления МВД России. – Москва : Академия управления МВД России, 2021. – 78 с.
10. Махов С. Ю. Формирование готовности сотрудников МВД России к обеспечению личной безопасности в процессе служебной деятельности средствами и методами физической подготовки : монография / С. Ю. Махов, И. В. Герасимов, С. Н. Баркалов. – Орел : ОрЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова, 2021. – 108 с.
11. Баламут А. Н. Психологическая подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы к действиям в экстремальных ситуациях / А. Н. Баламут, В. М. Поздняков. – 2-е изд., расшир. и доп. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2021. – 143 с.
12. Кукина Л. В. Психологическое обеспечение служебной деятельности / Л. В. Кукина, Е. С. Лобанова, Е. М. Калинкина. – Вологда : Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 2023. – 97 с.
13. Лаптев Р. В. Психологические условия формирования произвольной саморегуляции в профессиональной деятельности у сотрудников правоохранительных органов : диссертация ... канд. психол. наук : 5.3.3 / Лаптев Роман Вячеславович; [АНО ВО «Российский новый университет»; Диссовет Д 521.019.XX (75.2.016.01)]. – Москва, 2023. – 302 с.
14. Васькина Ю. Д. Развитие психологической устойчивости к профессиональным трудностям служебной деятельности сотрудников-выпускников образовательных организаций МВД России : диссертация ... канд. психол. наук : 5.3.3 / Васькина Юлия Дмитриевна; [ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя»; Диссовет Д 203.019.XX (03.2.006.02)]. – Москва, 2023. – 226 с.
15. Ульянина О. А. Личностная компетентность специалистов правоохранительной сферы: психотехнологии формирования в образовательных организациях высшего

- образования : монография / О. А. Ульянина. – Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2022. – 218 с.
16. Кудинов С. И. Самореализация в контексте профессиональной деформации сотрудников правоохранительной системы : монография / С. И. Кудинов, С. С. Кудинов, А. И. Позин. – Москва : Пере, 2025. – 177 с.
17. Терехин Р. А. Готовность к риску как важный элемент психологической подготовки военнослужащих // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2023. № 3 (47). С. 317–323.
18. Фещенко П. Ю. Склонность к риску как предиктор психологической готовности к преодолению трудных жизненных ситуаций // В сборнике: Проблемы и перспективы психологической науки в России. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Севастополь, 2024. С. 135–140.
19. Цветков В. Л., Балашова В. А., Пустовитова Д. А., Хрусталева Т. А. Психологическая устойчивость и готовность сотрудников полиции к служебной деятельности в экстремальных условиях // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29. № 2 (97). С. 133–139.
20. Кондинский И. Н. Влияние типов личности на восприятие риска и действия сотрудников в чрезвычайных ситуациях // Человек. Социум. Общество. 2025. № 2. С. 28–32.
21. Лукьянова Ю. А. Склонность и готовность к риску в служебной деятельности: сопоставимый анализ понятий // В сборнике: Молодежь и общество: теоретические модели и реальность. Материалы III Международной молодежной научно-практической конференции, посвященной Всемирному дню философии и Общероссийскому дню психологии. Воронеж, 2025. С. 154–158.
22. Селезнева Ю. В., Тарасова А. Ю. Готовность к риску как личностное свойство саморегуляции: кросскультурный подход // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. 2024. Т. 7. № 5. С. 54–64.
23. Махмудова Ю. А., Новикова С. С., Щетинина Е. В. Индивидуально-типологические особенности ответственной личности, готовой к риску // Интернаука. 2023. № 45-2 (315). С. 54–57.
24. Алексеев В. Д. К вопросу об индивидуальных и личностных факторах формирования рискованного поведения // Новые психологические исследования. 2024. Т. 4. № 4. С. 185–212.
25. Бондарева А. М. Индивидуальные особенности личности и склонность к риску // В сборнике: Актуальные проблемы психологии и педагогики. Сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2024. С. 34–39.
26. Шалагинова К. С. Оценка готовности к профессиональной деятельности в условиях риска у сотрудников МЧС // Мир педагогики и психологии. 2024. № 10 (99). С. 320–329.
27. Утюганов А. А., Чудаков А. Ю., Бондаренко С. А. Комплексный психологический подход к оценке готовности военнослужащих к действиям в особых условиях // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 2 (31). С. 167–175.
28. Цветков В. Л., Балашова В. А., Пустовитова Д. А., Хрусталева Т. А. Психологическая устойчивость и готовность сотрудников полиции к служебной деятельности в экстремальных условиях // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29. № 2 (97). С. 133–139.
29. Уварова А. С. Особенности стрессоустойчивости у сотрудников экстренных служб (МЧС, Полиция) // В сборнике: Актуальные проблемы теории и практики социально-гуманитарных наук. Сборник научных статей. Москва, 2025. С. 106–110.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами Национального Института Научного

[Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Объектом исследования в представленной на рецензирование работе выступает психологическая готовность к риску, предметом – её развитие у специалистов экстремального профиля. Актуальность исследования обусловлена высокой социальной значимостью деятельности представителей рассматриваемых профессий. Новизна исследования является локальной и может пониматься как реализованная попытка обобщить достаточно большой массив информации, выработанной на основе разных исследовательских пониманий и подходов к рассматриваемому вопросу.

Со структурной точки зрения работа полностью соответствует требованиям, поскольку разбита на завершённые взаимосвязанные части с хорошим уровнем баланса текста между ними.

С методологической точки зрения работа имеет полностью теоретический характер, а основным методом исследования выступает категориальный анализ, выполненный на основе изучения современных научных источников. Он дополняется синтезом, применяемым при выработке рекомендаций. Это сочетание методов в целом достаточно для работы постановочного характера в формате журнальной статьи.

К основным содержательным преимуществам статьи следует отнести подробный теоретический анализ, сопровождающийся детальным обзором исследований с их группировкой по направлениям исходя из изучаемых аспектов темы; а также качественное сущностно-содержательное представление понятия психологической готовности к риску.

Заслуживают внимания также и авторские рекомендации, предложенные на основе раскрытия потенциала разнообразных связанных воедино возможностей образовательного процесса по развитию исследуемых качеств.

С языковой точки зрения работа выполнена в полном соответствии с требованиями научного стиля. Текст отличается высоким уровнем тезисности и содержательной ёмкости, сочетанием активного использования профессиональной терминологии и хорошем уровне читабельности.

Список литературы с содержательной точки зрения соответствует требованиям и находит отражение на страницах работы.

Текст может вызвать интерес у читательской аудитории как педагогического, так и психологического круга, поскольку его проработанная теоретическая часть может представлять материал в готовом виде для трудов по аналогичной тематике. Так статья может достигать хорошего уровня цитируемости.

По работе имеются следующие замечания.

Статья была более содержательной, если бы автор в основной части сконцентрировался не на общих факторах развития психологической готовности, а на конкретных формах и методах психолого-педагогической работы с рассуждениями о том, почему именно их применение даёт позитивные результаты.

Работа выиграла, если бы в ней была представлена авторская оценка текущей практики развития психологической готовности к риску с выявлением её недостаточно эффективных сторон. Последнее снижает проблемность статьи и придает ей постановочный характер.

Несмотря на то, что данные замечания несколько снижают содержательную ценность текста, мы полагаем, что его общий уровень качества, достигнутый за счёт высокого уровня аккуратности и тезисности, продуманной структуры, обоснованной методологии,

хорошо проработанной теории и высокого уровня читабельности позволяет рекомендовать рукопись к публикации в рецензируемом журнале по психолого-педагогическому направлению.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Иливицкая Л.Г., Кузовенкова Ю.А. Проблема готовности психологов и психотерапевтов к сотрудничеству со священнослужителями // Психолог. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-8701.2025.5.76560 EDN: JWQWAN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76560

Проблема готовности психологов и психотерапевтов к сотрудничеству со священнослужителями

Иливицкая Лариса Геннадьевна

ORCID: 0000-0003-3339-9946

доктор философских наук

доцент; кафедра философии и биоэтики; Самарский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации

443099, Россия, Самарская область, г. Самара, ул. Чапаевская, 89

✉ laraili@mail.ru

Кузовенкова Юлия Александровна

ORCID: 0000-0002-0085-6103

кандидат культурологии

доцент; кафедра философии и биоэтики; Самарский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации

443099, Россия, Самарская обл., г. Самара, Самарский р-н, ул. Чапаевская, д. 89

✉ yu.a.kuzovenkova@samsmu.ru

[Статья из рубрики "Многообразие религиозного опыта"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2025.5.76560

EDN:

JW QW AN

Дата направления статьи в редакцию:

25-10-2025

Дата публикации:

01-11-2025

Аннотация: В рамках данной статьи предпринята попытка проанализировать готовность

практикующих психологов и психотерапевтов к сотрудничеству со священнослужителями. Объектом исследования выступали практикующие психологи и психотерапевты, принадлежащие к разным методологическим традициям. Предметом исследования являлась степень и направленность их готовность к сотрудничеству со священнослужителями. Актуальность темы обусловлена тем, что в последние десятилетия психологическая наука признала значимость религиозности и духовности как мощного помогающего ресурса и важного аспекта, который необходимо учитывать в психологии и психотерапии. Однако, теоретическое признание автоматически не означает готовность психологов и психотерапевтов к переводу данного вопроса в плоскость сотрудничества с представителями церкви, при том, что диалог подобного рода для религиозных клиентов и пациентов является крайне важным. Методом сбора информации являлось полуструктурированное интервью. Было опрошено 22 практикующих специалиста. Методом обработки собранного материала послужил тематический анализ. Было выявлено, что на теоретическом уровне подавляющее большинство респондентов демонстрируют понимание взаимосвязи психологии и религии и признают потенциал такого партнёрства, основанный на общей цели помочь человеку. Однако эмпирические данные выявляют значительный разрыв между декларируемой готовностью и её практической реализацией: только половина опрошенных специалистов имеют соответствующий опыт. Выявлено кардинальное различие между практикующими специалистами с опытом взаимодействия и теми, кто не имел такого опыта. Участники, имеющие опыт сотрудничества, чётко формулируют цели взаимодействия, которые систематизированы в две обобщающие категории: просветительская деятельность (повышение грамотности в вопросах психического здоровья) и практическая помогающая деятельность (оказание терапевтической помощи с учётом религиозного мировоззрения). Также был выявлен односторонний характер сотрудничества: психологи применяют свои компетенции в религиозной среде, но не проявляют инициативы для получения знаний от священнослужителей и углубления собственной религиозной компетентности, что ограничивает потенциал диалога. Исследование выявляет системный разрыв между осознанием необходимости сотрудничества и его практическим воплощением. В статье выделены и проанализированы ключевые барьеры, препятствующие переходу от теоретического консенсуса к реальному взаимодействию. Делается вывод о том, что для активизации сотрудничества необходима целенаправленная работа по преодолению выявленных практических и мировоззренческих препятствий.

Ключевые слова:

психолог, психотерапевт, священнослужитель, сотрудничество, степень готовности, религия, помогающий ресурс, религиозность, межпрофессиональное взаимодействие, религиозный компонент мировоззрения

Введение

Проблема взаимоотношений психологов и священнослужителей имеет сравнительно недолгую, но исключительно насыщенную и порой драматичную историю. Ее истоки лежат в конце XIX – начале XX века, когда стремительно развиваются научная психология, психиатрия и психоанализ. Именно тогда складывается понимание, что психологическая помощь отчасти берёт на себя функции, которые традиционно ассоциировались с пастырством: поддержка человека в преодолении внутренних

кризисов, обретении душевного равновесия, поиске смысла и восстановлении целостности. Однако, уже в начале этого процесса отчетливо проявились две противоположные тенденции. С одной стороны, основатель психоанализа З. Фрейд в своих работах («Будущее одной иллюзии», «Тотем и табу») рассматривал религию как коллективный невроз навязчивости, иллюзию, от которой человечество должно освободиться по мере своего взросления [6]. Этот редукционистский и зачастую антагонистический подход на долгие годы определил настороженное, а порой и враждебное отношение многих психологических школ к религиозности.

С другой стороны, почти одновременно формировался и принципиально иной взгляд. Ярким его представителем является К. Юнг, который, в отличие от З. Фрейда, видел в религии и духовности важнейшие составляющие человеческой психики [7]. К. Юнг рассматривал роли психолога и священника как схожие по своей глубинной миссии — содействие процессу исцеления и обретения целостности души (или, в его терминологии, *psyche*). Он подчеркивал, что и психотерапевт, и священник имеют дело с фундаментальными вопросами смысла жизни, страдания и трансцендентного. Однако их сходство не означает единства, оно скорее указывает на родство их помогающих ролей в жизни человека. Психолог фокусируется на бессознательном и процессе индивидуации (становления личности), а священник опирается на догматическую систему, ритуал и коллективный духовный опыт.

Как только родство психологии и религии было осмыслено и артикулировано, возникло «поле пересечения» и неизбежно — потребность в проведении границ, в поиске устойчивых форм совместного существования и сотрудничества. Не случайно в публичном пространстве появляются вопросы и формулы, фиксирующие напряжение и поиск баланса в отношении данной проблемы: «Священник психологу — друг или враг?» (Лунев И. Священник психологу — друг или враг? // Милосердие.ru [сайт]. 28.10.2016. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/svyashhennik-psihologu-drug-ili-vrag>), «Священник и/или психолог: как быть с противоречиями?» (Бакалеева С. Священник и/или психолог: как быть с противоречиями? // Милосердие.ru [сайт]. 13.07.2023. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/svyashhennik-i-ili-psiholog-kak-byt-s-protivorechiyami-kotorye-poroj-voznikayut/>), «Священник и психолог — не конкуренты, а соработники» (Мошкова И. Священник и психолог — не конкуренты, а соработники // Благовест-инфо [сайт]. 12.05.2016. URL: <https://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=5&id=67879>), «Роль психолога и роль священника — в чём разница?» (Инина Л. Роль психолога и роль священника — в чём разница? // Журнал «Фома» [сайт]. URL: <https://academy.foma.ru/rol-psihologa-i-rol-svyashhenika-v-chem.html>), «Психолог в храме: зачем он нужен, если есть священник?» (Хасьминский М. Психолог в храме: зачем он нужен, если есть священник? // Журнал «Фома» [сайт]. 09.09.2015. URL: <https://foma.ru/psiholog-v-hrame.html>). Эти формулировки отражают не просто культурный дискурс, а реальную потребность в практическом синтезе — когда духовная поддержка и психологическая помощь становятся не альтернативами, а взаимодополняющими векторами заботы о человеке.

Однако сама возможность такого синтеза зависит не от теоретических построений, а от готовности профессионалов к диалогу. Сотрудничество психолога и священника возможно лишь при их взаимной компетентности, открытости и готовности к диалогу. Эффективное объединение духовных и психологических ресурсов для помощи человеку требует глубокого взаимопонимания и уважения к профессиональным границам друг друга.

Обзор литературы

На протяжении большей части XX века в академической психологии доминировало скептическое или откровенно негативное отношение к религии. Помимо психоаналитической критики (З. Фрейд), значительный вклад в это внес бихевиоризм, который в принципе игнорировал внутренний мир человека, включая его духовный опыт. Религия рассматривалась либо как несущественный эпифеномен [18], либо как фактор, негативно влияющий на психическое здоровье, поддерживающий инфантильные установки и препятствующий адаптации [15]. Как следствие религиозный опыт либо игнорировался в практической работе психологов, либо рассматривался преимущественно как источник психопатологии. Такое отношение вызывало ответную реакцию со стороны многих религиозных конфессий, которые с недоверием относились к психологии и психиатрии, порой отговаривая своих последователей от обращения за профессиональной помощью [9].

Определённый перелом произошел во второй половине XX века с развитием гуманистической психологии и становлением трансперсональной психологии, которые вновь вернули в научный дискурс понятия духовности, высших ценностей и смысла. Важнейшую роль сыграли работы Г. Олпорта, который ввел различие между внешней (утилитарной) и внутренней (глубоко интегрированной в личность) религиозной ориентацией, показав, что именно последняя коррелирует с психическим благополучием [8].

В последние десятилетия психологическая наука окончательно признала значимость религиозности и духовности как мощного ресурса совладания со стрессом, фактора посттравматического роста и важного аспекта, который необходимо учитывать в психотерапии [1; 17]. Ключевыми фигурами в этой области стали К. Паргамент и Х. Г. Кёниг, являющиеся авторами теории религиозного копинга. К. Паргамент детально исследовал, как люди используют веру для преодоления жизненных кризисов. Он предложил рассматривать религию не как статичную черту личности (как у Г. Олпорта), а как динамический процесс, который активируется в кризисные моменты жизни [14]. В свою очередь Х. Г. Кёниг систематизировал и эмпирически обосновал, как религиозные убеждения и практики используются людьми как стратегии совладания с трудными жизненными ситуациями – от тяжёлых заболеваний до потери близких [11]. Не только зарубежные, но и отечественные авторы подчеркивают важность сотрудничества психиатра и священника. Отмечается, что оно, даже в заочном формате существенно усиливает эффективность терапии [4; 5]. Л. Рудольфссон и Г. Мильштейн [16] обращают внимание на роль духовенства в качестве «первых помощников», к которым, прежде всего, обращаются люди, столкнувшиеся с жизненными трудностями. Это делает священнослужителей своего рода «привратниками» (gatekeepers) системы охраны психического здоровья. Отсюда вытекает необходимость создания четких маршрутов перенаправления: священники должны знать, когда и к какому специалисту направить прихожанина, а психологи – понимать роль и функции духовенства в жизни верующего клиента. М. Брайнингер и его коллеги акцентируют внимание на условиях и моделях эффективного сотрудничества психолога и священника [10]. Авторы выделяют четыре ключевых условия для успешного взаимодействия: 1) взаимная готовность к сотрудничеству; 2) наличие общих ценностей (например, ценность человеческой личности и ее благополучия); 3) координация вмешательств (каждый делает свою работу, но согласованно); 4) использование психологом адаптивных методов. В качестве

последних, прежде всего, рассматривают возможности когнитивно-поведенческой терапии как одного из наиболее гибких и хорошо изученных подходов, который успешно адаптируется для интеграции духовного и религиозного содержания в терапевтический процесс.

В исследовании Г. Мильштейна и др. были выявлены типичные трудности, возникающие в ходе взаимодействия психологов и священников [\[13\]](#). Специалисты не понимают, когда и как переходить от теоретического знания о пользе сотрудничества к практическим шагам; психологи не владеют языком и концептуальным аппаратом для продуктивного диалога со священниками; ощущается нехватка общего тезауруса для обсуждения духовных вопросов с клиентами. Исследование Марк Р. МакМинна и его коллег дополнило этот список такими барьерами, как взаимное недоверие, недостаток информации о ресурсах друг друга, фундаментальные различия в мировоззрении и хроническая нехватка времени [\[12\]](#). Интересно, что, по их данным, психологи в целом более оптимистично оценивают перспективы сотрудничества, чем духовенство. Для преодоления этих барьеров ключевыми факторами были названы общие ценности, хорошая профессиональная репутация и, что особенно важно, предварительные личные знакомства.

В отечественных публикациях акцент сделан на формировании психологической службы в структурах Русской Православной Церкви, работе психологов в приходах, кризисных центрах и благотворительных службах, а также на дискуссии о границах «православной психологии».

Православная психология и психотерапия (Б.С. Братусь, Ф.Е. Василюк, В.И. Слободчиков, о. Андрей Лоргус) стремится не просто к адаптации западных методов, а к построению целостной психологической теории на фундаменте христианской антропологии и святоотеческого учения о душе. Признавая ценность научной психологии, православные психологи подчеркивают, что полнота исцеления человека невозможна без обращения к духовной жизни.

Большинство отечественных авторов сходятся во мнении, что психолог и священник не конкурируют, а дополняют друг друга, но при условии четкого разграничения сфер ответственности [\[3; 4\]](#). Психолог работает с душевным уровнем: эмоциональными травмами, незрелыми защитными механизмами, внутриличностными конфликтами, проблемами в отношениях. Священник занимается духовным окормлением: вопросами веры, греха, покаяния, участия в Таинствах. Непонимание этих границ чревато рисками для клиентов/прихожан. Как справедливо отмечают Т. В. Грязнова и А. А. Гончарук, смешение этих ролей опасно: «не редко служители церкви наставляют людей, [...] не имея специального психологического образования. [...] отсутствие научных знаний в сфере психологии может нанести больше вреда, нежели пользы» [\[3\]](#). Верна и обратная ситуация, когда психолог без богословского образования берется за духовное руководство, что может привести к искажению духовной жизни клиента.

В последние годы активно развивается практика создания психологических служб при храмах и епархиях. Этот опыт показывает, что совместная работа священника и психолога значительно расширяет возможности помочь людям в кризисных ситуациях (разводы, зависимости, подростковые проблемы, утраты), позволяя сочетать духовную поддержку с профессиональной психотерапией. Потенциал роста данных проектов видится в разработке единых протоколов взаимодействия с психиатрической и социальной службами, в повышении взаимной компетентности.

Однако, несмотря на активное обсуждение этих вопросов в публичном поле, эмпирических данных о реальной готовности специалистов к такому диалогу по-прежнему недостаточно. Данное исследование призвано восполнить этот пробел. Его фокус смешён на роль психолога в этом процессе. Цель исследования – оценить готовность практикующих психологов и психотерапевтов к сотрудничеству со священнослужителями.

Материалы и методы

Для сбора данных применялся метод полуструктурированного интервью. В ходе качественного исследования было опрошено 22 практикующих специалиста (14 психологов, 6 психотерапевтов, 2 специалиста работают как психологами, так и психотерапевтами), использующих в своей работе различные терапевтические подходы: психоаналитический, коммуникативный, телесно ориентированную терапию, когнитивно-поведенческую терапию, интегративную психотерапию, системную семейную психотерапию, гештальт-психологию, экзистенциальную психологию, нейропсихологический подход с учётом биологических и социальных факторов. Стаж работы в профессии варьировался от 2 до 34 лет. Информация по каждому респонденту представлена в Приложении.

Респондентам задавались следующие вопросы: «Как часто в своей работе Вы сталкиваетесь с религиозными переживаниями пациентов? Приведите примеры таких проявлений»; «Как Вы работаете с этими переживаниями? Если никак, то почему?»; «Спрашиваете ли Вы своих пациентов о принадлежности к какой-либо религиозной конфессии?»; «На Ваш взгляд, насколько религиозны современные люди? Как Вы можете охарактеризовать их религиозность?»; «Как, с вашей точки зрения, соотносятся между собой понятия "религия" и "психология"?»; «Приемлемо ли для вас какое-либо сотрудничество со священниками? Если да, то в каких формах?». Транскрипция была сделана дословно, а авторы анализировали транскрибированные интервью методом тематического анализа. Использовался дедуктивно-индуктивный подход. Для эмпирической иллюстрации изложенных в статье позиций были выбраны соответствующие цитаты.

Результаты исследования

На теоретическом уровне все респонденты демонстрируют чёткое понимание взаимосвязи психологии и религии. Проиллюстрируем это рядом высказываний: «Идёт соседство, такое взаимное, взаимопроникающее и сотрудничающее. У меня это ассоциируется скорее с партнёрством, где нет противопоставлений. И религия, и психотерапия работают в одном поле — в поле помощи человеку, его душе» (Инф. 3); «Пересекаются они в том, что и там, и там идет работа с душой. А различаются, наверное, предметом и методами. Я так воспринимаю это пересечение» (Инф. 7). Приведённые цитаты подчёркивают, что психология и религия объединены общей целью – помощью человеку и заботой о его душевном состоянии. Именно эта интегративная, взаимодополняющая перспектива формирует основу для выработки общих задач в совместной деятельности. Таким образом, на уровне профессионального сознания потенциал сотрудничества признаётся как очевидный и желательный. Однако этот теоретический консенсус не трансформируется в практическую реальность: лишь половина опрошенных психологов имела хоть какой-либо опыт взаимодействия со священниками.

Анализ ответов специалистов, не имевших опыта сотрудничества со священниками,

показал, что их готовность носит преимущественно гипотетический и потенциальный характер. В их высказываниях отсутствует представление о сотрудничестве как о реальном, текущем процессе, подкреплённом чётким пониманием целей, форматов и механизмов взаимодействия. Вместо этого сотрудничество воспринимается как возможное или вероятное явление, отнесённое к будущему – «когда-нибудь», «в теории», «если будет возможность». Конкретные шаги, планы или условия реализации при этом не формулируются. Такая позиция свидетельствует о том, что идея совместной работы остаётся в поле абстрактных возможностей, не переходя в фазу практической реализации.

Кроме того, сама потенциальная готовность проявляется с различной степенью выраженности – от активной заинтересованности до выраженной отстранённости. Нами выделены четыре степени готовности к сотрудничеству: заинтересованность, условная готовность, неопределенность и отстранённость (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Готовность к сотрудничеству специалистов, прежде не имевших подобного опыта

Код (степень готовности)	Высказывания
Заинтересованность	Знаете, интересно, это был бы очень интересный опыт (Инф. 9) Но я готова к диалогу, я открыта (Инф. 16)
Условная готовность	И если, например, этот пациент сочтет нужным, что мне нужно побеседовать с этим представителем церкви... я в общем-то не откажусь (Инф. 11)
Неопределенность	Почему бы нет?.. Гипотетически я могу предположить (Инф. 3) Да, в принципе да, но не знаю, насколько это будет успешный союз (Инф. 19)
Отстраненность	Мне это не очень интересно (Инф. 14)

Некоторые респонденты проявляют живой интерес и открытость к диалогу, воспринимая потенциальное сотрудничество как ценный и перспективный опыт. Другие выражают готовность лишь при условии инициативы со стороны клиента, например, если клиент сам попросит о вовлечении священника. Третья группа занимает осторожную, неопределенную позицию: они не отрицают возможность взаимодействия, но не видят ясных форм его реализации, не уверены в его эффективности или этической корректности. Наконец, часть респондентов демонстрирует отстранённость, они не чувствуют себя вовлечёнными в эту тему, не видят своей роли в потенциальном сотрудничестве и не могут представить, каким образом могли бы в нём участвовать. Подобное разнообразие позиций свидетельствует о сложности формирования единой и чётко артикулированной готовности к сотрудничеству между психологами и священнослужителями.

В целом можно констатировать, что среди респондентов, не имеющих опыта сотрудничества со священниками, отсутствует осознанный и сформулированный запрос на развитие межпрофессионального взаимодействия. Это подтверждается и отсутствием чёткого целеполагания в отношении потенциальных контактов с представителями духовенства, что является одним из ключевых препятствий на пути к реальному

сотрудничеству. Вместо профессиональных целей в высказываниях доминируют личностные мотивы: «Как бы пообщаться с человеком представителем какой то другой культуры, конфессии это всегда интересно, то есть я вряд ли буду соглашаться, но если этот человек не будет меня пытаться куда то втянуть, я не буду никак конфронтировать, мне интересно будет послушать, почему его туда привело, мне интересно, мне скорее будет священнослужитель как человек интересен, почему вообще он этим занимается с точки зрения моего собственного исследования. Поэтому не вижу в этом никакой проблемы, я не радикален в отношении религии» (Инф. 12). Такой подход сводит потенциальное сотрудничество к эмоционально-познавательному любопытству, а не к целенаправленной профессиональной практике.

Иную картину демонстрируют специалисты, уже имеющие опыт сотрудничества со священниками. Эти респонденты четко обозначают его цели. В процессе анализа их ответов сначала были выделены первичные коды, впоследствии сгруппированные в две обобщающие категории: просветительская деятельность и практическая помощь (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Целевые направления сотрудничества психологов и священников на основе анализа практик

Открытый код	Обобщающий код
Распространение психологического знания среди служителей церкви	Повышение грамотности в вопросах психического здоровья
Распространение психологического знания среди прихожан церкви	Оказание психологической помощи клиенту
Обмен мнениями о проблеме пациента	
Обмен мнениями о путях помощи пациенту	
Помощь прихожанам в вопросах возрастной психологии	
Оказание психологической помощи клиентам с учетом религиозной составляющей их мировоззрения	

Просветительскую деятельность в церковной среде ведет ограниченное число специалистов. Инициатором обычно выступает религиозная организация, при этом все участвующие в такой работе психологи являются верующими и имеют личные знакомства среди священнослужителей, что и способствует поступлению запросов. Направленность просветительских лекций варьируется в зависимости от аудитории: они адресованы либо служителям церкви (включая волонтёров), либо прихожанам. Как пояснили респонденты, для волонтёров цель заключается в обучении практическим навыкам: «я помогала волонтерам в церкви, читала у них курсы как раз по психиатрии, как работать с людьми» (Инф. 17). Для прихожан же задача состоит в снижении стигматизации психологической помощи: «я семинары проводила, чтобы люди психотерапии не боялись, что она никак не вредит их вероисповеданию» (Инф. 17).

В рамках практической помогающей деятельности основной целью называется проведение терапии с учётом религиозного компонента мировоззрения клиента. Психологи, имеющие опыт взаимодействия со священниками, подчёркивают

необходимость учитывать мировоззренческие установки верующего клиента, чтобы повысить эффективность терапии, избежать конфликтов с системой духовных ценностей, минимизировать риск дестабилизации веры или разрыва отношений с церковью.

В этом контексте выделяются два основных механизма взаимодействия:

1. Референция со стороны священника, когда религиозный наставник, выявив у человека признаки психологических трудностей, рекомендует обращение к конкретному психологу: «Священники обнаруживали у людей симптомы и направляли их ко мне – безопасно, чтобы я не настроила их против церкви» (Инф. 17). Здесь психолог воспринимается как доверенный союзник, чья работа не противоречит, а поддерживает духовное окормление.

2. Самостоятельное обращение клиента с последующим согласованием, когда человек сам выбирает психолога, но затем возвращается обратно к священнику для обсуждения терапевтического процесса: «Ко мне приходили люди, которых направляли священники. После сессий они возвращались к нему, рассказывали, что мы обсуждали. И священник говорил: „Это хороший психолог – иди к нему дальше“» (Инф. 13). Такой цикл «психолог → священник → психолог» демонстрирует формирование доверительного треугольника – клиента, психолога и священника, в рамках которого терапия становится не изолированным процессом, а частью целостной системы поддержки.

Можно предположить, что просветительская деятельность выступает как входной механизм, формирующий позитивное отношение к психотерапии в церковной среде, тогда как практическое сотрудничество – как реализация доверия и взаимной компетентности. Оба направления, хотя и различаются по масштабу и глубине, демонстрируют, что эффективное взаимодействие возможно только при наличии личных связей, общих ценностей и чёткого понимания профессиональных границ.

Таким образом, сотрудничество психологов со священнослужителями, как правило, ограничивается применением психологами собственных профессиональных компетенций, а не стремлением к их расширению или углублению за счёт религиозного знания. Практически не зафиксировано ни одного инициативного запроса на междисциплинарное обучение – то есть на получение от священников понимания религиозных концепций, лежащих в основе духовного опыта человека: учений о душе, природе греха и покаяния, богословских истолкований заповедей, а также фундаментальных человеческих потребностей, осмысленных в религиозных традициях на протяжении веков. Признание ценности религиозного знания у респондентов имеет место, но выражается исключительно на интеллектуально-рефлексивном уровне. Так, один из участников отмечает: «они довольно интересны, они помогают понять некие особые, не вполне сознательные потребности человека, которые представители религиозной конфессии, они с ними на основании вот этих древних священных текстов давно разобрались, к ним выработана целенаправленная система, как справляться с теми или иными человеческими трудностями» (Инф. 11).

Однако ни один из респондентов не предпринял попытки перевести это признание в практическую плоскость – не инициировал контакты со священнослужителями, не запрашивал консультаций, не предлагал совместные образовательные форматы. Единственными проявлениями такого интереса стали четыре гипотетических высказывания вида: («было бы интересно...», «было бы полезно...»).

Обсуждение результатов

Наблюдается системный диссонанс: с одной стороны, психологи признают религиозную традицию как источник глубокого понимания человеческой природы, с другой, не включают её в свою профессиональную компетентность, не видят в ней объект для обучения, развития или интеграции. Религиозная компетентность, таким образом, остаётся наблюдаемой, но не усваиваемой, как чужая, хотя и уважаемая, система знаний, находящаяся за пределами профессионального поля психолога.

Здесь можно предположить, что отсутствие инициативы со стороны психологов к расширению профессиональных компетенций в религиозной сфере (как имеющих, так и не имеющих опыт сотрудничества), а также к самому сотрудничеству среди тех, кто такого опыта не имеет, обусловлено по крайней мере совокупностью трёх взаимосвязанных факторов.

Во-первых, значительные различия в методологических парадигмах психологов и священников воспринимаются как фундаментальное, непреодолимое расхождение, не поддающееся простому заимствованию или адаптации. Это не просто разница в техниках, а различие в онтологических и эпистемологических основаниях. «Различия – это методы. Психотерапевтических методов – великое множество. А религия – это существование какой-либо парадигмы» (Инф. 7). В этой формулировке религия позиционируется как целостная система смысла, а психотерапия – как набор технических инструментов. Такое восприятие делает междисциплинарный диалог достаточно сложным, в силу отсутствия общего языка для сотрудничества.

Во-вторых, среди психологов распространена установка на сегрегацию клиентской аудитории. С их точки зрения верующие и неверующие обращаются к разным специалистам, что снижает мотивацию к интеграции. «И я думаю, что ко мне пойдут люди, разочарованные в этом институте, в религии. Они будут что-то искать. Пока они не разочарованы они будут там. Они редко ходят» (Инф. 9); «наверное, здесь все-таки есть такая малопроницаемая граница между людьми, которые вот прям точно принадлежат к каким-то религиозным сообществам и светским, что ли» (Инф. 19). Таким образом, сама структура клиентской идентичности становится барьером для сотрудничества.

В-третьих, большинство респондентов оценивают современную российскую религиозность как поверхностную, декларативную или даже магическую, а не глубоко укоренённую в мировоззрении: «Я очень невысоко оцениваю религиозность современного человека, из того, что я знаю. Опять же здесь все распадается на несколько слоев. Есть некий внешний уровень, где люди усваивают и демонстрируют исполнение некоторых ритуалов... Есть люди, которые активно используют религию в прикладном плане, то есть, как магию. Что-то выпросить у бога, что-то ему посвятить, установить некие привилегированные отношения с богом. Это не религиозное, а сугубо магическое отношение» (Инф. 20), или: «ну, скорее низко религиозны. Вообще я думаю, что современное общество с симулякрами Бодрийяра, в принципе, имеет основную проблему веры» (Инф. 21). Такое восприятие религии как символического, а не духовного феномена приводит к тому, что профессиональная мотивация к освоению религиозных знаний исчезает, так как клиенты сами не воспринимают религиозную компетенцию как значимую.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов о состоянии междисциплинарного взаимодействия психологии и религии в профессиональной среде. В профессиональном сообществе психологов существует теоретический консенсус относительно

взаимодополняющего характера психологии и религии, который выстраивается на представлениях о природе духовной жизни человека. Данный консенсус среди ряда специалистов приводит к пониманию потенциальной ценности сотрудничества со священнослужителями для оказания комплексной помощи человеку. Однако, между теоретическим признанием и практической реализацией сотрудничества существует значительный разрыв.

Если говорить о специалистах, не имеющих опыта взаимодействия со священнослужителями, то, не смотря на признание взаимосвязи религии и психологии, их готовность к сотрудничеству является несформированной как профессиональная компетенция. Она существует в виде спектра индивидуальных установок – от любопытства до отстраненности. Ключевой проблемой является непереведенность темы сотрудничества из личностно-эмоционального плана в профессионально-деятельностный. Отсутствие ясных целей, моделей и механизмов взаимодействия, а также подмена профессионального запроса личностным интересом свидетельствуют о том, что сотрудничество не осмыслено как рабочий инструмент, способный повысить эффективность и глубину психологической помощи.

На уровне тех, кто осуществляет практическое сотрудничество, он находит отражение в том, что, с одной стороны, успешные практики сотрудничества существуют и имеют чёткую структуру: они основаны на двух направлениях – просветительской деятельности (повышение психолого-культурной грамотности в церковной среде) и практической терапевтической помощи (с учётом религиозного мировоззрения клиента), что подтверждается конкретными примерами и механизмами (референция, цикл согласования). Эти успешные кейсы доказывают, что преодоление парадигмальных барьеров приводит к созданию эффективных моделей помощи, основанных на взаимном доверии и четком разграничении сфер ответственности.

С другой стороны, выявлена существенная асимметрия этого взаимодействия. Психологи, работая с религиозным контекстом, остаются в рамках своей профессиональной парадигмы. Религиозное знание воспринимается как внешний, «наблюдаемый» ресурс, а не как потенциал для личностного и профессионального роста психолога или психотерапевта. Отсутствие запроса со стороны психологов на углубление собственной религиозной компетентности указывает на сохраняющуюся дистанцию и нереализованный потенциал для диалогических отношений. Описанные выше формы сотрудничества сегодня существует скорее как «технологический альянс», нежели как «смысловой синтез». Его дальнейшая эволюция зависит от готовности психологического сообщества сделать следующий шаг: перейти от применения своих инструментов в религиозной среде к открытости для обогащения собственной профессии многовековым опытом постижения человеческой души, накопленным в религиозных традициях.

Подобное положение дел можно объяснить как минимум тремя факторами: парадигмальная непереводимость, сегрегация аудиторий и деградация религиозности как социального феномена, которые формируют устойчивый системный барьер, препятствующий не только сотрудничеству, но и даже предварительному обучению в области религиозной компетентности. В результате религиозная компетентность остается в поле «интересного, но необязательного», а не становится частью профессиональной компетенции.

Заключение

Опираясь на опыт отечественной и зарубежной психологической и психотерапевтической практики, можно говорить о том, что новые помогающие ресурсы (в частности, религиозного характера) появляются тогда, кто профессиональное сообщество обращается к поиску взаимопонимания и у него сформирована готовность к выходу за границы собственной профессиональной парадигмы, что выступает позитивной трансформацией для религиозных клиентов и пациентов.

Мы полагаем, что перспективы развития сотрудничества для тех специалистов, которые еще не вошли в это практическое поле, но испытывают к нему интерес, лежат не в плоскости дальнейшего теоретического обоснования его необходимости, а в целенаправленной работе по созданию условий и возможностей для данной практики. Это может включать в себя разработку конкретных моделей и форматов взаимодействия: включение модулей по религиозной компетентности в программы постдипломного образования психологов, создание междисциплинарных супервизий, разработка этических руководств для совместной работы и формирование платформ для диалога между церковью и психологическим сообществом.

Также нам представляется, что со стороны церкви должна быть проявлена аналогичная инициатива, так как сотрудничество предполагает наличие встречных векторов взаимодействия.

Приложение

Информанты

Информанты	Пол	Специальность	Методологическая традиция	Стаж
Инф. 1	мужской	психолог	коммуникативный подход, интегративная, системная психотерапия	24 года
Инф. 2	женский	психолог	эклектичный подход, в том числе телесно-ориентированная терапия и когнитивно-поведенческая терапия	19 лет
Инф. 3	женский	психолог	психоаналитическое направление, телесно-ориентированная терапия, арт-терапия, аналитическая терапия	15 лет
Инф. 4	женский	психолог	психоаналитическое направление	22 года
Инф. 5	женский	психолог	когнитивно-поведенческое направление, гештальт-психология, экзистенциальная терапия	2 года
Инф. 6	мужской	психолог, психотерапевт	психоаналитическое направление	26 лет
Инф. 7	мужской	психолог, психотерапевт	психоаналитическое направление	11 лет
Инф. 8	женский	психотерапевт	эклектичный подход, в том числе когнитивно-поведенческая терапия,	20 лет

			системная терапия, семейная терапия	
Инф. 9	женский	психолог	психоаналитическое направление	16 лет
Инф. 10	женский	психотерапевт	естественно-научное направление, культурно- историческая школа	25 лет
Инф. 11	мужской	психотерапевт	психоаналитическое направление	12 лет
Инф. 12	мужской	психолог	схема-терапия, когнитивно- поведенческая терапия	4 года
Инф. 13	женский	психолог	нейропсихология, деятельностный подход	8 лет
Инф. 14	мужской	психолог	когнитивно-поведенческая терапия	25 лет
Инф. 15	мужской	психолог	экзистенциальная терапия, логотерапия	11 лет
Инф. 16	женский	психолог	психоаналитическое направление	19 лет
Инф. 17	женский	психотерапевт	интегративный подход, психоаналитическое направление	11 лет
Инф. 18	мужской	психотерапевт	личностно-ориентированный подход, психоаналитическое направление	18 лет.
Инф. 19	женский	психолог	системный подход, семейная психология	34 года
Инф. 20	мужской	психотерапевт	коммуникативная парадигма	30 лет
Инф. 21	женский	психолог	психоаналитическое направление	25 лет
Инф. 22	женский	психолог	когнитивно-поведенческая терапия	22 года

Библиография

1. Бобык О.А. Оценка влияния религиозности на психическое здоровье // Медицина. 2024. № 1. С. 118-125. doi: 10.29234/2308-9113-2024-12-1-118-125. EDN: ZYTKRU.
2. Брагина М.С. Православный психолог на приходе // Церковь и медицина. 2021. № 1 (20). С. 132-136. EDN: DQGUTF.
3. Грязнова Е.В., Гончарук А.Г. К вопросу о самоопределении православной психологии // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. № 1 (30). С. 344-346. С. 345. DOI: 10.26140/anip-2020-0901-0084. EDN: WYGVUM.
4. Савенко Ю.С. Введение в психиатрию. Критическая психопатология. М.: Логос, 2013. 448 с.
5. Сидоров П.И. Религиозные ресурсы психиатрии и ментальной медицины // Психическое здоровье. 2014. № 12. С. 65-75. EDN: TEYTPX.
6. Фрейд З. Будущее одной иллюзии. М.: АСТ, Астрель, 2011. 251 с. EDN: QYCKHZ.
7. Юнг К.Г. Психология и религия // Юнг К. Г. Архетип и символ. М., 1991. С. 133-134.
8. Allport G.W., Ross J.M. Personal religious orientation and prejudice // Journal of

- Personality and Social Psychology. 1967. Vol. 5, No. 4. P. 432-443.
9. Bobgan M., Bobgan D. Psychoheresy: the psychological seduction of Christianity. San Francisco: East Gate, 1987. 290 p.
10. Breuninger M., Dolan S.L., Padilla J.I., Stanford M.S. Psychologists and Clergy Working Together: A Collaborative Treatment Approach for Religious Clients // Journal of Spirituality in Mental Health. 2014. 16:3, 149-170, DOI: 10.1080/19349637.2014.925359.
11. Koenig H.G., McCullough M.E., Larson D.B. Handbook of Religion and Health. New York: Oxford University Press, 2001. 712 p.
12. McMinn M.R., Chaddock T.P., Edwards L.S., Lim B.R., Campbell C.D. Psychologists collaborating with clergy: Survey findings and implications // Journal of Psychology and Christianity. 1998, Vol. 17, No. 4. P. 321-332.
13. Milstein G., Middel D., Espinosa A. Consumers, clergy, and clinicians in collaboration: Ongoing implementation and evaluation of a mental wellness program // American Journal of Psychiatric Rehabilitation. 2017. № 20:1. P. 34-61, DOI: 10.1080/15487768.2016.1267052.
14. Pargament K.I. The Psychology of Religion and Coping. New York: Guilford Press, 1997. 548 p.
15. Richardson J.T. Religiosity as deviance: negative religious bias and misuse of the DSM-III // Deviant Behavior. 1993. No. 14 (1). P. 1-21.
16. Rudolfsson L., Milstein G. Clergy and mental health clinician collaboration in Sweden: Pilot Survey of COPE // Mental Health, Religion & Culture. 2019. № 22 (1). P. 1-14. DOI: 10.1080/13674676.2019.1666095.
17. Smith T.B., McCullough M.E., Poll J. Religiousness and depression: evidence for a main effect and the moderating influence of stressful life events // Psychological Bulletin. 2003. Vol. 129. No 4. P. 614-636. EDN: GZRAQF.
18. Weaver A.J., Samford J.A., Larson D.B. et al. A systematic review of research on religion in four major psychiatric journals: 1991–1995 // The Journal of Nervous and Mental Disease. 1998. No. 186. P. 187-190.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора

Психолог*Правильная ссылка на статью:*

Трубицына Л.В., Трубицын А.В. Гендерные особенности принятия решений в условиях риска и неопределенности // Психолог. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-8701.2025.5.74036 EDN: BBAEUU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74036

Гендерные особенности принятия решений в условиях риска и неопределенности

Трубицына Людмила Валентиновна

ORCID: 0000-0003-0479-1148

кандидат психологических наук

доцент; институт клинической психологии и социальной работы; Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова» Министерства здравоохранения Российской Федерации

129344, Россия, г. Москва, ул. Островитянова, 1, каб. 1128

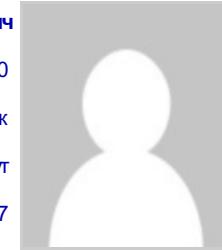
[✉ trubitsyna.lyudmila2015@yandex.ru](mailto:trubitsyna.lyudmila2015@yandex.ru)**Трубицын Андрей Валентинович**

ORCID: 0000-0002-6849-6490

кандидат экономических наук

доцент; кафедра экономики и менеджмента; Московский социально-экономический институт

123592, Россия, г. Москва, Строгинский б-р, д. 7, к. 1, кв. 317

[✉ atrubits2013@yandex.ru](mailto:atrubits2013@yandex.ru)[Статья из рубрики "Горизонты психологии"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8701.2025.5.74036

EDN:

BBAEUU

Дата направления статьи в редакцию:

09-04-2025

Аннотация: В статье представлены результаты исследования специфики гендерных особенностей воздействия эмоциональной составляющей на процесс выработки и принятия решений и роли гендерных особенностей субъективных оценок риска в ходе

принятия решений. В современной научной литературе достаточно большое внимание уделялось вопросам гендерных различий в стиле руководства и в принятии управлеченческих решений, однако проблема рационального объяснения мужчинами и женщинами выбора в условиях риска в разных ситуациях остается почти не изученной. Одним из шагов в направлении постепенной ликвидации этих пробелов являются авторские эксперименты, описанные в статье. Были проведены два эксперимента: в первом эксперименте проверялась гипотеза о разной степени рациональности и эмоциональности как основы для принятия решений мужчинами и женщинами, во втором – гипотеза о различии между мужчинами и женщинами в принятии решений в условиях риска в разных ситуациях. Основным методом исследования являлся эксперимент. Анализ данных, полученных в результате экспериментальной проверки выдвинутых авторами гипотез, осуществлялся с помощью методов математической статистики. Были использованы критерий ф-Фишера (угловое преобразование Фишера) и критерий V-Крамера. Представленные в статье результаты авторских экспериментальных исследований вносят вклад в развитие представлений о гендерных особенностях принятия решений в условиях риска и неопределенности. По результатам проведенных экспериментов, направленных на исследование особенностей принятия решений мужчинами и женщинами, можно сделать следующие выводы: эмоциональность и рациональность принятия решений у мужчин и женщин примерно одинакова, достоверных различий эмоциональных и рациональных объяснений у мужчин и женщин также не обнаружено. Выбор мужчин и женщин зависит от типа задач, причем различия в принятии решений мужчинами и женщинами обнаруживаются только в некоторых ситуациях. Мужчины в оценке своих шансов на выигрыш чаще опираются на объективную вероятность, данную в условиях задачи, а женщины чаще опираются на субъективные представления о риске.

Ключевые слова:

решения при риске, решения при неопределенности, принятия решений мужчинами, принятие решений женщинами, рациональное принятие решений, эмоциональное принятие решений, объективная вероятность, субъективная вероятность, субъективная оценка риска, шансы на выигрыш

Субъективные вероятности — это наши личные оценки возможности осуществления тех или иных событий. Термин субъективной вероятности был введен для отличия наших оценок от объективной вероятности события, под которой понимают суждение о вероятности, рассчитанное математическим путем на основе известных данных о частоте его появления [1; 2]. Психологами, исследовавшими субъективные вероятности, было обнаружено, что человеческие суждения часто бывают ошибочными, но, тем не менее, люди руководствуются ими при принятии решений во многих ситуациях, не следуя принципам теории вероятности в оценке вероятности неопределенных событий. Людям ежедневно приходится принимать жизненно важные решения в условиях неопределенности, полагаясь на субъективную вероятность успеха или неудачи. Появился риск заразиться опасным вирусом, усугубился риск потерять имущество или бизнес, потерять работу или стать жертвой мошенничества — все эти факторы во многом зависят от принятого нами решения [3]. Именно поэтому необходимо знать, что влияет на наш выбор, в частности, какую роль занимает субъективная вероятность события в принимаемых нами решениях [4; 5; 6].

Развитие теории субъективной вероятности берет свое начало с теоремы Томаса Байеса (1701 – 1761г.) — метода подсчета обоснованности гипотез на основе имеющихся доказательств [7; 8; 9]. Идеи Байеса развивал французский математик и физик Пьер-Симон Лаплас в 1812 году. Позднее, в 1926 году Фрэнком Пламptonом Рамсеем впервые было сформулировано само понятие субъективной вероятности. По мнению Рамсея, действия людей по большей части предопределены тем, в чем они убеждены, и тем, чего они желают. Интенсивность человеческих убеждений измеряется субъективной вероятностью, которую люди приписывают событиям. К примеру, когда человек говорит, что будет дождь, он, по крайней мере отчасти, подразумевает, что сильнее убежден в том, что дождь будет, нежели в том, что его не будет. Однако то, что человек делает в результате этого убеждения, также зависит от того, что он хочет, т.е. от «субъективной полезности» [10; 11]. Субъективная полезность измеряется интенсивностью желания людей, так же как субъективная вероятность измеряется субъективностью убеждений. Проблема состояла в том, как разделить эти два компонента причин человеческих действий.

Однако, только после публикаций книги Джона фон Неймана и Оскара Моргенштерна «Теория игр и экономическое поведение» в 1944 году, теория полезности была понята и принята. Опираясь на работы Ф.П. Рамсея, Леонард Сэвидж представил субъективизм серьезной статистической теорией, опубликовав книгу «Основания статистики» в 1954 году [12].

В экономической науке (и в менеджменте) едва ли не важнейшим направлением исследования выбора с привлечением идей субъективной вероятности стало развитие подходов «ожидаемой полезности».

При рассмотрении исторического развития подходов к ожидаемой полезности можно выделить 9 вариантов «ожидаемой полезности»:

1. Ожидаемая денежная полезность (ценность): $\sum p_i x_i$;
2. Ожидаемая полезность по Бернулли (1738): $\sum p_i v(x_i)$;
- 3.) Ожидаемая полезность по фон Нейману - Моргенштерну (1947): $\sum p_i u(x_i)$;
4. Теория определенной эквивалентности $\sum f(p_i)x_i$;
5. Субъективная ожидаемая полезность: $\sum f(p_i)v(x_i)$;
6. Субъективная ожидаемая полезность: $\sum f(p_i)u(x_i)$;
7. Взвешенная денежная полезность (ценность): $\sum w(p_i)x_i$;
8. Проспективная теория: $\sum w(p_i)v(x_i)$;
9. Субъективная взвешенная полезность: $\sum w(p_i)u(x_i)$,

В приведенных формулах x_i — вектор результатов (доходов); p_i — вероятности наступления соответствующих (x_i) результатов, объективные; $v(x)$ — функция полезности, сконструированная для ситуационной определенности; $u(x)$ — функция полезности, сконструированная для лотерей; $f(p)$ — субъективные вероятности; $w(p)$ — по Канеману-Тверскому веса решений, которые не являются вероятностями. Они не подчиняются

аксиомам вероятности, их не следует интерпретировать как измерения уровней уверенности (мнений). В проспективной теории веса решений нацелены на отражение влияния исходов событий на общую привлекательность игр [13].

Началом внедрения психологических задач в теорию принятия решений можно считать работы Г. Саймона [14; 15]. Изучение практики принятия решений в организациях привело Г. Саймона к осознанию «не идеальности» решений индивида в ситуации выбора (отсутствие опоры на, казалось бы, обязательные к использованию объективные ориентиры и разработанные формулы) и введению понятия «ограниченная рациональность»: индивид в силу ограниченности внимания, информированности и мышления очень часто идет к облегчению ситуации и недооценивает факторы, которые могут оказаться определяющими впоследствии. Г. Саймон вывел цели, возможности и ресурсы принятий решений из сферы экономической рациональности и идеальных моделей в сферу реальных субъектных индивидуальных представлений, чем создал благодатную почву для последующих исследований.

Работы экономиста Джейкоба Маршака [16]. явились важным связующим звеном между формальными разработками Джона фон Неймана и Оскара Моргенштерна и экспериментальными работами психологов По-видимому, самый первый эксперимент по проверке гипотезы ожидаемой полезности был проведен Мостеллером и Ноджи.

В 60-е годы XX столетия когнитивная психология подходила к секретам мозга, воспринимая его как устройство с целью обрабатывания информации, в отличие от подхода бихевиоризма. Психологи-когнитивисты отрицали, что процедуры выбора можно описать однозначно, ибо на ответ влияет, например, формулировка вопроса.

Важный вклад в развитие теории субъективной вероятности внесли израильские психологи Амос Тверски и Даниель Канеман, опубликовав в 1974 году статью «Принятие решений в условиях неопределенности: правила и предубеждения». За много лет исследований, которые Д. Канеман проводил с коллегами, учёные выяснили и экспериментально обосновали, что чаще всего люди полагаются на ограниченное число эвристических принципов, которые упрощают сложные оценки вероятностей и прогнозирование значений величин до более простых (поверхностных) операций суждения. В большинстве случаев эти эвристики довольно полезны, но иногда они приводят к серьезным и систематическим ошибкам. [17; 18].

Из исследований немецких авторов наиболее известна модель Г. Гигеренцера [19]. Он пересматривает те закономерности, что описывают А. Тверски и Д. Канеман, с точки зрения осмыслиения механизмов «влияния склада ума» на принятие индивидом решений. Гигеренцер, как и создатели «теории перспектив», полагает, что при принятии решений индивид уменьшает уровень неопределенности в той или иной ситуации. Однако, связывает это снижение не с функционированием когнитивной эвристики, а с механизмом переключения модулей, которые задаются при распознавании обстановки принятия решений.

Важнейшей проблемой субъективного конструирования личного выбора и отношения к нему личности Б. Шварц считает то, что излишнее множество вариантов выбора может быть обескураживающим и, в результате, не давать эмоционального вознаграждения за усилия по выбору. Кроме того, изобилие выбора лишает нас возможности решать самостоятельно. В качестве путей разрешения этой проблемы Шварц называет добровольное ограничение своей свободы выбора, поиск «достаточно хороших»

вариантов вместо «наилучших», уменьшение ожидания в отношении результата выбора, отношение к принятому решению как к окончательному, большую самостоятельность при выборе (без ориентации на решение других людей) [\[20\]](#).

В психологии проблема выбора особенно актуальна в наши дни. Огромный поток информации ставит человека перед многочисленными альтернативами, в которых можно определиться, лишь имея четко сформулированную ценностную систему, научное мировоззрение, понимание возможных последствий осуществляемого выбора [\[6; 21\]](#).

Психологическая наука известен ряд концепций выбора [\[4; 22; 23\]](#). Так, Д. А. Леонтьев и Н. В. Пилипко [\[24\]](#) приводят классификацию видов выбора, соотнеся виды выбора с существующими теоретическими моделями выбора. Психологически развернутую концепцию выбора рассматривает Ф.Е. Василюк в теории жизненных миров. По Ф. Е. Василюку, выбор — это действие субъекта, при котором он отдает предпочтение одной альтернативе перед другой (другими) на определенном основании [\[25\]](#).

Среди моделей принятия решений, предложенный отечественными психологами, особого внимания заслуживают работы А. В. Карпова [\[26; 27\]](#). Он критикует западные традиции исследования принятия решений за их излишнюю склонность к лабораторным экспериментам, слабо, а порой и просто в искаженной форме воссоздающими реальную сложность поведенческих решений. (Заметим: еще Б. Ф. Ломов отмечал, что «принятие решений, рассматриваемое на психологическом уровне, не является каким-то изолированным процессом. Она включена в контекст реальной человеческой деятельности» [\[28, с. 17\]](#)). А. В. Карпов ставит под сомнение обоснованность такого подхода и определяет свое видение исследования процессов от стандартно-лабораторного эксперимента через методы «естественного моделирования» и «имитационных задач» к исследованию процессов принятия решения в психологическом анализе деятельности [\[27\]](#). Он склонен к выделению жестких структур регулирования принятия решения, которые связаны с профессиональной деятельностью субъекта. В его концепции интегрирующий механизм — это система метакогнитивной регуляции, степень развития которой соотносится с общим интеллектом.

Метод А. В. Карпова с его достоинствами и преимуществами, тем не менее, на практике становится сложным для применения к каждой ситуации и создает затрудняющие условия для моделирования процессов принятия решений.

Д. А. Леонтьев, в свою очередь, понимает индивидуально-личностный выбор как «разрешение неопределенности в деятельности человека в условиях множественности альтернатив». Д.А. Леонтьев ставит проблему выбора в контексте возможного, а не должного, полагая реализацию человеком свободных и ответственных выборов в основу конструирования им вариантов личного будущего. [\[29\]](#). Основываясь на деятельностном подходе, Д. А. Леонтьев и Н. В. Пилипко (1995) рассмотрели выбор как «не одномоментный акт, а развернутый во времени процесс, имеющий сложную структуру» [\[24, с.99\]](#).

Необходимо подчеркнуть, что в основе этих работ — традиции деятельностного подхода к регуляции поведения и выбора, в частности. Отметим впервые введенное Л. С. Выготским понятие динамической смысловой системы (ДСС). В трудах А. Н. Леонтьева мышление рассматривается как деятельность, имеющая «аффективную регуляцию, непосредственно выражющую ее пристрастность» [\[30, с. 21\]](#). Проблемы смысловой

регуляции мышления хорошо проработаны в отечественной психологии (теория смысловой регуляции О. К. Тихомирова) [31]. В контексте развития этих идей возникает представление о принятии решения как о интеллектуально и личностно опосредованном выборе, каждый этап подготовки которого сопровождается изменением иерархии системы регуляции, причем эти изменения являются проявлением произвольной саморегуляции субъекта [32; 33; 34].

Успешные решения в достаточно простых причинно-следственных ситуациях зависят в основном от опыта субъекта, его личностных устойчивых качеств. В сложных ситуациях выбора требуется специальная деятельность по выявлению причин и следствий, поиск, креативный подход при подготовке принятия решения. Выбор в большинстве своем зависит от личностных оценок субъектом ситуации и культуры ценностей, сложившихся исходя из жизненного опыта субъекта [35; 36; 37].

Таким образом, исследования показывают, что появление или исчезновение ошибок в рассуждениях и принятии решения зависит от воспринимаемого социального и экологического контекста задачи. Следовательно, психологические механизмы выбора и принятия решения не носят всеобщего характера, а зависят от содержания задачи и контекста ее решения [17; 22; 38].

По мнению С. Л. Рубинштейна, в слове существует тесная внутренняя связь между его чувственной и смысловой, семантической стороной [39]. Все большее место в последнее время начинают занимать исследования иррационального принятия решений. Особый интерес в этом направлении представляют работы Дэна Ариели, который рассматривает разнообразные и часто весьма неожиданные связи иррационально выбора и субъективных вероятностных оценок [40; 41].

В любой профессиональной деятельности существуют гендерные различия между мужчинами и женщинами, которые проявляются, в том числе, и в ситуации выбора, принятия разумных и взвешенных решений. В современной научной литературе достаточно большое внимание уделялось вопросам гендерных различий в стиле руководства, в принятии управленческих решений [42; 43; 44], однако проблема рационального объяснения мужчинами и женщинами аффективного и продуманного выбора в условиях риска в разных ситуациях остается почти не изученной.

Одним из наиболее дискутируемых вопросов являются гендерные различия в менеджменте. Согласно С. Кесслер и В. Мак-Кенна понятие «гендер» (социальный пол, от англ. gender — род) подчеркивает, что поведение и качества мужчин и женщин конструируются и определяются социально [45]. Известны две основные позиции в западной литературе по этому вопросу. Одни исследователи убеждены в существовании особого, присущего только женщинам способа принятия решений в экономике и политике, стиля управления, ценностей предпринимательства, другие отрицают такую специфику [46]. Ж. А. Ширинбекова, А. С. Кошан, А. Ш. Насирова считают, что «идея личностных качеств мужчин и женщин разрабатывалась на протяжении веков» [47, с. 57]. С давних времен считается, что принятие решений — это роль мужчины, в то время как роль женщины в исполнении и управлении (домашним хозяйством, детьми, бытом), но ведь эти области не исключают процесса принятия решений. По мнению О. Г. Лопуховой, «в поисках решения женщины предлагают больше возможностей, их поведение более сложное и разнообразное» [48, с. 59].

Д. Роузнер в своих трудах, обсуждая проблему принятия решений женщинами, отмечает, что долгое время залогом успеха их деятельности, был мужской стиль, а именно, преобладали напористость, жесткость, эгоизм. Однако, как считает автор, исследования данной проблемы, показывают, что вопреки данному мнению, женщины часто добиваются успеха за счет следующих факторов:

- активное взаимодействие с подчиненными;
- поддержание в сотрудниках самоуважения;
- поддержка сотрудников в стрессовых ситуациях [\[49\]](#).

М. Хеннинг и А. Жарден, в своих исследованиях выделили ряд особенностей, которые указывают на гендерное различие в стилях управления и принятия управленческих решений между мужчинами и женщинами:

- разделение личных и карьерных целей. В данном случае разделение целей присуще женщинам, они ставят четкие границы между карьерой и личным;
- отношение к риску. В данном случае исследователями было выявлено, что у мужчин, в отличие от женщин, нет единого отношения к риску, так как одни считают его балансом между потерями и успехом, другие мужчины-руководители относятся к риску негативно. Женщины-руководители считают, что риск — неоправданное средство достижения целей [\[50\]](#).

В основном все российские исследования гендерных различий проводились на основе опросника В. В. Кочетковой и И. Г. Скотниковой, созданного в 1993 году [\[51\]](#).

Проведенные И. В. Грошевым экспериментальные исследования позволили выявить ряд гендерных различий в стиле управления и принятия решений. Так, мужчины оказались более склонны к принятию импульсивных решений и решений, связанных с риском, у женщин такой прямой связи не обнаружено, женщины продемонстрировали склонность к принятию более уравновешенных и осторожных решений [\[52; 53\]](#).

После проведение дополнительного исследование И. В. Грошевым совместно с Т.А. Загузовой в 2006 году была выявлена прямая зависимость изменения у мужчин-руководителей локус контроля с увеличением возраста от внешнего к внутреннему, а у женщин-руководителей такой тенденции не обнаружено [\[52\]](#).

При этом, как показало исследование А. Е. Чириковой, только 29% женщин-менеджеров относят себя к людям рационального типа, а оставшаяся, большая часть, опрошенных женщин-менеджеров настаивают на эффективности иррационального и интуитивного типа мышления и принятия решений [\[54\]](#). Данные, полученные А. Е. Чириковой, находят подтверждение в исследовании Я.А. Меерсона, показавшего, что мужской стиль решения интеллектуальных задач характеризуется тенденцией выделять один, наиболее значимый с их точки зрения фактор и игнорировать остальные условия задачи. Женщины же включают в рассмотрение как можно больше исходных данных, не разделяя их на более или менее значимые [\[55\]](#).

На процесс принятия решения существенное влияние оказывают как внешние, так и внутренние факторы. К внешним можно отнести те ситуации и обстоятельства, которые возникают уже в процессе принятия решений. К внутренним факторам как раз можно отнести эмоциональность и остальные личностные факторы.

Процесс принятия решений часто сам по себе является эмоциональным, как отмечает М. Зееленберг. С. Брёйгельман и М. Зееленберг провели ряд исследований для выявления связи определенных эмоций и конкретных типов поведения. Свой подход авторы называют «чувство для действия», где эмоции рассматриваются в качестве мотивационных процессов. Результаты этих исследований позволили им сделать следующие выводы: эмоции мотивируют поведение; разные эмоции обладают разным воздействием; понимание содержания эмоций позволит предсказывать их конкретное воздействие на принятие решений [56]. Часто выбор решения выступает как адекватный ответ на ту эмоцию, которая была изначально. Эмоциональность может играть как положительную, так и отрицательную роль в процессе принятия решений. В одном случае эмоции мотивируют поведение; в другом наоборот, могут выступить в качестве отрицательного катализатора в процессе принятия решений.

Проблемам принятия необдуманных решений посвящены многочисленные исследовательские работы, выполненные в последние годы экономистами, психологами и нейробиологами. Дальнейшие исследования могли бы быть ориентированы на изучение особенностей влияния эмоций на процессы принятия решений с точки зрения их оптимизации и компенсации ошибок [57].

Людям ежедневно приходится принимать жизненно важные решения в условиях неопределенности, полагаясь на субъективную вероятность успеха или неудачи. Появился риск заразиться опасным вирусом, усугубился риск потерять имущество или бизнес, потерять работу или стать жертвой мошенничества — все эти факторы во многом зависят от принятого нами решения. Вместе с тем, в любой профессиональной деятельности существуют гендерные различия между мужчинами и женщинами, которые проявляются, в том числе, и в ситуации выбора, принятия разумных и взвешенных решений. В современной научной литературе достаточно большое внимание уделялось вопросам гендерных различий в стиле руководства, в принятии управленческих решений, однако проблема рационального объяснения мужчинами и женщинами аффективного и продуманного выбора в условиях риска в разных ситуациях остается почти не изученной.

Безусловно, как специфика гендерных особенностей воздействия эмоциональной составляющей на процесс выработки и принятия решений, так и роль гендерных особенностей субъективных оценок риска и неопределенности в ходе принятия решений изучены пока совершенно недостаточно. Нередко в статьях авторские мнения подменяют собой обоснованные экспериментальные результаты. Одним из шагов в направлении постепенной ликвидации этих пробелов являются авторские эксперименты, описанные далее в статье.

Методы исследования

Наше исследование состояло из двух частей, основным методом являлся эксперимент.

В первом эксперименте проверялась **гипотеза о разной степени рациональности и эмоциональности как основы для принятия решений мужчинами и женщинами**. В эксперименте приняло участие 20 девушек и 20 юношей, студенты в возрасте 19-22 лет. Им предлагалось сделать выбор из трех предложенных вариантов. При этом в качестве эмоционального решения рассматривалось решение, принятое сразу без раздумываний, в качестве рационального — решение, сделанное после продумывания вариантов. Это определялось на основании времени принятия решения. Затем предлагалось обосновать решение и отмечалось, к эмоциональным или рациональным аргументам прибегает

испытуемый.

Во втором исследовании принимало участие 50 респондентов, 25 женщин и 25 мужчин в возрасте от 25 до 45 лет. При этом проверялась **гипотеза о различии между мужчинами и женщинами в принятии решений в условиях риска в разных ситуациях**. В ходе исследования испытуемым предъявлялось 12 задач с частично различающимися по каким-то параметрам условиями: различными исходными ситуациями (игра или конкурс на вакансию), различными шансами на успех и различными суммами возможного проигрыша (платы за участие). К каждой задаче прилагался ряд вопросов, при ответе на которые респондентам, проанализировав ситуацию в условиях задачи, необходимо было сказать, согласны ли они принять участие на таких условиях, а также оценить личную вероятность достижения успеха и неудачи.

Фактически, задачи, предложенные респондентам, были четырех типов. Первый тип задач предлагал ситуацию участия в лотерее, выигрыш в которой составлял 1000000 рублей. Второй тип задач — ситуацию участия в конкурсе на вакансию с заработной платой 150000 руб. в месяц. Третий тип задач — ситуацию участия в проекте, где главным призом является должность директора для близкого человека. Четвертый тип задач заключался в ситуации участия в телепередаче «Где логика?», где главный приз составлял 3 млн. рублей.

В условии каждой задачи респонденту была указана «реальная» вероятность выигрыша в данной ситуации (99%, 50%, 10%) — именно эта вероятность была вторым изменяющимся условием, на основе которого, как предполагалось, респонденты и должны были производить оценку ситуации.

Вопросы, следующие за каждым условием, были идентичны, отличались лишь суммы, которые респондентам необходимо было бы заплатить в случае проигрыша в лотерее, участия в конкурсе и т. п. Респондентам необходимо было сделать выбор, готовы ли они принять участие, если для участия (в случае проигрыша или не прохождения конкурса, что далее мы тоже будем называть просто «проигрышем») им придется заплатить 100000, 10000, 5000, 1000 рублей. Кроме того, необходимо было также оценить личную вероятность проигрыша и выигрыша отдельно для каждой суммы проигрыша (при том, что реальная вероятность выигрыша была указана). Дополнительным вариантом был вопрос о решении об участии в лотерее (или конкурсе) при условии, что само предложение насчет данного проекта им сделал бы очень надежный человек.

Анализ результатов первого эксперимента

15 мужчин был сделан эмоциональный выбор, 5 — рациональный, у женщин эмоциональный выбор сделало 12 человек, рациональный — 8 человек. Объяснили свой выбор рационально 12 мужчин, эмоционально — 8 мужчин,. Среди женщин, соответственно, рационально объяснили выбор 11 женщин, эмоционально — 9 женщин.

Для сравнения различий в эмоциональности и рациональности ответов у мужчин и женщин был использован критерий ф-Фишера (угловое преобразование Фишера). Достоверных различий ни в показателях эмоциональности и рациональности ответов у мужчин и женщин, ни в показателях эмоциональности и рациональности объяснения решений у мужчин и женщин не обнаружено. Можно сказать, что уровень эмоциональности и рациональности ответов у мужчин и женщин в нашем исследовании значимо не различался.

Анализ результатов второго эксперимента

Анализ данных с помощью методов математической статистики проводился в программе SPSS. Для выявления значимых различий между мужчинами и женщинами в разных ситуация был использован критерий У Манна-Уитни для независимых переменных. В результате можно сделать следующие выводы.

В ситуации лотереи с вероятностями выигрыша 99% и 50% при всех вариантах платы за участие (100 000 р, 10 000 р, 5000 р, 1000 р) были выявлены значимые различия между мужчинами и женщинами (уровень значимости $p \leq 0,05$). В ситуации лотереи с вероятностью выигрыша 10% и платой 100000 и 10000 участием различия между мужчинами и женщинами значимы (уровень значимости $p \leq 0,05$), в случаях проигрыша 5000 р и 1000 р не было выявлено значимых различий.

В ситуации участия в конкурсе на вакансию по устройстве на работу с вероятностью выигрыша 99% и во всех случаях платы за участие (100 000 р, 10 000 р, 5000 р, 1000 р) были выявлены значимые различия между мужчинами и женщинами (уровень значимости $p \leq 0,05$). При вероятности выигрыша 50% различия между мужчинами и женщинами значимы во всех случаях (уровень значимости $p \leq 0,05$), кроме платы за участие 100000р. При условиях конкурса на вакансию с вероятностью выигрыша 10% во всех случаях платы за участие не было выявлено значимых различий между мужчинами и женщинами.

В ситуации участия в проекте, где главным призом является должность директора для близкого человека, с вероятностью выигрыша 99% и платным отбором за 1000 р не было выявлено значимых различий. В остальных случаях, различия между мужчинами и женщинами значимы (уровень значимости $p \leq 0,05$). При вероятности выигрыша 50% во всех случаях платы за отбор не было выявлено значимых различий между мужчинами и женщинами. При вероятности выигрыша 10% и плате за участие 5000 р не было выявлено значимых различий. В остальных случаях, различия между мужчинами и женщинами значимы (уровень значимости $p \leq 0,05$).

В ситуации участия в телепередаче «Где логика?» с вероятностью выигрыша 99% и плате за участие 1000 р не было выявлено значимых различий. В остальных случаях различия между мужчинами и женщинами значимы (уровень значимости $p \leq 0,05$). При вероятности выигрыша 50% и во всех случаях были выявлены значимые различия между мужчинами и женщинами (уровень значимости $p \leq 0,05$). При вероятности выигрыша 10% во всех случаях не было выявлено значимых различий между мужчинами и женщинами.

Поделив испытуемых на группы людей, оценивающих личную вероятность неуспеха (проигрыша) как большую, меньшую или равную реальной, с помощью критерия U-Крамера были выявлены значимые различия между мужчинами и женщинами в тенденции преувеличивать личную вероятность неудачи. Оказалось, что женщины достоверно чаще, чем мужчины, субъективно преувеличивают личную вероятность своей неудачи (уровень значимости $p \leq 0,01$). Мужчины чаще, чем женщины, при оценке личной вероятности успеха или неуспеха опирались на предложенную в условиях «реальную» вероятность выигрыша.

Заключение

Таким образом, по результатам двух экспериментов, направленных на исследование особенностей принятия решений мужчинами и женщинами, можно сделать следующие выводы:

1. Эмоциональность и рациональность принятия решений у мужчин и женщин примерно одинакова, это было показано с помощью критерия Фишера. Достоверных различий эмоциональных и рациональных объяснений у мужчин и женщин также не обнаружено.

2. Чаще всего значимых различий нет в тех случаях, когда речь идет о маленьких суммах. Это говорит о том, что и мужчины, и женщины готовы рисковать, если на кону будет небольшое количество денег.

3. Выбор мужчин и женщин зависит от типа задач. Разница в принятии решений мужчинами и женщинами касается только некоторых ситуаций, в других же существенных различий не наблюдается.

4. Мужчины в оценке своих шансов на выигрыш гораздо чаще опираются на объективную вероятность, данную в условиях задачи, а женщины чаще опираются на субъективные представления, преувеличивая риск своего проигрыша.

Это может быть связано с профессиональными различиями, которые в исследовании не учитывались. Возможно, мужчины чаще предложенные в письменном виде задачи воспринимали, как задания из учебника. В то же время, возможно, что женщины больше склонны к тому, чтобы задачу в условиях риска рассматривать для себя как задачу в условиях неопределенности, относясь к ней не как к заданию, а как к частице реального мира.

Таким образом, гипотезы исследования подтвердились частично. Были выявлены некоторые особенности между мужчинами и женщинами в принятии решений в условиях неопределенности и риска.

Приложение

Задачи, предлагавшиеся испытуемым

1. Представьте себе, что вам предлагают принять участие в некотором проекте (или лотерее). В случае выигрыша вы получите 1000000 руб. Вероятность выигрыша 99 %. Согласны ли вы принять участие в этом проекте, если:

- а) в случае проигрыша вам придется заплатить 100000 тыс.
- б) в случае проигрыша вам придется заплатить 10 000 тыс.
- в) в случае проигрыша вам придется заплатить 5000 тыс.
- г) в случае проигрыша вам придется заплатить 1000 тыс.

2. То же самое, но вероятность выигрыша 50 %. Согласны ли вы принять участие в этом проекте, если:

- а) в случае проигрыша вам придется заплатить 100000 тыс.
- б) в случае проигрыша вам придется заплатить 10 000 тыс.
- в) в случае проигрыша вам придется заплатить 5000 тыс.
- г) в случае проигрыша вам придется заплатить 1000 тыс.

3. То же самое, но вероятность выигрыша 10 %. Согласны ли вы принять участие в этом

проекте, если:

- а) в случае проигрыша вам придется заплатить 100000 тыс.
- б) в случае проигрыша вам придется заплатить 10 000 тыс.
- в) в случае проигрыша вам придется заплатить 5000 тыс.
- г) в случае проигрыша вам придется заплатить 1000 тыс.

4. Представьте себе, что вам предлагают принять участие в конкурсе на занятие вакансии по вашей специальности с интересной для вас работой с зарплатой 150000 руб. в месяц. Вероятность прохождения по конкурсу 99 %. Однако участие в отборе платное. Согласны ли вы принять участие в этом конкурсе, если за участие вам придется заплатить:

- а) 100000 тыс.
- б) 10 000 тыс.
- в) 5000 тыс.
- г) 1000 тыс.

5. То же самое, но вероятность прохождения по конкурсу 50 %. Согласны ли вы принять участие в этом конкурсе, если за участие вам придется заплатить:

- а) 100000 тыс.
- б) 10 000 тыс.
- в) 5000 тыс.
- г) 1000 тыс.

6. То же самое, но вероятность прохождения по конкурсу 10 %. Согласны ли вы принять участие в этом конкурсе, если за участие вам придется заплатить:

- а) 100000 тыс.
- б) 10 000 тыс.
- в) 5000 тыс.
- г) 1000 тыс.

7. Представьте себе, что вам предлагают участие в проекте. Главный приз – должность директора для вашего близкого человека. Вероятность выигрыша 99%. Однако участие платное. Согласны ли вы принять участие в этом проекте, если за участие вам придется заплатить:

- а) 100000 тыс.
- б) 10 000 тыс.
- в) 5000 тыс.
- г) 1000 тыс.

8. То же, что 7, но вероятность выигрыша 50%. Согласны ли вы принять участие в этом проекте, если за участие вам придется заплатить:

а) 100000 тыс.

б) 10 000 тыс.

в) 5000 тыс.

г) 1000 тыс.

9. То же, что 7, но вероятность выигрыша 10%. Согласны ли вы принять участие в этом проекте, если за участие вам придется заплатить:

а) 100 000 тыс.

б) 10 000 тыс.

в) 5000 тыс.

г) 1000 тыс.

10. Представьте себе, что вам предлагают участие в телепередаче «Где логика?». Главный приз — 3 млн. руб. Вероятность выигрыша 99%. Однако участие платное. Согласны ли вы принять участие в этом проекте, если за участие вам придется заплатить:

а) 100 000 тыс.

б) 10 000 тыс.

в) 5000 тыс.

г) 1000 тыс.

11. То же самое, что 10, но вероятность выигрыша 50%. Согласны ли вы принять участие в этом проекте, если за участие вам придется заплатить:

а) 100 000 тыс.

б) 10 000 тыс.

в) 5000 тыс.

г) 1000 тыс.

12. То же, что 10, но вероятность выигрыша 10%. Согласны ли вы принять участие в этом проекте, если за участие вам придется заплатить:

а) 100 000 тыс.

б) 10 000 тыс.

в) 5000 тыс.

г) 1000 тыс.

Библиография

1. Князькин А. М. Использование теории вероятностей в управленческих решениях // Институты и механизмы инновационного развития: мировой опыт и российская практика. Сборник статей 14-й Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Курск, 2024. С. 213-218. EDN: LQUUCB.
2. Козловская Т. А., Подпovетная Ю. В. Вероятностные методы при принятии решений в условиях риска // Современные тенденции управления, экономики и финансов в эпоху цифровизации. Сборник статей по итогам XIX Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов с международным участием. 2023. С. 453-457. EDN: YXJIE.
3. Кантемирова И. Б. Проблема принятия решения в условиях риска и неопределенности // Социология риска и безопасности: актуальные угрозы и поиск ответов. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2024. С. 59-64. EDN: MPBLUI.
4. Макеева Л. Б. Субъективная вероятность, теория подтверждения и рациональность // Рацио.ru. 2015. № 15. С. 80-96. EDN: VMFQAP.
5. Романчак В. М. Субъективное оценивание вероятности // Информатика. 2018. № 2. С. 74-82.
6. Солнцева Г. Н., Смолян Г. Л. Принятие решений в ситуации неопределенности и риска (психологический аспект) // Труды Института системного анализа Российской академии наук. 2009. Т. 41. С. 266-280. EDN: MWMHAB.
7. Долгов А. И. О применимости формулы Байеса // Вестник Донского государственного технического университета. 2015. Т. 15. № 4 (83). С. 107-115. DOI: 10.12737/16076. EDN: VNTXJT.
8. Трусевич Э. Я. Теорема Байеса в оценке вероятностей // Бизнес, общество и молодежь: идеи преобразований. Материалы VIII Всероссийской студенческой научной конференции. 2019. С. 246-249. EDN: NDDDBK.
9. Малышко М. В. Байесовские модели как основа принятия аналитических решений // Международная конференция по мягким вычислениям и измерениям. 2018. Т. 2. С. 699-702. EDN: YLWVWP.
10. Иванова В. А. Субъективные критерии риска и ожидаемой полезности // Сборник трудов конференции "Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации", Пенза, 15 января 2018 года. Пенза: Наука и Просвещение, 2018. С. 58-60. EDN: QKTWRJ.
11. Трубицын А. В. РЭП: модели и перспективы. Москва: Институт экономики РАН, 2013.
12. Абрамов В. Е., Маслов В. Н., Шаталов И. С., Юкласов К. А. Леонард Джимми Сэвидж и его субъективная теория вероятностей. Часть II. Качественная и количественная субъективная вероятность // Информационные технологии. 2020. Т. 18. № 2. С. 115-130.
13. Трубицын А. В. Теоретические основания экономической рациональности. Москва: МСЭИ, 2012.
14. Simon H. A. The new science of management decision. N.Y., 1960.
15. Simon H. A. Making management decisions the role of intuition and emotion // Intuition in organizations: Leading and managing productively. Newbury Park, CA: SAGE Publications, 1989. P. 23-39.
16. Marschak J. Rational Behavior, Uncertain Prospects and Measurable Utility // Econometrica. 1950. Vol. 18. No. 2. P. 111-141.
17. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности. Правила и предубеждения. Х.: "Гуманитарный Центр", 2005.
18. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М.: ACT, 2020.
19. Gigerenzer G., Hug K. Domain specific reasoning Social contracts cheating and

- perspective change // Cognition. 1992. V. 43. P. 127-171.
20. Schwartz B. Queuing and Waiting: Studies in the Social Organization of Access and Delay. Chicago: University of Chicago Press, 1975.
21. Дулесов А. С., Семенова М. Ю. Субъективная вероятность в определении меры неопределенности состояния объекта // Фундаментальные исследования. 2012. № 3-1. С. 81-86. EDN: PAZBUX.
22. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М., 1979.
23. Скотникова И. Г. Понятие уверенности и его изучение в психологии // Разработка понятий в современной психологии. Сборник статей. Москва, 2019. С. 116-152. EDN: LXSOLV.
24. Леонтьев Д. А., Пилипко Н. В. Выбор как деятельность: личностные детерминанты возможности формирования // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 97-111.
25. Василюк Ф. Е. Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций / Ф. Е. Василюк // Психология конфликта: хрестоматия / сост. Н. В. Гришина. Санкт-Петербург: Питер, 2001. С. 277-297.
26. Карпов А. В. Методологические основы психологии принятия решения. Ярославль, 1999.
27. Карпов А. В. Общая психология субъективного выбора: структура, процесс, генезис. Ярославль: ИП РАН, 2000.
28. Ломов Б. Ф. Математика и психология в изучении процессов принятия решений // Нормативные и дескриптивные модели принятия решений. М.: Наука, 1981. С. 5-20.
29. Леонтьев Д. А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психол. журнал. 2000. Т. 21. № 1. С. 15-25.
30. Леонтьев А. Н. Борьба за проблему сознания в становлении советской психологии // Вопросы психологии. 1967. № 2. С. 14-22.
31. Тихомиров О. К. Психология мышления. М.: МГУ, 1984.
32. Добрин А. В., Лопухин А. М. Содержательные характеристики вероятностного стиля мышления: теоретические основы исследования // Психология образования в поликультурном пространстве. 2019. № 2 (46). С. 32-48. DOI: 10.24888/2073-8439-2019-46-2-32-48. EDN: VWZYVS.
33. Скотникова И. Г. Принятие решения - ключевое звено психической деятельности // Разработка понятий современной психологии. Сер. "Методология, история и теория психологии". Москва, 2021. С. 162-200. DOI: 10.38098/thry_21_0439_05. EDN: SQJWRV.
34. Диев В. С. Неопределенность, риск и принятие решений в междисциплинарном контексте // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17. № 4. С. 41-52. DOI: 10.25205/2541-7517-2019-17-4-41-52. EDN: KWTFBH.
35. Глазунов Ю. Т. Информационно-психологические аспекты принятия решений // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. № 2. С. 235-243. DOI: 10.35634/2412-9550-2019-29-2-235-243. EDN: FVHQFE.
36. Елкин И. С. Психологические особенности неопределенности при принятии решений // Актуальные вопросы фундаментальных наук в техническом вузе. Кемерово: КГТУ им. Г. Ф. Горбачева, 2021. С. 64-72. EDN: GBQCXI.
37. Алексеев М. А. Теоретические подходы к пониманию неопределенности // Проблемы экономической науки и практики. Сборник научных трудов. под редакцией С. А. Филатова. Новосибирск: Новосибирский государственный университет экономики и управления "НИНХ", 2017. С. 6-27. EDN: ZIHUCR.
38. Тишибаева А. Р. Анализ теории перспектив нобелевского лауреата Даниэля Канемана // Сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции "Наследие нобелевских лауреатов по экономике", Самара, 9 июня 2016 года. Самара: СГЭУ, 2016. С. 219-224. EDN: WEHOWF.

39. Рубинштейн Л. С. Основы общей психологии. СПб: Питер, 2003.
40. Ариели Д. Позитивная иррациональность. М.: Альпина Паблишер, 2019.
41. Ариели Д. Предсказуемая иррациональность. М.: Альпина Паблишер, 2019.
42. Ачимович К. Гендерные различия "Я образа" руководителей // Всероссийская ежегодная декабрьская научно-практическая студенческая конференция. Сборник трудов конференции. М.: 2024. С. 262-265.
43. Серикова Е. В., Касьянов Е. Д., Сафина А. С., Иоффе Н. В. Выявление гендерных различий в самопрдвижении в деловой среде // Управление развитием персонала. 2024. № 3. С. 162-178. EDN: THXHGS.
44. Порецкова А. А., Давиденко М. А., Уткина В. В. Методологические особенности изучения гендерных норм, практик и процессов в публичном управлении // Женщина в российском обществе. 2023. № 1. С. 111-125. DOI: 10.21064/WinRS.2023.1.8. EDN: EEFTSN.
45. Kessler S. & McKenna W. Gender: An Ethnomethodological Approach: NY: Wiley Interscience, 1978.
46. Ильин Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2003. EDN: QXMPVH.
47. Ширинбекова Ж. А., Кошан А. С., Насирова А. Ш. Интуиция в процессе принятия решения // Инновационная наука. 2017. Т. 1. № 3. С. 247-251. EDN: YGFEAZ.
48. Лопухова О. Г. Психологический пол личности: адаптация диагностической методики // Прикладная психология. 2001. № 3. С. 58-66.
49. Роузнер Дж. Женщина в директорском кресле // Вы и мы. 1995. № 5. С. 24-29.
50. Henning M., Jardin A. The managerial women. L., 1998.
51. Кочетков В. В., Скотникова И. Г. Индивидуально-психологические проблемы принятия решения. М.: Наука, 1993. EDN: WZBTDJ.
52. Грошев И. В., Загузова И. А. Половые и гендерные различия руководителей в процессах принятия решения // Социально-экономические явления и процессы. 2006. № 1. С. 99-105. EDN: KWSYWX.
53. Грошев И. В. Психофизиологические различия мужчин и женщин. Воронеж: Издательство Московского психолого-социального института и МОДЭК, 2005. EDN: QXNJQJ.
54. Чирикова А. Е. Женщина во главе фирмы. М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. EDN: TIFFOX.
55. Меерсон Я. А. Проявление функциональной асимметрии полушарий головного мозга в осуществлении зрительно-гностических функций у лиц разного пола // Физиология человека. 2012. Т. 22. № 3. С. 52-58.
56. Zeelenberg M., Nelissen R. M. A., Breugelmans S. M., Pieters R. On emotion specificity in decision making: why feeling is for doing // Judgm. Decis. Mak. 2008. V. 3. P. 18-27.
57. Карабанов А. П. Современные направления исследования аффективных механизмов принятия решений // Вестник РГГУ. Серия "Психология. Педагогика. Образование". 2017. № 3 (9).

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Гендерные особенности принятия решений в

условиях риска и неопределенности». Работа включает в себя введение с определением проблемы и актуальности. Во вводном разделе представлено описание теории субъективной вероятности. Автором описано рассмотрение исторического развития подходов к «ожидающей полезности» и ее вариантов. Следующий раздел включает в себя описание методов исследования с выделением рабочих гипотез, а также анализ полученных результатов. Заканчивается статья аргументированными и обоснованными выводами. В работе также представлено приложение, в котором описаны задания, которые предлагались испытуемым.

Предмет исследования. Автором было проведено исследование, направленное на проверку ряда гипотез. На первом этапе была проверена гипотеза о разной степени рациональности и эмоциональности как основы для принятия решений мужчинами и женщинами. Во втором исследовании проверялась гипотеза о различии между мужчинами и женщинами в принятии решений в условиях риска в разных ситуациях. По результатам проведенной работы было выделено, что гипотезы исследования подтвердились частично. Были выявлены некоторые особенности между мужчинами и женщинами в принятии решений в условиях неопределенности и риска.

Методологическая основа исследования. Исследование состояло из двух частей, основным методом является эксперимент. В первом эксперименте был проверена гипотеза о разной степени рациональности и эмоциональности как основы для принятия решений мужчинами и женщинами. В исследовании приняло участие 20 девушек и 20 юношей, студенты в возрасте 19-22 лет. Во втором исследовании принимало участие 50 респондентов, 25 женщин и 25 мужчин в возрасте от 25 до 45 лет. При этом проверялась гипотеза о различии между мужчинами и женщинами в принятии решений в условиях риска в разных ситуациях. Для сравнения различий в эмоциональности и рациональности ответов у мужчин и женщин в первом эксперименте был использован критерий ф-Фишера. Анализ данных второго эксперимента с помощью методов математической статистики проводился в программе SPSS. Для выявления значимых различий между мужчинами и женщинами в разных ситуациях был использован критерий U Манна-Уитни для независимых переменных.

Актуальность исследования. Автором отмечается, что специфика гендерных особенностей воздействия эмоциональной составляющей на процесс выработки и принятия решений, так и роль гендерных особенностей субъективных оценок риска и неопределенности в ходе принятия решений изучены пока совершенно недостаточно. Нередко в статьях авторские мнения подменяют собой обоснованные экспериментальные результаты. Поэтому автором были высказаны определенные предположения и проведена их эмпирическая проверка.

Научная новизна исследования. Исследование было нацелено на исследование особенностей принятия решений мужчинами и женщинами. Оно позволило получить ряд выводов: эмоциональность и рациональность принятия решений у мужчин и женщин является примерно одинаковой; мужчины и женщины готовы рисковать, если речь идет о небольшом количестве денег; выбор мужчин и женщин зависит от типа задач. В тоже время, мужчины в оценке своих шансов на выигрыш гораздо чаще опираются на объективную вероятность, данную в условиях задачи, а женщины чаще опираются на субъективные представления, преувеличивая риск своего проигрыша. Автором отмечается, что гипотезы исследования подтвердились частично.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы прослеживается, автором выделены основные смысловые части. Логика в работе имеется. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы достаточный, чтобы раскрыть предмет исследования.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 57 отечественных и зарубежных источников, незначительная часть которых была издана за последние три года. В список включены, в основном, статьи и тезисы, а также монографии и учебно-методические пособия. Источники не во всех позициях оформлены корректно и однородно. Например, не во всех позициях указано количество страниц (диапазон страниц) (в номерах 11, 14, 17, 18 и пр.).

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации:

- во введении включить описание объекта, предмета, цели и задач;
- учитывая ограниченность содержания применяемых методик (задания касаются получения выигрыша), рекомендуется уточнить и конкретизировать название статьи, которое звучит обще.

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью. Статья будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами теории субъективной вероятности. Вопрос рассматривается через призму гендерных особенностей принятия решений в условиях риска и неопределенности. Статья может быть рекомендована к опубликованию. Однако важно учесть выделенные рекомендации и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Цвекс М.В., Рушина М.А. Индивидуально-психологические особенности патриотичности латвийских и российских студентов // Психолог. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-8701.2025.5.76071 EDN: BCMNKA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76071

Индивидуально-психологические особенности патриотичности латвийских и российских студентов

Цвекс Михаилс Васильевич

ORCID: 0000-0003-2498-0392

аспирант, кафедра Психологии и Педагогики, Российский Университет Дружбы Народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 17

 mihail001@inbox.lv

Рушина Марина Александровна

ORCID: 0000-0003-1395-6194

кандидат психологических наук

доцент, кафедра Психологии и Педагогики; Российский Университет Дружбы Народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10

 rushina_ma@rudn.ru

[Статья из рубрики "Индивид и личность"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2025.5.76071

EDN:

BCMNA

Дата направления статьи в редакцию:

30-09-2025

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена необходимостью получения дополнительных данных по проблеме патриотичности личности, в частности, потребностью в понимании специфики структуры патриотичности и его проявления представителями различных этнических групп. На фоне активных геополитических процессов вопрос патриотической направленности личности достаточно актуален. В связи с этим целью данной работы является выявление и описание особенностей

патриотичности у российских и латвийских студентов. Исследование патриотичности осуществляется в рамках системно-функционального подхода А.И. Крупнова, который дает возможность представить данным феномен, как одно из свойств личности. В статье представлены результаты теоретического и эмпирического изучения этого свойства, вследствие чего выявлены индивидуально-психологические особенности патриотичности среди российских и латвийских студентов. Использовались: оригинальный бланковый тест «Патриограмма» (С.И. Кудинов, А.В. Потёмкин), а также в латышской адаптации М.В. Цвека и М.А. Рушины; «Пятифакторный опросник» (Р.Т. Costa, R.R. McCrae, в русской адаптации М.В. Бодунова и С.Д. Бирюкова), а также в латышской адаптации A. Rošane. Во-первых, выделены два вида патриотичности (условно конструктивная и условно неконструктивная). Во-вторых, условно конструктивная патриотичность схожа по своей структуре в обеих группах и характеризуется влиянием гармонических переменных на свою структуру, т.е. высокой готовностью (энергичность) самостоятельно вступать в патриотическую активность (интернальность) переживая положительные эмоции (стеничность), ориентацией на социально-значимые ценности, доминированием социоцентрических мотивов (социоцентризм) и наличием суждений общего характера об этом феномене (осведомлённость) одновременно с более глубоким представлением о нём (осознанность). В-третьих, условно неконструктивная патриотичность отличается по своей структуре у российских и латвийских студентов. У российских студентов данный вид характеризуется влиянием на свою структуру агармонических переменных динамической, аффективной, регуляторной и мотивационной компонент патриотичности, а также трудностей в проявлении этого свойства. У латвийских студентов в условно неконструктивной патриотичности сохраняется влияние гармонических переменных динамической, аффективной и регуляторной компонент патриотичности, при этом наблюдается амбивалентность в мотивационной, ценностной и продуктивной компонентах, а также влияние личностных трудностей на его структуру.

Ключевые слова:

факторы личности, патриотизм, патриотичность, студенты, гармонический патриотизм, агармонический патриотизм, системно-функциональный подход, свойство личности, количественный анализ, сравнительный анализ

Введение

На сегодняшний день, в связи с активными изменениями в мировой геополитике проблема патриотизма приобрела особую актуальность [12]. Многие авторы отмечают положительное влияние данного феномена на социальное поведение личности. В частности, патриотизм способствует консолидации общества, корректирует поведение людей и их реакцию на кризис [38], ориентирует на формирование готовности вступать в просоциальную активность, защищать своё государство и его интересы [37]. В контексте данной проблемы дополнительный интерес вызывает студенческая молодежь, как: «... значимая социальная группа, важная сила, влияющая на социально-экономическое и духовно-нравственное развитие общества» [19, с. 5].

По данным ВЦИОМ в 2024 году в России наблюдается очень высокий уровень патриотизма, как у молодежи, так и у старшего поколения. Патриотами себя считают 87% молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет и 94% в группе старше 60-ти лет [4]. Данная тенденция наблюдается и в некоторых странах ранее входящих в состав СССР. В

частности, исследования 2022 года в Латвии указывают на рост патриотизма. Если в 2008 году патриотами Латвии себя считали 73% населения, то в 2022 году уже – 84% [32]. Вышеописанные социологические данные о росте патриотического настроения за последние 10 лет в России и в Латвии приводят к актуальности исследования психологических особенностей патриотичности латвийских и российских студентов. Особенно учитывая важность этой социальной группы для будущего своей страны и влияние данных особенностей на их общественное поведение в контексте взаимоотношения личность-Родина.

Таким образом целью настоящей работы является анализ результатов исследования, посвященного выявлению индивидуально-психологических особенностей патриотичности среди российских и латвийских студентов. В рамках этого были определены задачи: во-первых, выполнить теоретический анализ феномена патриотизма и раскрыть понятие «патриотичность»; во-вторых, рассмотреть результаты эмпирического исследования патриотичности:

- 1 . Охарактеризовать психологическую структуру патриотичности у российских и латвийских студентов
- 2 . Выявить и обосновать общие взаимосвязи факторов личности с патриотичностью, характерные обеим группам
3. Выявить общие черты и специфику структуры патриотичности российских и латвийских студентов

Обзор литературы

Определение понятия «патриотизм» и методики его диагностики

Современные научные исследования демонстрируют значительную вариативность в интерпретации феномена патриотизма, обусловленную дисциплинарной принадлежностью исследователей (политология, социология, философия, социальная психология). Однако, несмотря на наличие разнотечений в трактовке этого явления мы можем наблюдать выделение основной его сущности. Так в зарубежных словарях патриотизм, в основном, определяется, как эмоциональная аффилиация и лояльность к своей стране, интегрирующее чувства гордости, любви, преданности и желание защищать, либо продвигать её интересы [30, 29, 42].

В российской литературе патриотизм, в самом общем виде, понимается, как «... исторически сложившаяся и постоянно эволюционирующая категория социально-философского познания, отражающая любовь к Родине, готовность служить ее интересам, своей активной деятельностью способствовать ее процветанию» [23, с. 150].

Сегодня в психологической науке наблюдается отсутствие единого теоретико-методологического основания к пониманию феномена патриотизма. Тем не менее, в академическом дискурсе можно выделить несколько доминирующих подходов, формирующих основу для большинства эмпирических исследований. Так в западной психологической науке превалирует понимание природы патриотизма, как одной из важнейших форм групповой привязанности и часто соотносится авторами с идеологией, или комплексом установок и убеждений по отношению к своей стране [39, 41]. Как следствие, зарубежный психодиагностический инструментарий патриотизма строился именно на психосоциологическом понимании природы этого феномена как одной из форм национальной идентичности. Первой методикой, способствующей развитию

психологических экспериментальных исследований патриотизма, является «The Patriotism Scale» (Шкала Патриотизма), измеряющей различные аспекты патриотических чувств и аттитюдов [35]. Позже была создана методика «The Patriotism Attitude Scale» (PAS), раскрывающая этот феномен с позиции двух измерений, конструктивного и слепого патриотизма, являющиеся ортогональными и качественно различными формами привязанности к своей стране и нации [40]. В рамках данного подхода множественные исследования показывают, что патриотизм способствует укреплению безопасности страны [43], влияет на эмоциональное и социальное поведение [33], детерминирует формирование гражданских установок и активности, обладая положительной взаимосвязью с просоциальной деятельностью [38], проэкологическим поведением и аттитюдами [34].

Особого внимания заслуживает методологическая специфика зарубежных исследований, где патриотизм преимущественно исследуется через призму взаимоотношений гражданина с политическими и правовыми институтами, а также в рамках дискурса о природных и гражданских правах человека, и определённой идеологии.

В рамках российской психологической традиции патриотизмreprезентируется как сложный полиструктурный феномен, обладающий дифференцированной компонентной организацией:

- 1 . аффективный компонент – эмоционально-ценностное отношение к Родине, проявляющееся в чувстве любви и сопереживания;
- 2 . конативный компонент – готовность к альтруистическим действиям и жертвованию личными интересами ради общественного блага;
- 3 . поведенческий компонент – реальная деятельность, направленная на реализацию патриотических установок;
4. идентификационный компонент – когнитивная самореференция и отождествление себя со своей страной [28]

Таким образом патриотической личности свойственно переживать чувство любви по отношению к своей стране, быть готовой жертвовать личными интересами в пользу интересов социума, вступать в соответствующую деятельность и идентифицировать себя со своей страной. В данном контексте патриотизм определяется, как положительное отношение человека к своей Родине, характеризуемое её принятием и сопереживанием, включенностью и участием в её судьбе.

Большинство российских методик по исследованию патриотизма личности разработаны в рамках психолого-педагогической направленности и патриотического воспитания. При этом практически все они направлены на выявление только одного компонента патриотизма: методика «Я – патриот», исследует поведенческо-волевой компонент патриотизма; методика «Моё отношение к малой родине» - аффективный компонент [14]; методика «Отечество моё – Родина» - поведенческий компонент [5]; методика В.М. Хлыстова «С чего начинается родина?» - когнитивный компонент [22].

Отметим, что одной из методик, рассматривающей патриотизм более широко, является «Тест определения ценностного отношения к Родине», изучающий этот феномен как ценность, как комплекс перцептивно-аффективного, когнитивного, практического и

поступочного компонентов [3].

Также часто используются методы ассоциативного эксперимента и модификации семантического дифференциала в психолого-педагогических исследованиях патриотизма [8; 21].

Таким образом мы можем наблюдать дефицит методик способных более комплексно проанализировать сложную и многокомпонентную структуру данного феномена – патриотизма.

В рамках понимания патриотизма, как гражданской идентичности, гражданского восприятия, были созданы такие методики, как: «Методика изучения социальной идентичности» [26] и «Тест на гражданскую идентичность» [2]. Изучаются патриотические аттитюды с помощью методики «Мир и Россия в территориях, событиях, персоналиях» (И. В. Егоров, Л. Б. Шнейдер) [6]. При этом данные методики акцентируют внимание на представлениях респондентов о патриотизме и отношении к нему, однако их недостаточно для полноценного анализа феноменов, составляющих психологическое ядро патриотизма.

Беря во внимание все выше представленное, мы можем говорить о том, что:

во-первых, несмотря на наличие разногласий в трактовке понятия патриотизм множество, как зарубежных, так и российских авторов сходятся во мнении о сущности содержания данного явления, состоящего из: эмоциональной аффилиации к своей стране; чувства личной идентификации со своей страной; особой озабоченности о благополучии своей страны; готовности жертвовать личным ради страны;

во-вторых, зарубежная диагностика патриотизма основывается на социологическом понимании природы этого явления, как одной из основных форм групповой привязанности. Раскрывая особенности данной привязанности, психологи описывают её многомерность и диахромичность, проявляющиеся в виде «слепого», «агрессивного и «некритичного» патриотизма с одной стороны (часто соотносящегося с национализмом) и в виде «конструктивного», «критичного» патриотизма с другой;

в-третьих, наблюдается дефицит российских методик способных комплексно исследовать многокомпонентную сущность патриотизма.

Определение понятия «патриотичность» и его диагностика

В современной российской психологической науке установлено концептуальное различие между понятиями «патриотизм» и «патриотичность». Под первым понимается интегративный социально-психологический феномен, а под вторым – базовое свойство личности [13]. Патриотичность есть «системно-функциональное свойство личности, представленное совокупностью инструментально-стилевых и мотивационно-смысовых характеристик, обеспечивающих постоянство стремлений и готовность субъекта к реализации актуальных и потенциальных социально-значимых ценностей, идеалов и убеждений» [20]. Мы предлагаем конкретизировать это определение, как: «системно-функциональное свойство личности, представленное совокупностью ценностного, динамического, эмоционального, волевого, мотивационного, когнитивного, рефлексивно-оценочного компонентов и характеристик трудностей, обеспечивающих меру готовности вступать в просоциальную деятельность, способствующую процветанию

своей страны и общества, их защиту». По нашему мнению, данное определение более точно раскрывает сущностное содержание понятия «патриотичность».

Природа патриотичности анализируется в рамках восьмикомпонентной модели свойств личности А.И. Крупнова, как сложная функциональная система [9]. По А.И. Крупнову каждое свойство личности содержит в себе структурное единство мотивационно-смысловых и инструментально-динамических компонентов. Функцией мотивационно-смыслового блока является осуществление выбора и приоритета тех или иных смыслов предметных отношений и побуждений. Компоненты этого блока: осуществляют выбор между личностно-значимыми, либо общественно значимыми целями и смыслами; между побуждениями, ориентированными на окружающих или ориентированных на себя; отражают глубину и точность когнитивных значений; выявляют приоритетные зоны приложения свойств личности, предметно-деятельностную, либо субъектно-коммуникативную. Функцией инструментально-динамического блока является обеспечение процессуальной стороны проявления черт личности. Компоненты этого блока: определяют систему приемов, способов реализации стремлений личности, их силу и устойчивость; определяют модальность эмоциональных переживаний; определяют локус контроля; дают оценку своим трудностям благодаря соотнесению изначальных намерений, полученного результата и трудностей в процессе реализации всей инструментально-динамической программы [9; 24]. Таким образом данный подход предоставляет возможность комплексного анализа сложной и многокомпонентной природы патриотичности.

В современной российской науке активно изучаются особенности проявления патриотичности [27], национально-психологические особенности данного феномена [20], патриотичность и отношение к социальной ситуации [12], патриотичность и ценностно-мотивационная активность [15], индивидуально-типологические особенности патриотичности [18], виды направленности проявления патриотичности личности у студентов [17] и др.

Следует так же отметить, что наблюдается рост работ по сравнительному исследованию системно-функциональных свойств личности с другими особенностями личности (Е.А. Коваленко, Н.Г. Макарова, С.В. Баранова, Н.П. Авдеев, Т.А. Гусева, С.А. Гаврилушкин А.С. Жарикова, А.Ю. Польская, Г.Н. Замалдинова, Г.Н. Каменева и др.) [11, стр. 90-94]. В частности, отмечается перспективность изучения системно-функциональной модели свойств личности во взаимосвязи с факторами «Большая пятёрка», что может способствовать дальнейшему развитию и совершенствованию данных подходов [10, стр. 49]. Проведённые исследования выявили, что фактор личности «экстраверсия» соответствует континууму личностной активности для разных системно-функциональных свойств, в то время как «нейротизм» является универсальным фактором «... характеризующий трудности и проблемы в проявлении личностных свойств в различных сферах» [16, стр. 22]. Стоит отметить, что в рамках данных сопоставительных исследований патриотичность практически не изучалась.

Исследование 2024 года по индивидуально-психологическим особенностям патриотичности российских студентов подтвердило вышеописанный вывод о соответствии некоторых факторов личности различным континуумам системно-функциональных свойств. В частности, выявлено, что сознательность, открытость опыту и экстраверсия облегчают процесс реализации патриотичности. В то время, как нейротизм наоборот,

способствует формированию трудностей при проявлении данного свойства. Таким образом дальнейший сопоставительный анализ патриотичности и факторов пятифакторной модели личности способен содержательно дополнить концептуальные основы системно-функционального подхода в области сравнительных исследований [25].

Материалы и методы

Цель эмпирического исследования: выявить индивидуально-психологические особенности патриотичности российских и латвийских студентов

Гипотеза исследования: существуют особенности проявления патриотичности у российских и латвийских студентов, которые обусловлены как сходствами, так и различиями в структуре патриотичности и доминированием его отдельных компонент.

Выборку составили:

- 250 студентов ведущих латвийских вузов: 89 студентов Латвийского Университета (LU), 113 студентов Рижского Университета им. Стадыня (RSU), 48 студентов Рижского Технического Университета (RTU). 102 юноши и 148 девушек, средний возраст 21,8 лет, для которых латышский язык является родным и причисляющих себя к латышской национальности.
- 250 студентов ведущих российских вузов: 56 студентов Московского Государственного Университета (МГУ), 77 студентов Высшей Школы Экономики (ВШЭ) и 117 студентов Российского Университета Дружбы Народов им. Патриса Лумумбы. 98 юношей и 152 девушки, средний возраст 20,55 лет, для которых русский язык является родным и причисляющих себя к русской национальности.

Методики исследования. В соответствии с целью исследования и выдвинутыми гипотезами использовался комплекс методов и методик:

1 . Бланковый тест «Патриограмма» (С.И. Кудинов, А.В. Потёмкин) для российской выборки и бланковый тест «Патриограмма» (С.И. Кудинов, А.В. Потёмкин в латышской апробации М.В. Цвека и М.А. Рушиной) для латвийской выборки.

Для комплексного изучения патриотичности А.В. Потёмкин и С.И. Кудинов разработали бланковый тест «Патриограмма». Каждой из восьми компонентов патриотичности соответствует основная шкала бланкового теста, разделённая на агармоническую (препятствующую проявлению патриотичности) и гармоническую (способствующую проявлению патриотичности) переменные. Первая – шкала ценностных характеристик выявляет приоритет социальную, либо личностно значимых ценностей в контексте проявления патриотичности; вторая шкала – динамических характеристик выявляет силу, устойчивость и постоянство стремления к проявлению этого свойства (переменные энергичность и аэнергичность); третья – шкала эмоциональных характеристик выявляет превалирование положительных либо отрицательных эмоций, сопровождающих проявление патриотичности (стеничность, астеничность); четвертая – шкала регуляторных характеристик выявляет тип саморегуляции в проявлении данного свойства (интернальность, экстернальность); пятая – шкала мотивационных характеристик указывает на мотивы проявления патриотичности связанные с направленностью помогать окружающим, либо самому себе (социоцентричность, эгоцентричность); шестая – шкала когнитивных характеристик выявляет осознанное, т.е. глубокое понимание данного свойства личности, либо наличие общих суждений о нём (осмысленность, осведомлённость); седьмая – шкала продуктивных характеристик

указывает на приоритетные зоны приложения патриотичности (продуктивно-коммуникативная, субъектно-личностная); восьмая – шкала характеристик типов затруднений выявляет трудности в проявлении этого свойства, связанные с операциональным непониманием и незнанием, либо с личностным проживанием тревожности, застенчивости, скромности (операциональные трудности, личностные трудности) [20].

2 . «Пятифакторный опросник» (P.T. Costa, R.R. McCrae, в русской адаптации М.В. Бодунова и С.Д. Бирюкова) для российской выборки [1] и «Пятифакторный опросник» (P.T. Costa, R.R. McCrae, в латышской адаптации A. Rošane) для латвийской выборки.

Модель «Большая пятерка» предполагает, что индивидуальность можно описать через сочетание выраженности пяти основных факторов: нейротизм (Neurotism, N), экстраверсия (Extraversion, E), открытость опыту (Openness, O), согласие (Agreeableness, A), добросовестность (Conscientiousness, C).

3 . Методы математико-статистической обработки данных: эксплораторный факторный анализ с извлечением минимальных остатков и вращением варимакс, регрессионный анализ, Т-тест с использованием критерия Стьюдента и ранга Уилкоксона, критерий Шапиро-Уилка с использованием компьютерной среды R и jamovi версии 2.3.24.

Результаты исследования

Таблица 1- Результаты сравнительного анализ выраженности переменных патриотичности у российских и латвийских студентов (W – критерий Вилкоксона)

Студенты российских вузов				
Компонента	Гармоническая переменная	Агармоническая переменная	W – критерий Вилкоксона	p – уровень
	Md	Md		
Ценностная компонента	Социально знач. Ценности	Личностно знач. Ценности	16069	p < 0,001
	31	29		
Динамическая компонента	Энергичность	Аэнергичность	8208	p < 0,001
	18	26		
Эмоциональная компонента	Стеничность	Астеничность	22328	p < 0,001
	29	8		
Регулятивная компонента	Интернальность	Экстернальность	22172	p < 0,001
	29	18		
Мотивационная компонента	Социоцентризм	Эгоцентризм	22233	p < 0,001
	35	18		
Когнитивная компонента	Осмысленность	Осведомленность	23976	p < 0,001
	33	22		
Продуктивная компонента	Предметно коммуникативная продуктивность	Субъектно-личностная продуктивность	6974	Не значимо
	28	28		
Рефлексивно-оценочная компонента	Операциональные трудности	Личностные трудности	12228	p < 0,001
	10	6		

Студенты латвийских вузов

Компонента	Гармоническая переменная	Агармоническая переменная	W – критерий Вилкоксона	Уровень значимых различий p
	Md	Md		
Ценностная компонента	Социально знач. ценности	Личностно знач. ценности	16254	$p < 0,001$
	30	24		
Динамическая компонента	Энергичность			
	18			
Эмоциональная компонента	Стеничность	Астеничность	22808	$p < 0,001$
	28	9		
Регулятивная компонента	Интернальность	Экстернальность	24795	$p < 0,001$
	31	17		
Мотивационная компонента	Социоцентризм	Эгоцентризм	22818	$p < 0,001$
	32	15		
Когнитивная компонента	Осмысленность	Осведомленность	21406	$p < 0,001$
	33	26		
Продуктивная компонента	Предметно коммуникативная продуктивность	Субъектно-личностная продуктивность	9172	$p < 0,001$
	25	20		
Рефлексивно-оценочная компонента	Личностные трудности			
	4			

В таблице 1 мы видим, что обеим группам характерно доминирование гармонических переменных в ценностной компоненте (социально-значимые ценности), эмоциональной (стеничность), регулятивной (интернальность), мотивационной (социоцентричность), когнитивной (осмысленность). Выявлено отсутствие значимых различий между гармонической и агармонической переменными в продуктивной компоненте у российских студентов и доминирование предметно-коммуникативной продуктивности у латвийских студентов.

Стоит отметить, что в апробированном на латышской выборке бланковом теста «Патриограмма» отсутствуют агармоническая переменная в динамической компоненте и характеристика «личностные трудности» в рефлексивно-оценочной.

Таблица 2 -Сравнительная таблица нагрузок переменных патриотичности на факторы у российских и латвийских студентов

	Условно конструктивная патриотичность		Условно неконструктивная патриотичность	
	ЛВ Гармонич. патриотич.	РУ Гармонич. патриотич.	ЛВ Ценностно диффузная патриотич.	РУ Агармонич патриотич.
Социально значимые ценности	0,312	0,569	0,617	

Личностно значимые ценности			0,691	
Энергичность	0,385	0,720	0,427	
Аэнергичность				0,600
Стеничность	0,451	0,760	0,455	
Астеничность				0,724
Интернальность	0,398	0,672	0,322	
Экстернальность				0,663
Социоцентризм	0,332	0,693	0,577	
Эгоцентризм			0,775	0,337
Осмысленность	0,776	0,691		
Осведомлённость	0,718	0,554		
Предметно коммуникативная продуктивность		0,531	0,725	
Субъектно-личностная продуктивность		0,546	0,768	
Операционные трудности				0,640
Личностные трудности			0,329	0,541

Факторный анализ позволил выделить условно конструктивную и условно неконструктивную патриотичность. Данные проявления обозначены «условно» по причине их структурной специфичности в обеих группах. Условно конструктивная патриотичность определяется факторами «гармоническая патриотичность РУ» и «гармоническая патриотичность ЛВ» обладающими схожей структурой у российских и латвийских студентов. Таким образом условно конструктивная патриотичность характеризуется влиянием на свою структуру гармонических переменных ценностной (ЛВ 0,312; РУ 0,569), динамической (ЛВ 0,385; РУ 0,720) эмоциональной (ЛВ 0,451; РУ 0,760), регулятивной (ЛВ 0,398; РУ 0,672), мотивационной компоненты (ЛВ 0,332; РУ 0,693) и обеих характеристик когнитивной компоненты («осмысленность» - ЛВ 0,776; РУ 0,691; «осведомлённость» - ЛВ 0,718; РУ 0,554). При этом мы наблюдаем небольшие различия в нагрузках на данные факторы. Так у российских студентов на структуру «гармоническая патриотичность РУ» дополнительно влияют предметно-коммуникативная (0,531) и субъектно-личностная (0,546) переменные, что говорит о наличии зон приложения патриотичности при гармоническом его проявлении (условно конструктивном) и неопределённости их приоритета, реализация ради самосовершенствования в предметной области, либо ради построения хороших отношений с окружающими и повышению самоуважения.

Условно неконструктивная патриотичность представлена факторами «агармоническая патриотичность» у российских студентов и «ценностно-диффузная патриотичность» у латвийских студентов. Выявлена специфика условно неконструктивной патриотичности в каждой группе. Так на структуру «агармонической патриотичности» у российских студентов дают нагрузку агармонические характеристики динамической (0,600), эмоциональной (0,724), регулятивной (0,663), мотивационной (0,337) компонент и обе характеристики рефлексивно-оценочной компоненты («операционные трудности»

0,640; «личностные трудности» 0,541).

У латвийских студентов структура «ценностно-диффузной патриотичности» характеризуется нагрузкой не её обеих переменных ценостной («социально-значимые ценности» 0,617; «личностно значимые ценности» 0,691), мотивационной («социоцентризм» 0,577; «эгоцентризм» 0,775) и продуктивной компонент («предметно коммуникативная» 0,531; «субъектно-личностная» 0,768) и также влиянием гармонических характеристик динамической (0,427), эмоциональной (0,455), регулятивной (0,322) компонент и характеристики личностных трудностей (0,329).

Таблица 3 - Регрессионный анализ влияния факторов личности на переменные патриотичности у российских и латвийских студентов

Студенты российских вузов						
Зависимая переменная	R ²	F	Значимые предикторы	β*	p	Критерий Дурбина-Уотсона
Константа	0,079	4,18		30,06	p < 0,001	1,93
			Нейротизм	0,23	p < 0,001	
			Экстраверсия	0,16	p < 0,05	
Константа	0,142	8,05		24	p < 0,001	1,77
			Нейротизм	0,14	p < 0,05	
			Открытость опыта	-0,14	p < 0,05	
Личностные трудности			Сознательность	-0,19	p < 0,05	
				18,25	p < 0,01	
			Экстраверсия	0,22	p < 0,01	
Константа	0,054	2,81		28,4	p < 0,001	2,18
			Открытость опыта	-0,34	p < 0,001	
			Сознательность	0,18	p < 0,05	
Константа	0,146	8,33		17,5	p < 0,05	2,15
			Экстраверсия	0,20	p	
			Открытость опыта	-0,18	p < 0,01	
Субъектно-личностная продуктивность	0,06	3,13				1,89
Студенты латвийских вузов						
Зависимая переменная	R ²	F	Значимые предикторы	β*	p	Критерий Дурбина-Уотсона
Константа	0,102	5,57		30,063	p < 0,001	1,7
			Уживчивость	-0,30	p < 0,001	
Константа	0,138	7,81		7,19	p < 0,05	2,05
			Нейротизм	0,32	p < 0,001	

Константа	0,138	7,8		17,17	p < 0,05	2,13		
Эгоцентризм			Нейротизм	0,26	p < 0,001			
			Экстраверсия	0,24	p < 0,001			
			Открытость опыту	-0,16	p < 0,001			
			Уживчивость	-0,20	p < 0,001			
Константа	0,124	6,93		12,16	p = 0,079	2,15		
Осведомлённость			Нейротизм	0,28	p < 0,001			
			Открытость опыту	-0,16	p < 0,001			
			Сознательность	0,28	p < 0,001			
Константа	0,057	2,93		6,53	p = 0,488	2,09		
Субъектно-личностная продуктивность			Нейротизм	0,15	p < 0,05			
			Экстраверсия	0,20	p < 0,001			

Примечание: β – коэффициент стандартизированной регрессии; p – уровень значимости

Для анализа непосредственного вклада факторов личности в переменные патриотичности был построен ряд множественных регрессионных моделей, предикторами в которых выступали факторы личности. В таблице 3 указаны только статистически значимые предикторы. Критериями в моделях поочередно выступали только коррелирующие в обеих группах переменные патриотичности с факторами личности (астеничность, личностные трудности, эгоцентризм, осведомлённость, субъектно-личностная продуктивность).

В таблице 3 выделены общие предикторы переменных патриотичности, характерных, как латвийским, так и российским студентам. Фактор личности «нейротизм» оказывает положительное значимое влияние на переменную «личностные трудности» в рефлексивно-оценочной компоненте патриотичности, у российских студентов ($\beta=0,14$; $p<0,05$), у латвийских студентов ($\beta=0,32$; $p<0,001$). Фактор личности «экстраверсия» является положительным предиктором агармонической переменной «эгоцентризм» в мотивационной компоненте, у российских студентов ($\beta=0,22$; $p<0,01$), у латвийских студентов ($\beta=0,24$; $p<0,001$) и «субъектно-личностной продуктивности» в продуктивное компоненте, у российских студентов ($\beta=0,20$; $p<0,05$), у латвийских студентов ($\beta=0,20$; $p<0,001$). Фактор личности «открытость опыту» оказывает отрицательное значимое влияние на агармоническую характеристику «осведомлённость» в когнитивной компоненте патриотичности, у российских студентов ($\beta= -0,34$; $p<0,001$), у латвийских студентов ($\beta= -0,16$; $p<0,001$). Так же положительным предиктором данной характеристики является фактор личности «сознательность», у российских студентов ($\beta=0,18$; $p<0,05$), у латвийских студентов ($\beta=0,28$; $p<0,001$).

Обсуждение результатов

Таким образом, в результате проведенного исследования гипотеза о том, что существуют особенности проявления патриотичности у российских и латвийских студентов, которые обусловлены доминированием гармонических либо агармонических переменных патриотичности, а также как сходствами, так и различиями в структуре патриотичности, подтвердилась.

Российским и латвийским студентам характерна нацеленность на реализацию социально-значимых ценностей в контексте вступления в патриотическую деятельность и переживание в процессе положительных эмоций радости, оптимизма, удовлетворённости. Им свойственна интернальная регуляция патриотического поведения и наличие социоцентрических мотивов, связанных с желанием помочь близким людям, коллективу, обществу, стране при реализации этого свойства. Обеим группам характерно осмысленное, глубокое представление о патриотичности, знание его функционального назначения и акцент на его существенных признаках. При этом у латвийских студентов, в отличие от российских наблюдается доминирование предметно-коммуникативной продуктивности, т.е. их патриотичность способствует самосовершенствованию, успеху в работе и учебе, занятию социальной ниши.

Особенностью проявления патриотичности у латвийских студентов является непонимание утверждений, во-первых, связанных со слабостью, непостоянством и неготовностью реализовывать данное свойство личности, и во-вторых, связанных с невозможностью для личности вступления в патриотическую деятельность, а также неумением и незнанием операциональной стороны данного процесса.

У российских студентов наблюдается неопределенность приоритета зон приложения патриотичности, способствует ли проявление этого свойства самосовершенствованию, успеху в работе и учебе, либо построению хороших взаимоотношений с окружающими, повышению самоуважения. Им характерно наличие слабой готовности вступать в патриотическую активность, а также трудностей, связанных с неспособностью позиционирования своей патриотичности в силу недостаточных знаний, умений, опыта, и невозможности для личности его конкретной реализации. Российские студенты не особо хотят вступать в патриотическую деятельность и не очень хорошо понимают, как это сделать, каким образом можно проявить свой патриотизм. Стоит отметить, что данное нежелание и неумение могут подкреплять и усиливать друг друга, усложняя в будущем реализацию патриотичности. Таким образом стоит обратить внимание на возможность предложения российским студентам новых, интересных форм патриотической активности, одновременно заинтересовывая (укрепляя желание) и обучая операциональной стороне этого проявления.

Факторный анализ выявил два вида патриотичности у российских студентов (условно конструктивная и условно неконструктивная). Первый вид представлен фактором «гармоническая патриотичность РУ», второй – «агармоническая патриотичность». Таким образом условно конструктивная патриотичность у российских студентов характеризуется доминированием гармонических переменных в своей структуре, способствующих без трудностей, самостоятельно и устойчиво вступать в патриотическое поведение, нацеленное на социально-значимые ценности, мотивированное желанием помочь обществу переживая в процессе положительные эмоции радости и оптимизма. В когнитивной компоненте присутствуют, как поверхностные суждения о патриотичности, так и глубокие представления, сущностно раскрывающие данное свойство. В продуктивной компоненте мы видим неопределенность приоритета зон приложения патриотичности, реализация ради самосовершенствования в предметной области (учебе, работе и пр.), либо ради построения хороших отношений с окружающими, повышению

самоуважения, получению известности и пр.

В свою очередь на условно неконструктивную патриотичность, представленную фактором «агармоническая патриотичность» влияют агармонические переменные в своей структуре, что проявляется, как непостоянство стремлений и слабая мера готовности вступать в патриотическую деятельность переживая в процессе негативные эмоции тревоги, пессимизма, страха, разочарованности, перекладыванием ответственности за формирование и проявление патриотичности на других, а также наличием трудностей, связанных, как с неспособностью проявления и позиционирования своей патриотичности в силу недостаточности знаний и неумения, так и связанных с личностной тревожностью, застенчивостью, скромностью.

У латвийских студентов условно конструктивная патриотичность практически идентична российским студентам и представлена фактором «гармоническая патриотичность ЛВ». Мы можем наблюдать, что если у российских студентов данные два вида патриотичности являются противоположностью, то у латвийских студентов в условно неконструктивной патриотичности сохраняются определённые характеристики конструктивной. Так, у латвийских студентов условно неконструктивный вид этого свойства представлен фактором «ценностно-диффузная патриотичность», характеризуемый, с одной стороны, самостоятельностью, устойчивостью стремления к проявлению патриотичности в процессе которого переживаются положительные эмоции радости и оптимизма. С другой стороны неопределенностью, т.е. одновременной нацеленностью на социально-значимые и личностно-значимые ценности, наличием побуждений связанных, как с социоцентрическими (помощь своей стране и обществу) так и с эгоцентрическими мотивами (получения личностной выгоды в результате), неоднозначностью зон приложения данного свойства, т.е. реализация патриотичности ради самосовершенствования в предметной области, либо ради построения хороших отношений с окружающими и повышению самоуважения, а также наличием трудностей, связанных с личностной тревожностью, скромностью и застенчивостью.

Такая особенность данного вида патриотичности может объясняться высоким уровнем патриотизма у молодых людей Латвии в целом и их постоянной готовностью вступать в патриотическую деятельность. Что как раз было выявлено в исследовании I. Berzina [31]. При этом данное исследование указывает на высокое недовольство латвийской молодежью экономической, социальной и политической ситуацией в стране (бедность, отсутствие социальных гарантий, некомпетентность власти имущих, коррупция и пр.). Эта дилемма большого желания вступать в патриотическую активность, сильного патриотизма и высокого недовольства ситуацией в своей стране может вносить диффузность в контексте проявления патриотичности, проявлять ли это свойство ради достижения личных целей, или ради помощи обществу, своей стране. Также данное исследование помогает интерпретировать причину непонимания латвийскими студентами утверждений, связанных со слабой готовностью и незнанием как вступать в патриотическую деятельность.

Проведённый регрессионный анализ выявил общие предикторы переменных патриотичности (свойственные обеим группам), продемонстрировав положительный, значимый вклад личностной эмоциональной неустойчивости на наличие личностной тревожности, застенчивости и скромности при проявлении патриотичности. Экстраверсия является положительным предиктором наличия эгоцентрических мотивов при проявлении патриотичности, связанных с желанием проявить себя, привлечь к себе внимание, улучшить собственное благополучие, а также субъектно-личностной направленности

реализовывать патриотичность посредством построения хороших отношений с окружающими, повышению самоуважения, популярности и пр. Данные результаты во многом согласуются, а также дополняют исследование [10], в котором «нейротизм» выявлен, как универсальный фактор, влияющий на трудности и проблемы в проявлении личностных свойств в различных сферах, а «экстраверсия» отмечается как черта, соответствующая континууму личностной активности для разных свойств в рамках системно-функционального подхода. Также выявлено, что слабое стремление к поиску нового опыта, консерватизм (закрытость к новому опыту) и высокая степень упорства, организованности и последовательности в достижении целей (сознательность) влияют на наличие суждений общего характера в понимании патриотичности, т.е. указания на частные, несущественные признаки данного свойства. Возможно, что закрытость опыта, консерватизм, способствуют нежеланию изменить первичный, привычный, поверхностный взгляд на сущность патриотизма, требующего критического, аналитического подхода с готовностью принять новую информацию, что данный феномен является не просто любовью к Родине, тиражирование государственной символики, посещением всех патриотических мероприятий, но в глубине это уважение и соблюдение традиций, целенаправленное изучение истории и законов своей страны, осведомлённость о проблемах своей страны и определённая включенность в помощь их решения.

Выводы

На основании анализа полученных эмпирических данных можно сделать следующие выводы:

во-первых, у российских и латвийских студентов патриотичность проявляется преимущественно через гармонические переменные, отражающие ориентацию на социально-значимые ценности, переживание положительных эмоций в процессе проявления данного свойства, интернальный тип саморегуляции, преобладание социоцентрических мотивов и осмысленное отношение к данному феномену. При этом латвийские студенты демонстрируют большую выраженность предметно-коммуникативной продуктивности, а российские - неопределенность зон приложения патриотичности;

во-вторых, в обеих выборках выделены два вида патриотичности: условно конструктивная (доминирование гармонических переменных) и условно неконструктивная (доминирование агармонических переменных). Структура первого вида патриотичности схожа в обеих группах и характеризуется наличием гармонических переменных патриотичности в ценностной, динамической, аффективной, регуляторной и мотивационной компонентах. Структура условно неконструктивной патриотичности отличается в обеих группах. У российских студентов данный вид является противоположностью условно конструктивной патриотичности и характеризуется наличием агармонических переменных в динамической, аффективной, регуляторной и мотивационной компонентах, а также трудностей в проявлении этого свойства. У латвийских студентов условно неконструктивная патриотичность сохраняет часть гармонических переменных (в динамической, аффективной и регуляторной компонентах) при этом характеризуется ценностной и мотивационной диффузностью, неопределенностью зон приложения этого свойства и наличием личностных трудностей при проявлении патриотичности.

в-третьих, установлено общее значимое влияние факторов личности на проявление

патриотичности в обеих выборках:

- «нейротизм» выступает предиктором личностных трудностей в реализации патриотичности, связанных с повышенной тревожностью, застенчивостью и скромностью;
- «экстраверсия» положительно влияет на гармонические переменные мотивационной и продуктивной компонент патриотичности, усиливая эгоцентрические мотивы связанные с желанием получения личной выгоды и благополучия, а также использованием патриотичности для улучшения своих индивидуальных качеств и достижения популярности.
- «открытость опыту» отрицательное влияет на наличие суждений общего характера, в то время как «сознательность» обладает положительным влиянием на данную переменную, т.е. на наличие суждений общего характера, указания на несущественные признаки патриотичности, такие как: участие в выборах, в демонстрациях, слепой лояльности и пр.

Заключение

Данное исследование позволило охарактеризовать психологическую структуру патриотичности у российских и латвийских студентов, выявить и обосновать общие взаимосвязи и влияние факторов личности на проявление патриотичности, характерное обеим группам, выявить общие черты и специфику структуры патриотичности российских и латвийских студентов.

Особый интерес представляют выявленные два вида патриотичности, обозначенные как условно конструктивный и условно неконструктивный. Для российских студентов характерно более чёткое противопоставление этих видов, тогда как у латвийских студентов структура неконструктивной патриотичности характеризуется определённой диффузностью, сохранением отдельных гармонических переменных. При этом структура конструктивной патриотичности схожа в обеих выборках. Такие отличия, предположительно, можно объяснить культурно-общественными, экономическими, политическими и географическими особенностями стран и отношением к ним студентов. Дальнейшие исследования этих видов патриотичности может углубить понимание особенности проявления данного свойства в различных культурах.

Четыре факторы личности (нейротизм, экстраверсия, открытость опыту, сознательность) выявлены, как общие предикторы (характерные обеим группам) проявления патриотичности. Данные выводы могут способствовать содержательному дополнению в будущем концептуальных основ системно-функционального подхода, особенно в области сравнительных исследований с другими особенностями личности.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении. Результаты данного исследования могут быть использованы для дальнейшего глубокого изучения понятия патриотичности личности и для формирования и улучшения воспитательной работы в образовательном пространстве, направленной на развитие патриотичности на разных этапах обучения. Для профилактики неконструктивной патриотичности у российских студентов психологам образовательных учреждений важно:

- проводить ценностно-мотивационные интервенции посредством индивидуальных сессий ценностной кларификации, с фокусом на различии мотивов «для себя/выгоды» и «для общества/страны». Поднимать сознательное понимание ответственности, социальной значимости активности, личной роли. Фокусировать внимание на «осмысленности», не

просто на внешних формах участия. Обсуждать и разбивать мифы: патриотичность не есть безудержное следование символам, формам; важно, как и зачем участвовать, а не просто участвовать.

- формировать осмыщенное представление о патриотичности, что это уважение и соблюдение традиций, стремление быть в курсе законодательной базы, знание и целенаправленное изучение истории своей страны и пр.

- развивать операциональные навыки проявления патриотичности и получение продуктивного опыта, посредством упражнений на постановку, планирование и реализацию небольших гражданских или социальных инициатив (волонтёрство, проекты, помощь, кампании), с чёткими этапами: план, действие, оценка, обратная связь. Чтобы студент мог получить опыт, видеть реализацию, обрести уверенность, найти новые, более современные и близкие к молодежи формы проявления патриотичности.

- преодоление эмоциональных барьеров вступления в патриотическую активность. Включать тренинги эмоциональной регуляции: освоение навыков снижения тревоги и застенчивости, управления волнением, уверенного высказывания, публичного выступления, планирования социальных инициатив.

- обеспечивать условия, поддерживающие интернальный стиль саморегуляции. Предоставлять студенту возможность самого выбирать форму участия, деятельности, чтобы он чувствовал личную значимость и самостоятельность, а не просто исполнение чужих требований.

Опираясь на результаты настоящего исследования, а также на тенденции современной психологической науки, выделим ключевые направления для будущей работы в данном направлении.

Настоящее исследование выполнено в поперечном срезе и позволяет фиксировать структуру патриотичности на конкретном этапе (студенчество). Однако, изменения ценностно-мотивационных констант, эмоционально-регуляторных характеристик и продуктивных проявлений могут быть существенно динамичны. Современные примеры в психологии личности показывают, что свойства личности меняются под действием жизненных событий, социальной ответственности и профессионализации. Поэтому рекомендуется включать повторные измерения на разных этапах обучения (начало, середина, завершение, выпуск) и после выхода в трудовую деятельность - для выявления трендов устойчивости/изменчивости патриотичности, путей перехода между «условно неконструктивными» и «конструктивными» профилями, а также факторов, способствующих таким переходам.

Результаты исследования показали как общие тенденции, так и специфику проявления патриотичности в группах. Будущие исследования могут расширить выборку:

- включить студентов из разных регионов России (сельская/городская, разные федеральные округа), разных вузов (гуманитарные, технические, сельскохозяйственные, педагогические), что позволит выявить межрегиональные и институциональные вариации патриотичности;

- сравнение с другими странами, культурами, особенно с коллективистскими и индивидуалистическими традициями, выявление универсальных и культурно специфических аспектов структуры, мотивации и проявлений патриотичности;

- проверка влияния социально-экономического положения, образовательной среды,

медицинского и информационного контекста, уровня гражданской активности региона на проявление патриотичности.

Для дальнейшего развития и совершенствования системно-функционального подхода в исследовании патриотичности возможно дальнейшее объединение эвристических потенциалов разных теоретических моделей, помимо «Большой пятерки». Например, интеграция с психологическими теориями личности, мотивации, гражданской идентичности и активности, эмоциональной регуляции, социальной ответственности.

Библиография

1. Бирюков, С. Д., Васильев, О. П. Психогенетическое исследование свойств темперамента и личностных характеристик: анализ структуры 216 изучаемых переменных // Труды Института психологии РАН. Т. 2 / отв. ред. А. В. Брушлинский, В. А. Бодров. – Москва: ИП РАН, 1997. – С. 23-51. EDN: TFJBKF
2. Борисов, Р. В. Теоретико-концептуальное осмысление феномена гражданской идентичности // Психология образования в поликультурном пространстве. – 2013. – Т. 4, № 24. – С. 5-12. – DOI: 10.15382/sturIV201952.113-127 EDN: RXRPOD
3. Воскрекасенко, О. А., Константинов, В. В., Пашин, А. А., Тренгулов, К. Р. Диагностика патриотизма студенческой молодежи в системе профессионального воспитания в высшей школе // Современные проблемы науки и образования. – 2022. – № 5. – DOI: 10.17513/spno.32096. EDN: WFQRDC
4. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Результаты мониторингового опроса о патриотизме. – 2024. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme> (дата обращения: 05.02.2025).
5. Григорьева, Д. В. Гражданское образование – путь к демократическому обществу // Материалы международной конференции. – 1999. – № 1. – 79 с.
6. Егоров, И. В., Наумова, Д. В. Гражданское мировосприятие личности и аттитюды патриотизма: теория и методы диагностики: учебное пособие. – Москва: ИИУ МГОУ, 2018. – 110 с. – ISBN 978-5-7017-2961-0. EDN: XWHOGL
7. Звездина, Г. П., Звездина, Е. Ю. Особенности осмыслиения патриотизма современной молодежью // Творческий научный обозреватель. – 2015. – № 1. – С. 91-95. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-148-159
8. Костригин, А. А., Виганд, А. М. Представление и отношение к патриотизму у молодежи // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. – 2019. – № 1. – С. 63-80. – EDN: CUFIHE.
9. Крупнов, А. И. Системно-диспозиционный подход к изучению личности и её свойств // Вестник РУДН. Серия "Психология и педагогика". – 2006. – № 1 (3). – С. 63-73. [Электронный ресурс]. URL: https://repository.rudn.ru/ru/records/article/record/117875/-utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 10.01.2025) EDN: IJFTET
10. Крупнов, А. И., Новикова, И. А., Воробьева, А. А. Соотношение системно-функциональной и пятифакторной моделей черт личности: к постановке проблемы // Вестник РУДН. Серия "Педагогика и психология". – 2016. – № 2. – С. 45-56. [Электронный ресурс]. URL: https://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics/article/view/13423/12853-utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 05.01.2025) EDN: WAWONX
11. Крупнов, А. И., Новикова, И. А., Шляхта, Д. А. Комплексные исследования личности: теория и практика: учебное пособие. – Москва: РУДН, 2017. – 220 с.
12. Кудинов С.И., Кудинов С.С., Кудинова С.С. Особенности проявления патриотичности у студентов с разным отношением к специальной военной операции // Психолог. 2023. №

2. С. 1-13. DOI: 10.25136/2409-8701.2023.2.39910 EDN: JKKLHE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39910
13. Кудинов, С. И., Кудинова, И. Б., Кудинов, С. С. Актуальные проблемы психологии личности и индивидуальности // Вестник РУДН. Серия "Психология и педагогика". – 2013. – № 2. – С. 5-13. DOI: 10.22363/2313-1683-2013-2 EDN: QBTZVH
14. Маслова, Т. М. Патриотическое воспитание младших школьников в контексте национально-регионального компонента начального общего образования. – Москва: Академия, 2007. – 147 с. DOI: 10.25726/x0193-9152-5446-о
15. Михайлова, О. Б. Гражданский патриотизм как основа ценностно-мотивационной активности личности и инновационной деятельности // Вестник РУДН. Серия "Психология и педагогика". – 2013. – № 2. – С. 14-21. DOI: 10.22363/2313-1683-2013-2 EDN: RCAFSR
16. Новикова, И. А., Воробьева, А. А. Соотношение любознательности и настойчивости с суперчертами пятифакторной модели личности // Акмеология. – 2015. – № 4. – С. 188-194. [Электронный ресурс]. URL: <https://narodnoe.org/journals/akmeologiya/2014-4/sootnoshenie-lyuboznatelnosti-i-nastoiychivosti-s-superchertami-pyatifiktornoiy-modeli-lichnosti> (дата обращения: 22.11.2024)
17. Нурекеева, А. Б., Кудинова, И. Б., Гаврилушкин, С. А. Кластерная модель патриотичности студентов // Вестник РУДН. Серия "Педагогика и психология". – 2015. – № 4. – С. 27-33. [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics/issue/view/832> (дата обращения: 22.12.2024) EDN: VBICED
18. Пантелеева, Т. В., Фомина, Н. А. Индивидуально-типологические особенности патриотизма будущих сотрудников правоохранительных органов с эргично-продуктивным типом его организации // Актуальные проблемы социальной и дифференциальной психологии и психологии личности: материалы международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Москва: РУДН, 2013. – С. 109-113. EDN: TDKUDT
19. Пенькова, М. С., Панфилова, Ю. С. Психологические особенности современного студенчества // Материалы XI Международной студенческой научной конференции "Студенческий научный форум". – 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://scienceforum.ru/2019/article/2018016645> (дата обращения: 08.02.2025).
20. Потёмкин, А. В. Национально-психологические особенности проявления патриотизма личности: дис. ... канд. психол. наук. – Тольятти, 2009. – 256 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/natsionalno-psikhologicheskie-osobennosti-proyavleniya-patriotizma-lichnosti> (дата обращения: 22.12.2024) EDN: NQPFMN
21. Тарасов, М. В. Образ Родины: обоснование и апробация диагностического инструментария // Экспериментальная психология. – 2020. – Т. 13, № 4. – С. 205-219. – DOI: 10.17759/exppsy.2020130415. EDN: FDQYRF
22. Тимофеева, В. А. Исследование уровня развития компонентов патриотизма во 2 классе // Международный педагогический портал "Солнечный свет". – 2023. – № 313663. [Электронный ресурс]. URL: <https://solncesvet.ru/opublikovannye-materialyi/issledovanie-urovnya-razvitiya-komponent.15781171756/> (дата обращения: 10.02.2025).
23. Тихомиров, Г. А. Социально-философское исследование феномена патриотизма: дис. ... канд. филос. наук. – Чебоксары, 2008. – 153 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/sotsialno-filosofskoe-issledovanie-fenomena-patriotizma> (дата обращения: 25.12.2024). EDN: NQDSNV
24. Фомина, Н. А., Лесин, А. М. К 80-летию А. И. Крупнова – основателя системно-функционального подхода к изучению свойств личности // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. – 2019. – Т. 7, № 3 (26). – С. 446-458. DOI: 10.23888/humJ20193446-458 EDN: BIQPUH
25. Цвекс М.В., Рушина М.А. Индивидуально-психологические особенности

- патриотичности и ценностные ориентации российских студентов // Психология и Психотехника. 2024. № 1. С. 105-118. DOI: 10.7256/2454-0722.2024.1.40986 EDN: MQMYYB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40986
26. Шнейдер, Л. Б., Хрусталева, В. В. Ассоциативный тест как основа конструирования методики изучения социальной идентичности // Вестник РМАТ. – 2014. – № 3. – С. 83-96. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rmat.ru/wysiwyg/file/about/vestnik/2014/3_2014.pdf (дата обращения: 20.04.2025). EDN: ТРНСГЗ
27. Шурухина, Г. А., Жданова, Л. А. Психологический анализ проявления патриотичности у старших школьников // Вестник РУДН. Серия "Педагогика и психология". – 2015. – № 3. – С. 45-50. [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics/article/view/13465/12895> (дата обращения: 10.04.2025). EDN: ULXZCN
28. Юревич, А. В., Журавлев, А. Л. Патриотизм как объект изучения психологической науки // Психология и общество. – 2016. – Т. 37, № 3. – С. 88-98. [Электронный ресурс]. URL: <https://lib.ipran.ru/paper/26153425> (дата обращения: 05.04.2025).
29. A Dictionary of Sociology / ed. John Scott, Gordon Marshall. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 816 p. DOI: 10.1093/acref/9780199533008.001.0001
30. Baumeister, A. Patriotism // Encyclopedia Britannica. – 2017. – 10 July. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britannica.com/topic/Nationalism-vs-Patriotism-Whats-the-Difference> (дата обращения: 24.03.2025).
31. Berzina, I. Patriotisms Latvijas jauniešu vidū un sabiedrībā // Latvijas Nacionālā aizsardzības akademija. Drošības un stratēģiskās pētniecības centrs. – 2018. – P. 1-26. [Электронный ресурс]. URL: https://www.naa.mil.lv/sites/naa/files/document/PETIJUMS_PATRIOTISMS.pdf (дата обращения: 05.04.2025).
32. Bērziņa, I. Latvijas sabiedrības un valsts attiecības Krievijas-Ukrainas kara kontekstā: DSPC stratēģiskais apskats 02/23. – Rīga: Latvijas Nacionālās aizsardzības akadēmijas Drošības un stratēģiskās pētniecības centrs, 2023. – 43 lpp. [Электронный ресурс]. URL: https://www.naa.mil.lv/sites/naa/files/document/I.Berzina_Latvijas_sabiedriba_%20un_valsts_attiecibas_Krievijas_Ukrainas_kara_konteksta.pdf (дата обращения: 10.04.2025).
33. Dražanova, L., Roberts, A. National attachments and good citizenship: a double-edged sword // Political Studies. – 2023. – P. 1-24. DOI: 10.1177/00323217221145
34. Hamada, T., Shimizu, M., Ebihara, T. Good patriotism, social consideration, environmental problem cognition, and pro-environmental attitudes and behaviors: a cross-sectional study of Chinese attitudes // SN Applied Sciences. – 2021. – Vol. 3. – P. 361. DOI: 10.1007/s42452-021-04358-1 EDN: KCCQSR
35. Kosterman, R., Feshbach, S. Toward a measure of patriotic and nationalistic attitudes // Political Psychology. – 1989. – Vol. 10. – P. 257-274. DOI: 10.2307/3791647
36. Marchenoka, M. The Empirical Research of the Attitude to the Concept Patriotism and of the Degree of its Comprehension Among Latvian Teenagers Under Conditions of Globalization // Society. Integration. Education: Proceedings of the International Scientific Conference. – 2021. – Vol. II. – P. 360-375. DOI: 10.17770/sie2021vol2.6165 EDN: SJGXHH
37. Rushina, M., Kameneva, G. Ethnic and Psychological Particularities of Patriotism in Students of the CIS Countries // Man in India. – 2016. – Vol. 97. – P. 213-223. [Электронный ресурс]. URL: https://serialsjournals.com/abstract/66184_ch_17_f-_17._rushina.pdf (дата обращения: 13.03.2025)
38. Rupar, M., Jamróz-Dolińska, K., Kołczek, M., Sekerdej, M. Is patriotism helpful to fight the crisis? The role of constructive patriotism, conventional patriotism, and glorification amid the COVID-19 pandemic // European Journal of Social Psychology. – 2021. – Vol. 51. – P. 862-877. – DOI: 10.1002/ejsp.2777. EDN: HPGLVA

39. Schatz, R. T. A Review and Integration of Research on Blind and Constructive Patriotism // *Handbook of Patriotism*. – 2018. – P. 1-19. DOI: 10.1007/978-3-319-54484-7_30
40. Schatz, R. T., Staub, E., Lavine, H. On the Varieties of National Attachment: Blind versus Constructive Patriotism // *Political Psychology*. – 1999. – Vol. 20, № 1. – P. 151-174. DOI: 10.1111/0162-895X.00140
41. Staub, E. Blind versus constructive patriotism: Moving from embeddedness in the group to critical loyalty and action // *Patriotism in the lives of individuals and nations* / ed. D. Bar-Tal, E. Staub. – Chicago: Nelson-Hall, 1997. – P. 213-228. DOI: 10.1016/j.paid.2022.111670
42. Walzer, M. Patriotism // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. – 2018. – 12 Oct. [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/patriotism/> (дата обращения: 14.02.2025)
43. Williams, R. L., Foster, L. N., Krohn, K. R. Relationship of patriotism measures to critical thinking and emphasis on civil liberties versus national security // *Analyses of Social Issues and Public Policy*. – 2008. – Vol. 8. – P. 139-156. DOI: 10.1111/j.1530-2415.2008.00165.x

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье являются индивидуально-психологические особенности патриотичности латвийских и российских студентов.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, метод сравнения, опросный метод, а также, как отмечается в статье, бланковый тест «Патриограмма» (С.И. Кудинов, А.В. Потёмкин), «Пятифакторный опросник» (P.T. Costa, R.R. McCrae) в различных адаптациях для российской и латвийской выборок, модель «Большая пятерка» и методы статистического анализа и описательной статистики.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку понимание патриотизма в современном мультикультурном социуме связано с множеством различных аспектов и факторов, а также зависит от специфики национальной культуры и системы ценностей в обществе. Патриотизм и патриотичность рассматриваются в качестве особых феноменов в рамках исследовательского поля различных наук, что детерминирует специфику понимания этих категорий. Кроме того, существуют специфика проявления патриотичности среди представителей различных социальных групп и национальностей, в том числе индивидуально-психологические особенности патриотичности. С этих точек зрения изучение индивидуально-психологических особенностей патриотичности латвийских и российских студентов, несомненно, представляет научный интерес в сообществе ученых и практический интерес в профессиональном сообществе.

Научная новизна статьи заключается в проведении по авторской методике исследования, направленного на изучение индивидуально-психологических особенностей патриотичности латвийских и российских студентов. В исследовании приняли участие 250 студентов ведущих вузов Латвии и 250 студентов ведущих вузов России, средний возраст респондентов составил 21,8 и 20,55 для каждой группы соответственно.

Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и применением научной терминологии и дефиниций, а также демонстрацией результатов исследования в

табличных формах, их подробным анализом и описанием.

Структура статьи в целом выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. В структуре данного исследования представлены такие элементы как введение, обзор литературы, материалы и методы, результаты исследования, обсуждение результатов, заключение и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет регрессионный анализ влияния факторов личности на переменные патриотичности у российских и латвийских студентов, что наглядно представлено в таблице 3 рукописи.

Библиография содержит 43 источника, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания, а также электронные ресурсы.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующие специфику понимания категорий патриотизма и патриотичности, а также особенности методик их исследования. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся очень краткие выводы, касающиеся предметной области исследования, представленные в заключении. В частности, отмечается, что проведение исследования дало возможность выделить два вида патриотичности, «обозначенных как условно конструктивный и условно неконструктивный», а также определить индивидуально-психологическую специфику патриотичности в сравниваемых группах, что подробно описано в рамках представленной рукописи.

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководством и администрацией образовательных организаций, специалистами по работе с молодежью, работниками по воспитательной работе со студентами, психологами, социологами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что при описании характеристик выборки стоило бы указать названия образовательной образовательных организаций, студенты которых приняли участие в исследовании, возможно, стоило бы конкретизировать направления обучения участников, а не ограничиваться только упоминанием, что респонденты из «ведущих латвийских вузов» и «ведущих российских вузов». При оформлении таблиц и сносок необходимо обратить внимание на требования действующих ГОСТов, оформить их в соответствии с этими требованиями, особое внимание при этом следует уделить единообразию представления сносок в тексте, например, в рукописи встречается такая форма «[Бирюков, Васильев, 1997]» без указания номера источника, а также есть указание страниц в источнике, как «...[11, стр. 90-94]», «...[16, стр. 22]» и т.д. Кроме того, в тексте рукописи упоминается таблица 4, хотя фактически в исследовании представлены таблица 1, 2 и 3, поэтому необходимо обратить внимание на соответствие упоминания номеров таблиц в тексте конкретным табличным формам. Выводы по проведенному исследованию целесообразно было сформулировать более ёмко и подробно, а не ограничиваться лишь их кратким описанием в заключении. Касательно выравнивания названий разделов (структурных элементов) статьи, возможно, стоило бы применить выравнивание по левому краю, а не по правому краю. Указанные недостатки не снижают высокую степень научной и практической значимости самого исследования, однако их необходимо оперативно устраниТЬ и внести соответствующие уточнения и дополнения в текст статьи. Рукопись рекомендуется отправить на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования: индивидуально-психологические особенности патриотичности латвийских и российских студентов.

Методология исследования: Цель эмпирического исследования: выявить индивидуально-психологические особенности патриотичности российских и латвийских студентов.

Выборку составили: - 250 студентов ведущих латвийских вузов: 89 студентов Латвийского Университета (LU), 113 студентов Рижского Университета им. Стадыня (RSU), 48 студентов Рижского Технического Университета (RTU). Методики исследования:

1. Бланковый тест «Патриограмма» (С.И. Кудинов, А.В. Потёмкин) для российской выборки и бланковый тест «Патриограмма» (С.И. Кудинов, А.В. Потёмкин в латышской апробации М.В. Цвека и М.А. Рушиной) для латвийской выборки.
2. «Пятифакторный опросник» (P.T. Costa, R.R. McCrae, в русской адаптации М.В. Бодунова и С.Д. Бирюкова) для российской выборки «Пятифакторный опросник» (P.T. Costa, R.R. McCrae, в латышской адаптации A. Rošane) для латвийской выборки.

Не представлены и не описаны статистические методы исследования.

Актуальность: актуальность исследования обусловлена тем, что на сегодняшний день, в связи с активными изменениями в мировой геополитике проблема патриотизма приобрела особую значимость.

Научная новизна: рецензируемая статья обладает научной новизной, поскольку автором изучены особенности проявления патриотичности у российских и латвийских студентов, которые обусловлены как сходствами, так и различиями в структуре патриотичности и доминированием его отдельных компонент.

Стиль, структура, содержание: статья хорошо структурирована, написана четким и научным языком, выводы обоснованы, литература соответствует, заявленной тематике.

Библиография: Все разделы статьи логически взаимосвязаны, а положения статьи подтверждены цитатами из авторитетных источников и ссылками на научные исследования. Не во всех источниках представлен doi.

Апелляция к оппонентам: апелляция к оппонентам была представлена. К примеру, "А.И. Крупнову каждое свойство личности содержит в себе структурное единство мотивационно-смысовых и инструментально-динамических компонентов. Функцией мотивационно-смыслового блока является осуществление выбора и приоритета тех или иных смыслов предметных отношений и побуждений".

Выводы, интерес читательской аудитории: интересным представляется вывод о том, что у российских и латвийских студентов патриотичность проявляется преимущественно через гармонические переменные, отражающие ориентацию на социально-значимые ценности, переживание положительных эмоций в процессе проявления данного свойства, интернальный тип саморегуляции, преобладание социоцентрических мотивов и осмысленное отношение к данному феномену.

Однако, нигде не описан практический выход данного исследования. Не составлены практические рекомендации для психологов образовательных учреждений.

Рекомендуется добавить рубрику «Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении» и описать данную рубрику.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Тема патриотизма и его психологических особенностей у молодёжи является высокоактуальной в условиях современных геополитических изменений. Исследование соответствует специализации журнала «Психолог», поскольку посвящено изучению личностных свойств, их структуры и проявлений в разных культурных контекстах. Сравнительный анализ российских и латвийских студентов позволяет выявить как универсальные, так и специфические черты патриотичности, что представляет интерес для социальной и кросс-культурной психологии.

Представленная статья представляет несомненный научный интерес и выполнена на высоком методическом уровне. Вместе с тем, в условиях повышенной социополитической чувствительности тематики патриотизма в современном международном контексте, считаю необходимым рекомендовать авторам доработку рукописи с учетом следующих аспектов:

1. Усиление академической нейтральности интерпретаций.

В разделе «Обсуждение» следует исключить любые формулировки, которые могут быть интерпретированы как сравнительная оценка эффективности патриотизма (например, «более практический и интегрированный характер» у одной группы против «трудности и неопределенность» у другой). Целесообразно сместить акцент с кросс-культурного сравнения на анализ многомерной структуры феномена патриотичности как такового, используя данные обеих выборок для выявления универсальных и вариативных компонентов.

2. Углубление методологического обоснования.

Необходимо более подробно обосновать репрезентативность выборок в условиях сложного политического и медийного контекста обеих стран. Рекомендуется добавить анализ потенциальных смещающих факторов (например, влияние социальной желательности в условиях публичной дискуссии о патриотизме).

3. Контекстуализация результатов.

В разделе «Введение» и «Обсуждение» требуется более сбалансированный анализ

политического и исторического контекста обеих стран, без оценочных суждений. Следует подчеркнуть теоретический вклад работы в психологию личности и кросскультурные исследования, минимизируя потенциал для спекулятивных политических интерпретаций.

Также предлагается заменить термины «условно конструктивный» и «условно неконструктивный» на более нейтральные («интегративный» и «дифференцированный» типы патриотичности). В аннотации и выводах следует акцентировать изучение психологической структуры свойства личности, а не сравнительную оценку групп. В раздел «Перспективы исследований» необходимо включить пункт о методологических ограничениях, связанных с политизированностью понятия «патриотизм» и его различной семантической нагрузкой в российском и латвийском социокультурном контексте.

Статья обладает значительным научным потенциалом и после соответствующей доработки с учетом приведенных рекомендаций сможет внести важный вклад в развитие психологии личности. Указанные правки позволяют: усилить академическую нейтральность работы; минимизировать риски неправомерных политических интерпретаций; повысить методологическую строгость исследования.

Отмеченные замечания носят частный характер и не ставят под сомнение научную ценность, новизну и обоснованность выводов работы. Соответствие темы специализации журнала, релевантность методологии поставленным задачам, объем и качество используемой литературы, а также практическая значимость полученных результатов являются безусловными достоинствами представленной рукописи.

Статья «Индивидуально-психологические особенности патриотичности латвийских и российских студентов» представляет собой законченное, методологически грамотное и научно обоснованное исследование. Работа соответствует критериям научной публикации и рекомендуется к публикации после устранения замечаний.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Пачколина А.В. К вопросу об измерении уровня ролевого стресса работающих матерей // Психолог. 2025. № 5.
DOI: 10.25136/2409-8701.2025.5.72259 EDN: BCZTUF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72259

К вопросу об измерении уровня ролевого стресса работающих матерей

Пачколина Анастасия Владимировна

соискатель, кафедра Педагогической и прикладной психологии, Самарский филиал
Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования "Московский
городской педагогический университет"

443068, Россия, Самарская область, г. Самара, ул. Ново Садовая, 106 к 106, оф. 316

 stasya-lu@yandex.ru

[Статья из рубрики "Спектр эмоциональных переживаний"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2025.5.72259

EDN:

BCZTUF

Дата направления статьи в редакцию:

08-11-2024

Аннотация: Современный мир сложно представить без активной социальной позиции женщин, мало кого удивит женщина учёный, руководитель или исследователь космоса. Однако, рождение и воспитание детей не отошли на второй план, женщины по-прежнему активно включены в роль матери и хозяйки. Многоплановость выполняемых ролей, высокие социальные требования и попытка совместить карьеру и материнство создаёт риски к возникновению внутриличностного конфликта, который значительно снижает качество жизни как самих женщин, так и их детей. Статья предлагает достаточно новую модель ролевых стрессов для понимания внутриличностного конфликта работающей матери, которая включает в себя такие компоненты, как ролевая неоднозначность, ролевой конфликт и ролевая перегрузка. Анализ результатов исследований отечественных и зарубежных авторов помог сформулировать основные причины возникновения ролевых стрессов, а также психологические области их проявлений. В статье обозначены ключевые конструкты, характеризующие те сферы жизни работающей матери, которые наиболее чувствительны для проявления ролевых стрессов. Сформулированы определения всех ключевых понятий, раскрывающие заложенный смысл феномена ролевой неоднозначности, ролевых конфликтов и ролевой перегрузки,

описаны формы их проявления. На основе практики психологического консультирования: -были выделены лексические компоненты отражающие мысли, чувства, действия, ситуационный контекст и опыт личных реакций негативных переживаний в ответ на несоответствие ролевым ожиданиям; - разработан «Опросник ролевых стрессов», который отражает совокупность наиболее ярко выраженных психологических компонентов внутриличностного конфликта, приводящего к возникновению ролевых стрессов. Представленные в публикации результаты систематизации факторов, лежащих в основе внутриличностного конфликта работающей матери, закладывают основу для дальнейшего исследования проблемы и разработки диагностического инструмента в понимании проблемы ролевых стрессов работающих матерей.

Ключевые слова:

ролевой конфликт, ролевая перегрузка, ролевая неоднозначность, гендерно-ролевой конфликт, роль, работающие матери, ситуационный контекст, опыт личных реакций, психологические области, модель конфликта

Введение

Повседневная жизнь человека наполнена исполнением различных социальных ролей, а чем сложнее устроены общественные отношения, тем многообразнее и разносторонне репертуар применяемых ролей отдельной личности. До середины XIX века женские роли определялись прежде всего её происхождением и социальной стратой. Так женщина, принадлежащая к дворянскому сословию, должна была стремиться, а в последующем и реализовывать роль супруги, роль матери для неё была вторична и сводилась к функции рождения потомства, сохранению рода и фамилии. В более бедных слоях общества женщина ценилась не только как жена и спутница мужа, готовая во всём его поддерживать и сохранить его род, но и как работница. Без роли хорошей труженицы женщина не могла занимать уважаемое положение в коллективе. Данное положение было свойственно для всех стран Европы [4]. С середины XIX столетия в состоятельных слоях общества наметилась тенденция к тому, чтобы женщины играли более значимую роль в социуме. Они стали получать образование, работать на благо общества, науки и искусства. Однако настоящий расцвет и расширение социальных ролей женщин пришлись на первую половину XX века. Наиболее прогрессивным государством того времени в отношении прав женщин и возможности реализации профессиональных ролей был Советский Союз [17]. Однако, возможность получения нового статуса в обществе и расширение ролевого диапазона создало новые трудности и уже в 30-е гг. в научной общественности заговорили о перегруженности женщин и сложностях в одновременной реализации роли матери, хозяйки, супруги и профессионала. В последующем в науке появился термин «двойная нагрузка женщин», а учёные из области демографии поднимали вопрос о разрешении данной проблемы экономическим и социальным путём [6]. Несмотря на очевидную значимость проблемы ролевого конфликта работающей матери, в отечественной психологии она начала активно изучаться только в конце 80-х годов XX века. Ю.Е. Алёшина, Е.В. Лекторская [11] и О.А. Гаврилица [7], признавая актуальность темы, разработали первый опросник и выделили психологические аспекты, влияющие на возникновение ролевого конфликта. Однако этих исследований оказалось недостаточно для глубокого понимания проблемы и анализа её динамики как в

социально-историческом контексте, так и на внутриличностном уровне.

Таким образом, можно сделать вывод, что в российской психологии тема ролевых конфликтов работающих матерей исследована недостаточно как с теоретической, так и с диагностической точки зрения, что затрудняет полное осмысление специфики этой проблемы. Именно поэтому цель нашей работы: объединить опыт исследований ролевых конфликтов, накопленный в отечественной и зарубежной психологии, и разработать оригинальную диагностическую методику для изучения ролевых конфликтов работающей матери.

Задачи: 1. Рассмотреть основные идеи ролевых теорий. 2. Исследовать природу возникновения ролевых конфликтов. 3. Проанализировать особенности подходов в изучении ролевых конфликтов в отечественной и зарубежной литературе. 4. Выделить основные диагностические методики, применяемые в научных исследованиях разных стран. 5. Разработать положения методики «Опросника ролевых стрессов работающей матери».

Проблема исследований ролевых конфликтов в отечественной и зарубежной психологии

В западной психологии научный интерес к ролевому конфликту работающей женщины возник в начале 70-х гг. XX века и был вызван изменениями в традиционном укладе семьи, большей эмансипацией женщин и культурной революцией, благодаря которой женщины активно стали реализовывать свои профессиональные роли. Так активная реализация в области карьеры, начавшаяся с 60-х гг., показала повышение уровня стресса и неудовлетворённости среди женщин [15]. Группой американских ученых Л. Хоффман, Д. Невил и С. Дамико были проведены эмпирические исследования направленные на изучение тревоги и стресса, которые возникали в процессе выполнения профессиональных ролей, но результаты показали, что не все женщины подвержены дополнительному стрессу при расширении репертуара социальных ролей. Тем самым исследования показали более сложную природу возникновения ролевого конфликта [27].

Для понимания природы ролевого конфликта необходимо обратиться к истории исследования и разработки данного понятия. Понятие «роль» пришло в социологию, а в последующем и в психологию, из театральной сферы. Французское rôle буквально переводится как свиток в котором был прописан сценарий для актёров. Таким образом, роль – это предписанное действие, обусловленное внешними факторами. В начале XX века данное понятие перекочевало в социологию, такие ученые как М. Вебер, Г. Зиммель, Т. Парсонс связывали роль с внешними проявлениями поведения, которые общество налагает на человека. Дж. Мид одним из первых стал использовать понятие «роль» в контексте эмоциональной включенности человека во взаимоотношения с другими людьми [8]. В последующем понятие роли стало расширяться и Р. Линтон помимо внешних проявлений поведения добавил ценностные установки необходимые для поддержания занимаемого статуса. Помимо этого, Р. Линтон разделил все роли на активные и латентные, по его мнению человек не может выполнять одновременно несколько ролей, он всегда будет сосредоточен на одной роли, тем самым помещая остальные роли в латентное состояние. Сам выбор ведущей роли и приоритетности поведения может создавать для личности внутреннее сопротивление и противоречие [14]. Т. Парсонс и коллеги указывают на индивидуальный компонент, который необходимо учитывать в изучении структурных элементов роли – одна и так же роль

разными людьми будет выражаться индивидуальным способом. Отечественные психологи И. С. Кон, Л.П. Буева, А. Л. Свенцицкий также указывают на то, что проявляясь через деятельность личность вносит свой уникальный и неповторимый вклад в социальную структуру и ролевое исполнение [13]. Т. Шибутани выделил два типа ролей: конвенциональные и межличностные. К первым относятся роли, которые общеприняты в обществе и имеют чёткие представления о нормах и правилах поведения. Эти роли соответствуют статусу человека в обществе. Межличностные роли менее детерминированы и не имеют чётких представлений, определяются характером взаимодействия людей друг с другом, связь со статусом не столь очевидна, либо полностью отсутствует. Это разделение напоминает концепцию, предложенную С. Сарбинным и В. Алленом. Они выделили два типа ролей: формальные и неформальные. Формальные роли связаны с макроструктурой и имеют документальное подтверждение прав, обязанностей и правил поведения. Неформальные роли характерны для микроструктуры и возникают в системе неофициальных отношений. Дж. Морено предложил разделить роли на специфические (сituационные) и диффузные (личностные). Специфические роли строятся на основе узко поставленных целей и ограничены в диапазоне действий. Диффузные роли не имеют специальной направленности, но определяют индивида как личность и могут формировать его идентичность [2].

Само понятие «работающая мать» несёт в себе несколько ролевых компонентов, которые могут нести противоречие. Роль профессионала – несёт социальный статус, является диффузной, детерминированной, формальной и, в зависимости от ситуации, активной или латентной. Роль матери – определяется большинством культур как социальный статус, диффузна, в определенной степени формальна, т.к. закреплена на уровне законодательства, детерминирована, но в тоже время несёт межличностный характер и определяется характером взаимодействия людей друг с другом. Характер латентности роли матери так же нельзя назвать определённым, в зависимости от возраста, самочувствия и от степени самостоятельности роль матери может сохранять свою активную функцию, даже при выполнении профессиональных обязанностей. Относительно равные характеристики роли матери и роли профессионала закладывают основу для возникновения ролевого конфликта работающей матери.

Таким образом, можно заключить, что роль – это способ взаимодействия в группе, который предписывает те или иные нормы и правила поведения индивида, а также эмоционально включает человека в систему группового взаимодействия. Переходя к проблеме ролевых конфликтов важно выделить несколько подходов, которые отражают комплекс характеристик ролевых конфликтов и причины их возникновения. Первый подход описывает ролевой конфликт внутри одной роли. С.И. Ёрина рассматривает ролевой конфликт как состояние психологического конфликта, возникающее у человека при столкновении с противоречивыми требованиями и ожиданиями, связанными с выполнением определённой социальной роли, и несовместимости между требованиями и ожиданиями от носителя роли [11]. Система ожиданий представляет собой совокупность норм, моделей поведения и реакций, которые считаются приемлемыми для данной роли. Эти ожидания могут быть как формальными, установленными институтами, так и неформальными, но это не влияет на развитие и интенсивность ролевого конфликта. Дж. Пьери и А.М. Торрес также рассматривают ролевой конфликт с позиции несоответствия между ожиданиями ролевого поведения и выполнения ролевых обязанностей. Их исследования касались области выполнения профессиональных ролей и главными факторами вызывающими ролевой конфликт назывались: выполнение профессиональной

роли и социальная значимость или защищённость; ожидания других людей и их оценка качества выполнения; чёткость и понятность в постановке рабочих задач и уровень необходимых компетенций [38]. Таким образом, к ролевому конфликту, возникающему в рамках выполнения одной роли стали применять термин – ролевая неоднозначность.

Следующий подход к пониманию ролевых конфликтов основывается на теории У.Дж. Гуда, который считал, что все социальные институты поддерживаются благодаря ролевым взаимоотношениям [24]. Человек всегда испытывает ролевое напряжение, т.к. выполнение ролей требует определённых личностных усилий, на данном напряжении держится социальное взаимодействие и функционирование. Чрезмерное напряжение и невозможность преодолеть противоречия приводят к ролевому конфликту, который по мнению У. Дж Гуда, может возникать как внутри одной роли, так и между ролями. Исследованием межролевого конфликта продолжили заниматься Р. Кан и Д. Кац. При разработке своей модели ролевого конфликта, они обратили внимание на тот факт, что человек испытывает трудности в реализации той или иной роли при слишком большом количестве обязанностей и объективном дефиците времени или энергии при реализации ролевого поведения. Для выделения данного явления в отдельную категорию ролевого конфликта авторы ввели понятие – «ролевая перегрузка». По их мнению данный термин применим как для перегрузки внутри одной роли, так и при выполнении множества ролей. Концепцию ролевой перегрузки Р. Кана и Д. Каца стали активно применять в области организационной психологии и профилактики конфликтов в рабочей среде [31]. Группа исследователей С.Б. Бахарах, П.Р. Бамбергер и С.К. Конли разработал шкалу «ролевой перегрузки» применяемой в рабочих коллективах, диагностика помогает своевременно выявить ролевую перегрузку сотрудников и предотвратить ролевые конфликты в организации [20].

Ролевая перегрузка внутри роли матери не нашла отражение ни в западной, ни в отечественной психологии, данное упущение можно объяснить тем, что ролевая перегрузка близка к пониманию эмоционального выгорания и традиционно относится к профессиональной сфере. Однако само эмоционально сложное состояние матерей отмечается в ряде публикаций, посвященных послеродовому периоду и принятию новой для женщины идентичности – матери. Кэтрин Рабуцци описывает ролевую перегрузку послеродового периода обозначая его термином «Мама сама», когда в опыт женщины внезапно приходит необходимость выполнять огромное количество новых обязанностей [28].

Таким образом, мы видим многообразие видов ролевых конфликтов, которое затрагивает как трудности внутри одной роли, так и межролевое взаимодействие, а также имеет разную причину появления и характер протекания, что в значительной степени определяет выбор стратегии разрешения ролевых конфликтов. Уже в 1964 году группа исследователей Р.Л. Кан, Д.М. Вулф, Р.П. Куинн, Дж.Д. Снук и Р.А. Розенталь объединили все конфликты, связанные с ролевым взаимодействием, в понятие «ролевые стрессы», в которое входили ролевая неоднозначность, ролевая перегрузка и межролевой конфликт [31]. Данный термин активно используется в западной психологии и имеет богатую историю эмпирических исследований различных социальных групп. Наиболее часто встречающиеся методики в англоязычной литературе посвященные ролевому стрессу:

- Риццо, Р. Дж. «Шкала ролевого конфликта» (IRCS) (1970) [39];

- Парик, У. «Шкала организационного стресса» (1983) [\[36\]](#);
- Джим О' Нил «Опросник гендерных ролевых конфликтов» (GRCS) [\[35\]](#);
- Р. Хаус, Р.С. Шулер, Э. Леванони «Ролевой конфликт и ролевая неоднозначность у сотрудников в сложных организациях» (1983) [\[30\]](#).
- Пейро Дж. М. Генеральный Опросник Ролевой Неоднозначности (the Role-Ambiguity General Questionnaire) [\[37\]](#).
- Б. Л. Гиллеспи, Р. М. Эйслер «Когнитивно-поведенческий показатель стресса, оценки и преодоления стресса у женщин» (1992) [\[23\]](#).

В русскоязычной научной мысли ролевые конфликты традиционно изучались в рамках конфликтологии и относились к группе внутриличностных конфликтов. В психологическом словаре Б.Г. Мещеряковой, В.П. Зинченко ролевой конфликт определяется как один из видов внутриличностного конфликта, который возникает в результате противоречий между требованиями к носителю роли и возможностями самой личности. Другая трактовка ролевого конфликта звучит как тип конфликтов вследствие хронической несогласованности между двумя и более социальными ролями [\[5\]](#).

Первые исследования в области внутриличностных конфликтов мы можем встретить в основном у представителей клинического направления, таких как Ю.А. Александровский, А.В. Вальдман, В.С. Мерлин В.Н. Мясищев, где внутриличностный конфликт рассматривался скорее, как причина возникновения невротических реакций [\[10\]](#). Впервые исследования в области непосредственно ролевых конфликтов стали появляться в 80-е гг. XX века. С.И. Ёрина, в своих исследованиях выделила ролевой конфликт как объект исследования и указывала на его субъективно-объективную природу, имеющую сложную и противоречивую структуру. По её мнению, несмотря на то что ролевой конфликт возникает в ходе трудновыполнимых или неоднозначных требований он также является движущей силой развития личности [\[11\]](#).

А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов в своей классификации внутриличностных конфликтов акцентируют внимание на типе противоречия внутри самой личности. По их мнению противоречия между внутриличностными субъективными структурами и социальной средой приводят к невозможности принять то или иное решение относительно собственного развития, социального взаимодействия и реализации потенциала. А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов предлагают шесть возможных вариантов внутриличностных конфликтов:

- мотивационный между «хочу» и «хочу»;
- конфликт неадекватной самооценки «могу» и «могу»;
- конфликт нереализованного желания между «хочу» и «не могу»;
- ролевой между «нужно» и «нужно»;
- нравственный между «хочу» и «нужно»;
- адаптационный между «нужно» и «могу» [\[3\]](#).

Существенный вклад в понимании ролевых конфликтов внёс П.П. Горностай [\[9\]](#). В своих

исследованиях он уделил особое внимание разработке концепции локуса ролевого конфликта. По мнению автора, у каждого человека есть относительно стабильная поведенческая реакция в ситуациях ролевых конфликтов. Отстаивая собственную ролевую идентичность и вступая во внешние конфликты, человек демонстрирует интернальный локус ролевого конфликта. Склонность к избеганию конфликтов, конформность в поведении указывают на экстернальный локус ролевого конфликта. Именно экстернальный локус ролевого конфликта приводит к внутриличностному ролевому конфликту человека.

Важно отметить, что все исследователи приходят к выводу, что внутриличностный конфликт выражается не только негативными переживаниями, направленными в качестве критики, негативной оценкой самого себя, обидчивостью, мнительностью, но и проявлением той или иной враждебности по отношению к другим людям.

Тема ролевых конфликтов работающих женщин имеет несколько разную историю изучения в зарубежной и отечественной психологии. В западной психологии начало исследований данной проблемы мы можем увидеть с 70-х гг XX века, и интерес к ней не затихает вплоть до настоящего времени. В России первые исследования датированы концом 80-х XX века, но в настоящий момент исследования ролевых конфликтов работающих мам, носят фрагментарный характер и смешены в область материнской идентичности, гендерно-ролевых аспектов профессиональной деятельности, и не носят целостного характера, помогающего многосторонне исследовать аспекты ролевого взаимодействия данной социальной группы [\[16\]](#).

Основным препятствием в изучении ролевых стрессов работающей матери является недостаточное количество диагностических методик, которые смогли бы отразить основные компоненты, входящие в его структуру и формирующие внутриличностный конфликт. Русскоязычные методики, такие как Тест выявления внутриличностной конфликтности А.И. Шипилова [\[19\]](#), Локус ролевого конфликта П.П. Горностая [\[9\]](#) и Ролевой конфликт работающей женщины О.А. Гаврилицы [\[7\]](#) имеют хорошее теоретическое обоснование, степень надежности и валидности, а также с успехом применяются в научных исследованиях на протяжении последних 30 лет, однако они не могут удовлетворить запрос в исследовании всех сторон феномена ролевых стрессов. Разработка и апробация представленных методик проходили в 90-е гг. XX века, динамика исторического развития общества требует расширения диагностического инструментария в исследовании личности работающих матерей. Так, тест А. И. Шипилова достаточно широк в исследовании типов конфликта, но в нём нет вопросов, направленных на изучение внутренних субъективных переживаний респондента. Опросник О. А. Гаврилицы может быть использован только для женщин, находящихся в браке, тем самым исключаются женщины, переживающие ролевой конфликт и не состоящие в браке на момент исследования. Локус ролевого конфликта П.П. Горностая во многом определяет склонность личности к внешнему или внутреннему конфликту, но не учитывает гендерный аспект влияния. Все вышеперечисленные факторы указывают на необходимость разработки нового диагностического инструмента для выявления ролевых стрессов работающих матерей.

Результатом анализа существующих подходов и методик в области ролевых взаимодействий личности, стала идея создания оригинальной методики, помогающей изучить описанные ранее ролевые компоненты с учётом структурного подхода. В связи с этим, целью данного исследования является теоретическая разработка «Опросника ролевых стрессов работающих матерей».

Теоретическое обоснование опросника ролевых стрессов работающих матерей

Разрабатывая «Опросник ролевых стрессов работающих матерей», мы взяли за основу модель ролевого стресса (Дж. Пьери и А.М. Торреса, Б. Бидл, Дж. Джеселс, Е. Куб, Р. Кан и Д. Кац) [30], а также методику «Конфликта гендерных ролей» (GRCS) Джима О' Нила [20].

Модель «Конфликта гендерных ролей» (GRCS) отражает ограничение потенциала человека, переживающего ролевой гендерный конфликт, или совершение того или иного действия, направленного на ограничение потенциала другого человека, в основе которого лежит ригидность в восприятии требований к выполнению гендерной роли. Данная проблематика применима не только для гендерного конфликта ролей, но и для всех внутриличностных и межличностных ролевых конфликтов. Джим О' Нил предложил рассматривать конфликт гендерных ролей через:

- четыре психологические области;
- три формы опыта личных реакций;
- три ситуационных контекста.

Используя предложенную градацию мы адаптировали её согласно поставленным целям настоящего исследования, а также добавили компоненты ролевого стресса. Ниже будут разобраны и операционально представлены все включенные нами компоненты ролевого конфликта. Схематично разработанную структуру ролевого конфликта можно представить посредством трехмерной графической модели, где компоненты ролевого конфликта расположены по горизонтальной, фронтальной и профильной плоскостям (Рис.1).

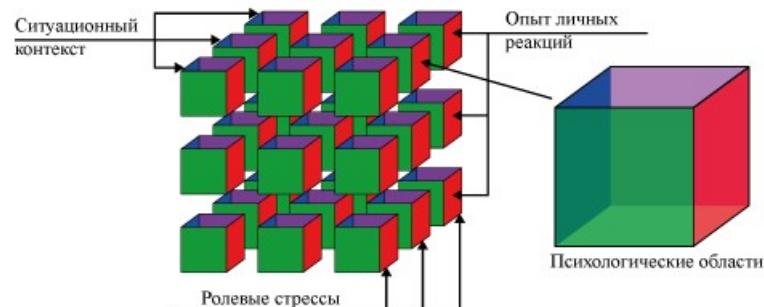

Рисунок 1. Образно-описательная модель ролевых стрессов.

Первый составной элемент в нашей схеме ролевого конфликта обозначается психологической областью, который включает когнитивные, эмоциональные, бессознательные или поведенческие уровни восприятия конфликта (Рис.2).

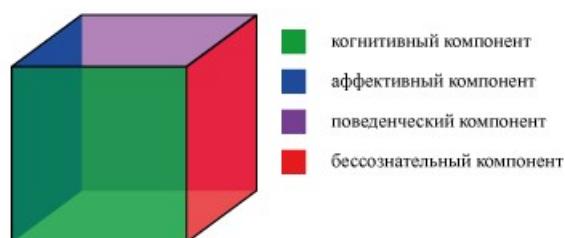

Рисунок 2. Психологические области

Таким образом ролевой конфликт действует на четырех пересекающихся и сложных уровнях:

1. Когнитивном – как человек думает о выполнении своей роли;
- 2 . Аффективном – какие эмоциональные реакции сопровождают человека при выполнении той или иной роли;
- 3 . Поведенческом – как субъект действует в рамках используемой роли или как реагирует по отношению к другим людям видя их ролевое поведение;
4. Бессознательном – как мотивы, находящиеся за пределами нашего сознания, влияют на поведение и порождают конфликты (О'Нил и др., 1986) [\[201\]](#).

Представленная графическая модель в виде куба, каждой своей гранью задаёт один из четырёх психологических компонентов и представлена таким образом, что будет встроена в соответствующую характеристику ограничивающего потенциала ролевого стресса. Подобное графическое изображение необходимо для составления более сложной и многофакторной модели изучаемого нами ролевого конфликта работающей женщины.

В нашей анкете мы намерены исследовать только три уровня - когнитивный, аффективны и поведенческий, т.к. придерживаемся той позиции, что бессознательную сторону отношения к выполняемой роли можно исследовать в индивидуальной психотерапии или посредством иных, в частности, невербальных, методик.

Фронтальная плоскость, разделенная на три ряда, будет отражать три вида ролевых стрессов: неоднозначность роли, ролевой конфликт и ролевую перегрузку, из которых первых два считаются основными, и им посвящено наибольшее количество эмпирических исследований.

1. Неоднозначность роли (*role ambiguity*) – рассматривается как конфликтная ситуация, когда противоречие в требованиях возникает между двумя разновидностями одной роли.
2. Ролевой конфликт (*role conflict*) – между двумя ролями, предъявляющими сложно совместимые требования.
3. Ролевая перегрузка (*role overload*) - это ситуация исчерпывания ресурсов ролевого поведения, приводящая к эмоциональному "выгоранию" (*burnout*) человека [\[31\]](#).

Размещая элементы психологических компонентов в три горизонтальные плоскости, мы отразим, выделенный О'Нил, опыт личных реакций и негативных переживаний, которые испытывает индивид, столкнувшись с несоответствием по ролевым ожиданиям. К ним относятся:

1. Девальвация (*devaluations*) роли - это негативная критика самого себя или других людей, при несоответствии, отклонении или нарушении стереотипных ролевых норм, предписанных обществом. Девальвации приводят к снижению статуса, авторитета или положительного отношения.
2. Ограничения (*restrictions*) роли - возникают, когда сам человек или другие люди ограничивают себя стереотипными нормами, предписанными обществом. Ограничения приводят к трудностям в поведении, в раскрытии личного потенциала и здоровому

проявлению человеческой свободы.

3. Дискриминация (*violations*) роли - это причинение вреда самому себе или причинение вреда другими, в ситуациях, когда поведение отклоняется от ролевых норм, установленных в социуме. По сути данный уровень близок к понятию насилия, ощущаемого от окружающих (чувствовать себя жертвой) или причинять насилие как психологическое, так и физическое по отношению к другому человеку (быть преследователем).

Первый ряд отражает девальвацию в ролевом конфликте, второй – ограничение, третий – дискриминацию, но каждый из компонентов будет выражаться через психологические области, а именно через мысли, чувства, поведение, бессознательные установки.

Рассмотрим следующий уровень структуры ролевых конфликтов, представленный Дж. О'Нил – ситуационный контекст конфликта. Ситуационный контекст – это обстановка или ситуация, в которой происходит общение или передача информации [\[20\]](#). Любой конфликт в жизни человека представляет собой социальную ситуацию в рамках субъективного контекста. Ситуационный контекст включает в себя физическое окружение, невербальные сигналы, знания о собеседниках и другие факторы, которые влияют на понимание текста. Т.е. в данной работе к факторам ситуационного контекста конфликта будут относиться те установки и стереотипы, которые отражают ролевые взаимодействиям по отношению исполнения роли матери или профессионала, и вызывающие у человека переживания, проявляющиеся в виде девальвации, ограничения и дискриминации.

Таким образом, ситуационный контекст ролевого конфликта – это бесчисленное количество прямых или косвенных ситуаций, в которых установки, стереотипы и модели поведения сталкиваются с ролевыми ожиданиями. О'Нил сужает все ситуационные контексты до трёх направлений:

1. Within the man (внутри самого человека);
2. Expressed toward others (по отношению к другим людям);
3. Expressed from others (переживаемый из-за других людей).

Однако, данная терминология не совсем удобна для русскоязычного читателя, поэтому мы используем следующую терминологию:

1. Интернальный контекст (сituационный контекст, переживаемый внутри самого человека) – опыт переживания эмоций и мыслей, связанных с негативной оценкой себя, ограничениям по отношению к себе и самонаказанием.
2. Экстернальный контекст (сituационный контекст по отношению к другим людям) – действия, высказывания, стереотипные установки, которые потенциально обесценивают, ограничивают или проявляют то или иное насилие в отношении к другому. Нами будет использоваться термин.
3. Кетеральный контекст (*ceterus* от лат. прочий, иной, ситуационный контекст, переживаемый из-за других людей) – это межличностный опыт в проживании ролевого конфликта, полученный от людей, с которыми происходило взаимодействие, приводящее к переживанию личной девальвации, ограничению или дискриминации себя как личности.

Ситуационный контекст отражен в трёх рядах профильной плоскости. Данный уровень определяет в какой ситуации человек может переживать психологическое напряжение в большей степени при отклонении от норм и установок социальной среды.

Сбор и анализ данных используемых при разработки «Опросника ролевых стрессов работающих матерей»

Опираясь на представленную модель нами было проведено предварительное исследование в ходе которого составлен перечень утверждений, определяющий смысловую основу «Опросника ролевых стрессов работающих матерей» и маркирующий установки, отражающие наличие внутриличностного ролевого конфликта. Фразы в опроснике строятся по принципу синтагма-парадигматических отношений.

На данном этапе разработки опросника нами использовались методы фокус-группы и интерактивного исследования. Для систематизации мнения респондентов была использована методика герменевтического феноменологического тематического анализа Макса ван Манена [32]. В ходе анализа интервью из практики психологического консультирования в медицинских и социальных учреждениях города Самары за период 2024 года, нами были изучены протоколы 143 женщин, обратившихся за помощью с жалобами на трудности взаимоотношений с детьми и близкими, кризисом в профессиональном развитии, неудовлетворённостью текущими событиями жизни. Возраст женщин от 25 лет до 51 года. Все отобранные для исследования женщины имеют высшее образование. 85 женщин (59,4%) имеют двух детей; 44 (30,7%) женщины – одного ребенка; 14 (9,7%) женщин – трёх и более детей. 89 (62,2%) женщин работают в найме на полном рабочем дне, 25 (17,4%) женщин зарегистрированы как индивидуальные предприниматели; 12 (8,4%) женщин отметили свой доход, как непостоянные подработки; 8 (5,5%) женщин имеют не полный рабочий день; 6 (4,1%) женщин готовятся выйти из декретного отпуска на основное место работы; 3 (2,1%) женщины работают в компании супруга. Замужем 94 (65,7%) женщины, но 15 человек отметили, что брак не зарегистрирован; в разводе 46 (32,2%); вдовы 3 (2,1%) женщины.

Женщины в свободной форме излагали свой опыт материнства, трудности с которыми им пришлось столкнуться. Интервьюер выделял и записывал фразы отражающие переживания в реализации роли матери или роли профессионала. Также интервьюер имел несколько заранее заготовленных вопросов, которые использовались для поддержки беседы в парадигме темы обращения и ограничивали диалог в выбранной смысловой концепции, так же вопросы предполагали открытые ответы:

1. От кого Вы ощущали наибольшую поддержку в самые трудные моменты связанные с выполнением роли матери, профессиональной роли?
2. Чьи слова или действия в Ваш адрес усугубляли ситуацию?
3. Как Вам удается совмещать материнство и профессиональные обязанности?
4. На чей опыт Вам проще опираться в сложных вопросах?
5. Что меняется в Вашем способе взаимодействия с миром в периоды повышенного стресса?

В ходе анализа выделены лексические компоненты, отражающие переживания работающих матерей, которые выражали мысли, чувства и другие состояния, характерные для переживания ролевого стресса. На основании полученного материала были составлены таблицы, в которых проранжированы и размещены высказывания,

отражающие тот или иной вид ролевого стресса, психологические области, личные переживания и ситуационные контексты. Ниже нами представлены языковые единицы, помогающие отнести фразу респондента к той или иной области отражающей ролевой стресс.

1. Психологические области.

Когнитивный компонент: «я думаю», «я считаю», «я понимаю», «мне близка идея», «я согласна», «подразумевает», «преувеличивает» и т.д.

Аффективный компонент: «меня огорчает», «чувствую вину», «обижает», «я страдаю», «меня раздражает», «меня возмущает», «я сочувствую», «расстраивает», «горько», «грустно», «огорчает», «одиноко», «стыдно», «эмоционально отстраняюсь» и т.д.

Поведенческий компонент: «я стала» «не могу отказать», «ограничила», «останусь», «готова», «избегаю».

2. Опыт личных реакций.

Девальвация: любые оценочные суждения носящие негативный характер: «не достаточно хорошо», «несовместимо», «хуже/лучше», «не справится», «не понимает», «оцениваю», «напоказ», «промах», «не доверяю» и т.д.

Ограничение: «не позволяю», «пытаюсь», «не могу быть», «позволите/не позволить», «просить», «нормы/правила», «образец», «останавливать», «замечания», «осуждения» и т.д.

Дискриминация: слова и словосочетания, содержащие угрозу, усиливающие негативный характер высказывания, сильные переживания, отражающие страдание личности: «быть строже», «наказание», «страдать», «не могу», «только хуже», «жертвовать», «эмоционально не трогает», «не сочувствую», «непомерная нагрузка» и т.д.

3. Ситуационный контекст легко распознаётся за счёт местоимений:

«Интернальный» отражен местоимениями «я» и «нне».

«Экстернальный» выявляется через местоимения «оны» и через неопределенные местоимения «те», «тот», «кто-то».

«Кетеральный» через словосочетания «в обществе принято», «часто слышу».

Мы отметили, что представленные «психологические области», «опыт личных реакций» и «ситуационный контекст» легко распознаются с помощью одного слова или простого словосочетания. Области ролевых стрессов нуждаются в более тщательном смысловом анализе, основанном на понимании контекста всей фразы.

Отнесение того или иного высказывания к разновидности ролевого стресса определялась, через основную смысловую характеристику ролевого напряжения. Таким образом, «ролевая неоднозначность» отражалась фразами, отражающим неуверенность в правильности выполнения одной из ролей или разрозненности и противоречии требований и несла, прежде всего, внутристреловую напряженность. «Ролевой конфликт» описывался респондентами с помощью фраз описывающих напряжение, вызванное при выборе той или иной роли, невозможности совмещения нескольких ролей и переживания, связанные с трудностями в выборе приоритетность ролей. «Ролевая перегрузка» маркировалась фразами, отражающими усталость, трудность планирования,

дефицитом времени или сил, как физических, так и эмоциональных.

Перефразировав высказывания женщин в утвердительную форму мы получили 134 модальности, которые складываются в несколько шкал: «ролевая неоднозначность», «ролевой конфликт», «ролевая перегрузка», «напряжение, вызванное реализацией роли матери», «напряжение, вызванное реализацией профессиональной роли», «ролевой стресс».

Дальнейшим и завершающим этапом разработки «Опросника ролевых стрессов работающих матерей», будет проведение процедура математической обработки для установления надежности и валидности представленного опросника.

Заключение

Исторический анализ позволил выявить несколько подходов к изучению ролевых конфликтов. Отечественные психологи сосредотачивают внимание на внутриличностных переживаниях человека, выдвигая на первый план переживания человека, столкнувшегося с противоречиями между индивидуальными импульсами и требованиями среды. В западной традиции много вниманияделено тому, как меняется поведение и взаимодействие с социумом человека переживающего ролевые стрессы и как данные изменения влияют не только на его адаптацию, но и на трудовую или экономическую сторону жизни (текущесть кадров, трудовые конфликты, снижение эффективности в выполнении профессиональных обязанностей). Оба подхода имеют свои сильные и слабые стороны, при этом не теряют своей научной актуальности, требуя постоянной доработки с учётом исторических, социальных и культурных изменений. В ходе анализа отечественной научной литературы было выявлено, что основным препятствием в изучении внутриличностного ролевого конфликта является недостаток диагностических методик, позволяющих дифференцировать типы ролевых конфликтов и степень их проявления. Особенно, на наш взгляд данная проблема актуальна для изучения ролевых стрессов работающих матерей, поэтому представленная теоретическая модель ролевых стрессов является основой для разработки «Опросника ролевых стрессов работающей матери».

Важно отметить, что описанная структура ролевых стрессов универсальна для описания большинства внутриличностных ролевых конфликтов и даёт научные определения, которые до настоящего времени не были подробно описаны в русскоязычной литературе, что значительно расширяет контекст понимания проблемы данной темы. Исследование, проведенное нами в рамках методики герменевтического-феноменологического тематического анализа Макса ван Манена при анализе интервью фокус-группы сосредоточено на выделении предложений и смысловых конструкций, характерных для понимания специфики проблемы ролевых стрессов у работающих матерей. Однако этот анализ является начальным этапом разработки опросника и для завершения процедуры стандартизации «Опросника ролевых стрессов работающей матери» необходимо провести второй этап разработки, включающий в себя данные о презентативности, надёжности и валидности.

Таким образом, разработка нового диагностического инструмента для исследования ролевых стрессов работающих матерей является целесообразной и имеет научное и практическое значение как в изучении психологии личности, так и для таких областей, как социальная психология, педагогическая психология и конфликтология.

Библиография

1. Алешина Ю.Е., Лекторская Е.В. Ролевой конфликт работающей женщины // Вопросы психологии. – 1989. – № 5 – С. 80-88.
2. Андронникова О.О. Основные теоретические подходы к исследованию ролевой позиции жертвы // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – Ногинск: изд-во «АНАЛИТИКА РОДИС». Т. 1. – 2012. – С. 78-98.
3. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: учебник для вузов. 5-е изд. – СПб.: Питер, 2013. – 512 с.
4. Арье Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / Пер. с франц. Я. Ю. Старцева при участии В. А. Бабинцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 416 с.
5. Большой психологический словарь / Сост. Общ. ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – М.: АСТ МОСКВА; СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009. – 859 с.
6. Валентей Д.И. Женщины на работе и дома. М.: Статистика, 1978. – с. 93.
7. Гаврилица О.А. Ролевой конфликт работающей женщины: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. – М.: 1998. – 185 с.
8. Горностай П.П. Личность и роль: Ролевой подход в социальной психологии личности. – К.: Интерпресс ЛДТ, 2007. – 312 с.
9. Горностай, П. П. Диагностика и коррекция ролевых конфликтов // Журнал практического психолога. – 1999. – № 1. – С. 44-51.
10. Гришина Н.В. Психология конфликта. – СПб. : Питер, 2008. – 544 с.
11. Ёрина, С. И. Ролевые конфликты в управлеченческих процессах // Психология ролевых конфликтов: хрестоматия. – Самара: Бахрам-М. – 2007. – С. 106–111.
12. Косова А.Н. Влияние ситуационного контекста на прямую и косвенную оценки эмоционально значимых слов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2012. – № 2. – С. 146-152. Т. 14.
13. Кошелева Ю.П. Теоретические подходы к ролевому поведению и межролевой конфликт // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. – 2018. – № 1. – С. 132-152.
14. Линтон Р. Антология исследований культуры. Символическое поле культуры. Культурные основания личности. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2011. – 382 с.
15. Максимова, О.Б. // Эмансипация женщин в России и на Западе как фактор формирования гендерного порядка // Вестник РУДН, серия Социология. – 2007. – № 2. С. 24-30.
16. Пачколина А.В. Проблема ролевого внутриличностного конфликта работающей женщины // Психолог. 2022. № 3. С. 60-67. DOI: 10.25136/2409-8701.2022.3.38017 EDN: ZCVCII URL: https://e-notabene.ru/psp/article_38017.html
17. Плунгян, Н. Рождение советской женщины. Работница, крестьянка, лётчица, «бывшая» и другие в искусстве 1917–1937 годов. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2023. – 288 с.
18. Савченко Т. Н., Теславская О. И. Уход от реальности (эскализм): отечественные и зарубежные психологические подходы к определению понятия // Разработка понятий современной психологии. М.: Институт психологии РАН. – 2021. – С. 672-702.
19. Шипилов, А.И. Психоаналитическая трактовка факторов внутриличностной конфликтности // Материалы международной научно-практической конференции по психоанализу. – 2005. – С. 324-327.
20. Bacharach, S. B., Bamberger, P.R., Conley, S. C. // Work processes, role conflict, and role overload: The case of nurses and engineers in the public sector // Work and Occupations. – 1990. – № 17(2). – Р. 199-229.
21. Creary, S. J., Gordon, J. R. // Role conflict, role overload, and role strain // Encyclopedia of family studies. – 2016. – Р. 1-6.

22. Davidson M., Cooper C.L., Cooper C.L. Stress and the woman manager. – Oxford : Robertson, 1983. – 230 p.
23. Gillespie B. L., Eisler R. M. // Development of the feminine gender role stress scale. A cognitive-behavioral measure of stress, appraisal, and coping for women // National Library of Medicine. Center for Biotechnology Information. – 1992. – № 16(3) P. 426-438 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/1627123/>
24. Good, W.J. // A Theory of role strain // American Sociological Review. – 1960. – № 4. – P. 483-498. Vol. 4.
25. Gordon, J.R., Pruchno, R.A., Wilson-Genderson, M, Murpy, W.M., Rose, M. Balancing caregiving and work: Role conflict and role strain dynamics // Jornal of Family Issues. – 2012. – № 33(5). – P. 662-689.
26. Haavio M.E. Inequalities in health and gender // Social science and medicine. Special Issue: medical sociology and the WHO's programme for Europe. – 1986. – P. 141-149. Vol. 22(2).
27. Handel, G. Childhood socialization. New York. EDITOR, 1987. – 424 p.
28. Hartman M. Motherhood Identity. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy In Psychology. – Meridian University, 2014. – 270 p.
29. Hartman Meggan, Motherhood Identity. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy In Psychology. Meridian University. 2014. – 270 p.
30. House, R. J., Schuler, R. S., and Levanoni, E. Scales of role conflict and uncertainty: reality or artifacts // Journal of Applied Psychology. – 1983. – № 68(2). – P. 334-337.
31. Kahn, R. L., Wolfe, D. M., Quinn, R. P., Snoeck, J. D., Rosenthal, R. A. Organizational stress: Studies in role conflict and ambiguity. – New York: Wiley, 1964.
32. Meika Kurnia Puji Rahayu, Bayu Nur Hidayat. The Job Stress as a Mediation Between Role Conflict and Employee Performance // Advances in Economics, Business and Management Research, Proceedings of the 4th International Conference on Sustainable Innovation 2020 – Accounting and Management. – 2020. – P. 121-127.
33. Mostow E., Newberry P. Work role and depression in women: a comparison of workers and housewives in treatment // American Journal of Orthopsychiatry. – 1975. – № 45(4). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://https://www.semanticscholar.org/paper/Work-role-and-depression-in-women>
34. Nickerson Charlotte. Role Strain in Sociology: Definition and Examples / Simply Psychology. – 2022. – № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<https://www.simplypsychology.org/what-is-role-strain-in-sociology.html>
35. O'Neil, J. M., Helms, B. J., Gable, R. K., Lawrence, D., Wrightsman, L. S. Gender role conflict scale: college men's fear of femininity // Sex Roles. – 1986. – P. 335-350. Vol. 14.
36. Pareek, U. // Organizational role stress scale. ORS Scale Booklet, Answer Sheet and Manual // Navin Publications. Ahmedabad, India. 1983.
37. Peiro J. M., Melia J. L., Torres M. A., Zurriaga R. // La medida de la experiencia de la ambiguedad en el desempeno de roles: El cuestionario general de ambiguedad de rol en ambientes organizacionales. // Evaluacion Psicologica. – 1987. – P. 27-53. Vol. 3(1).
38. Peiro J. M., Melia J. L., Torres M. A., Zurriaga R. La medida de la experiencia de la ambiguedad en el desempeno de roles: El cuestionario general de ambiguedad de role en ambientes organizacionales // Evaluacion Psicologica. – 1987. – № 3(1). – P. 27-53.
39. Rizzo, J. R., House, R. J., Lirtzman, S. I. // Role conflict and ambiguity in complex organizations // Administrative Science Quartelly. – 1970. – №. 15(2). – P. 150-163.
40. Shockley Kristen M., Shen Winny, DeNunzio Michael M., Arvan Maryana L. // Disentangling the Relationship Between Gender and Work-Family Conflict: An Integration of

- Theoretical Perspectives Using Meta-Analytic Methods // Journal of Applied Psychology. – 2017. – № 12. Р. 1601-1635.
41. van Gasse, D., & Mortelmans, D. Single // Mothers' Perspectives on the Combination of Motherhood and Work // Social Sciences. – 2020. – № 9(5). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.simplypsychology.org/what-is-role-strain-in-sociology.html>
42. van Manen, Max. Phenomenology of Practice: Meaning-giving methods in phenomenological research and writing. United States of America: Left Coast Press.Routledge, 2014. – 494 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Анализ представленного на рецензирование текста показал, что ему более подходит название «Образно-описательная модель ролевых стрессов работающих матерей», нежели обозначенное автором. Кроме этого, во введении мало уделено внимания обоснованию актуальности заявленной темы и само введение написано неправильно. Оно начинается не с актуальности, а с того, что «теоретический анализ проблемы ролевого конфликта показал многообразие подходов в изучении данного явления, однако в современном исследовательском поле остаётся актуальным проведение всестороннего изучения ролевого внутриличностного конфликта работающей женщины». Во введении необходима актуализация, а не анализ явления. По сути, введение отсутствует. Это еще и потому, что нет формулировок предмета исследования и его научной новизны. Мало внимание уделено обоснованности методологии исследования и вообще не совсем понятно, от чего автор отталкивается при разработке данной темы. Необходимо указать конкретную теорию или принципы, на основании которых предлагается модель ролевого конфликта в качестве оценки стресса работающих матерей.

Автором ведь поставлено в качестве цели исследования разработка опросника ролевых стрессов работающих матерей. Поэтому необходимо данные литературы и собственные предложения максимально приблизить именно к этой цели. Указанные в работе задачи исследования можно исключить.

Данная тема достаточно актуальная и интересная, ее необходимо разрабатывать. Правильно по тексту отмечено, что основным препятствием в изучении ролевых стрессов работающей матери является недостаточное количество диагностических методик, которые смогли бы отразить основные компоненты, входящие в его структуру и формирующие внутриличностный конфликт. Может быть в этом и заключается научная новизна? Тем более, что автор обращает внимание на то, что «учитывая вышеперечисленные факторы нами предпринята попытка разработать оригинальный опросник, направленный на изучение ролевых стрессов работающих матерей».

С учетом анализа данных литературы, как указано в тексте, модель «Конфликта гендерных ролей» (GRC) отражает ограничение потенциала человека, переживающего ролевой гендерный конфликт, или совершение того или иного действия, направленного на ограничение потенциала другого человека, в основе которого лежит ригидность в восприятии требований к выполнению гендерной роли. Данная проблематика применима не только для гендерного конфликта ролей, но и для всех внутриличностных и межличностных ролевых конфликтов.

Стиль изложения текста обзорно-аналитический при намерении описать образную модель ролевого конфликта работающих женщин.

Структуру работы надо привести в соответствие с теми логическими требованиями, которым должна соответствовать научная публикация. Актуальность, цель, предмет исследования, научная новизна, методология и т.д.

Содержание работы сводится к тому, что автор предлагает трехмерную графическую модель. В этой модели показано, что ролевой конфликт действует на четырех пересекающихся и сложных уровнях:

1. Когнитивном – как человек думает о выполнении своей роли;
2. Аффективном – какие эмоциональные реакции сопровождают человека при выполнении той или иной роли;
3. Поведенческом – как субъект действует в рамках используемой роли или как реагирует по отношению к другим людям видя их ролевое поведение;
4. Бессознательном – как мотивы, находящиеся за пределами нашего сознания, влияют на поведение и порождают конфликты.

Но эта модель не является конкретной применительно к стрессовым состояниям работающих женщин. Очевидна некоторая «притяжка» одного к другому. По этому поводу необходима существенная доработка текста.

Тем более, что автор поторопился делать выводы, не представив в основной части текста результатов собственного исследования. Ведь отмечено, что «опираясь на модель ролевого конфликта, предложенного Дж. Пьери и А.М. Торреса, теоретических разработок Р. Кана и Д. Каца о ролевой перегрузке, а также теоретического обоснования методики Конфликта гендерных ролей GRC, предложенной Джим О'Нил, мы разработали «Опросник ролевых стрессов работающих матерей», маркирующий установки, приводящие к возникновению внутриличностного ролевого конфликта.

А сам опросник размещен в приложении. Необходимо доказать логически и показать в основной части текста, какое отношение этот опросник имеет к оценке уровней ролевых стрессов работающих матерей.

Поэтому и выводы смотрятся как ничем не обоснованные. Хотя в данном случае автору виднее. Но все-таки остается впечатление недоказанности выводов и еще о том, что они следует из результатов исследования.

Тем более, что самого исследования как такового нет. Можно материал приложения вынести в рубрику собственного исследования, формализовав эти данные о объяснив читателю. Тем более что в представленном виде приложение не информативно.

Необходимо доработать рисунки, обозначив в них значения и пояснив их суть. Пока они не воспринимаются.

Автору следует вернуться к первичному замыслу своей работы и привести текст в соответствие с целью исследования и его предметом. В данном случае конкретизация очень важна.

Библиографический список включает литературные источники по теме работы. За исключение источника № 2 - это учебное издание, а не научный источник.

Поскольку тема работы интересна и актуальна, ее можно будет рекомендовать к опубликованию в научном журнале, но после доработки текста с учетом выявленных замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является образно-описательная модель ролевых стрессов работающих матерей.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье в рамках структурного подхода были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, исторический метод, метод анализа, метод моделирования, метод интервьюирования, «методы фокус-группы и интерактивного исследования», а также, как отмечено в исследовании, «методика герменевтического феноменологического тематического анализа Макса ван Манена».

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку на протяжении истории развития общества можно наглядно наблюдать процессы изменения ролей женщины. В современном социуме наряду с традиционной ролью матери женщина выполняет множество других социальных ролей, в том числе и в профессиональной сфере, что приводит к увеличению нагрузок и возникновению дополнительных стрессов, ухудшению эмоционального состояния женщин, которые, выступая в роли матери, выполняют профессиональные роли на работе. С этой точки зрения разработка образно-описательной модели ролевых стрессов работающих матерей представляет не только научный интерес в сообществе ученых, но и профессиональный интерес в сфере специалистов-практиков.

Научная новизна исследования заключается в авторской идеи «создания оригинальной методики», направленной на изучение ролевых компонентов «с учётом структурного подхода» и авторской разработке «Опросника ролевых стрессов работающих матерей».

Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и применением научной терминологии, дефиниций и описанием методик.

Структура статьи, к сожалению, нельзя считать полностью выдержанной с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. В структуре данного исследования представлены такие элементы как введение, основная часть, выводы, приложение и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность исследования представляет выявленная и отмеченная тенденция, о том, «что все исследователи приходят к выводу, что внутриличностный конфликт выражается не только негативными переживаниями, направленными в качестве критики, негативной оценкой самого себя, обидчивостью, мнительностью, но и проявлением той или иной враждебности по отношению к другим людям».

Библиография содержит 42 источника, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания, а также электронные ресурсы.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующие разные аспекты ролей и ролевых конфликтов, а также известные модели ролевых стрессов и методики исследования. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающийся предметной области исследования. В частности, отмечается, что «основным препятствием в изучении внутриличностного ролевого конфликта работающих матерей является недостаточное

количество диагностических методик, позволяющих дифференцировать типы ролевых конфликтов и степень их проявления. Разработанная модель ролевых стрессов является основой для разработки «Опросника ролевых стрессов работающей матери»; предложенная модель ролевых стрессов на данном этапе представляет теоретическое обоснование «Опросника ролевых стрессов работающих матерей»; описанная структура ролевых стрессов универсальна для большинства внутриличностных ролевых конфликтов, но используется нами для понимания специфики проблемы у работающих матерей».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, психологами, психотерапевтами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что целесообразно было бы обратить внимание на логику изложения и четкость структуры научной статьи, в частности, отдельно обозначить обзор литературы, более четко описать методологию исследования, обозначить результаты и обсуждение полученных результатов, завершить исследование обобщающим заключением, а не ограничиваться только краткими выводами. При оформлении рисунков, таблиц и приложения необходимо обратить внимание на требования действующих ГОСТов, оформить их в соответствии с этими требованиями, особое внимание при этом уделить приложению, которые, в частности, в тексте представлено как совокупность трех очень громоздких таблиц, фактически занимающих почти половину объема представленной рукописи. Статья сильно перегружена этими таблицами, которые очень тяжело воспринимаются при прочтении такого вида научной работы, как статья. Указанные недостатки не снижают научную и практическую значимость самого исследования, однако их необходимо оперативно устранить, доработать структуру и текст статьи. Рукопись рекомендуется отправить на доработку.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«К вопросу об измерении уровня ролевого стресса работающих матерей»

Предмет исследования – в статье не обозначен автором. Но можно предположить, что предмет – это разработка методики оценки ролевого стресса работающих матерей.

Методология исследования построена на традиционных методах психологического исследования. В первой части есть короткое описание важности подхода и темы.

Прикладная часть исследования направлена на решение цели - объединить опыт исследований ролевых конфликтов, накопленный в отечественной и зарубежной психологии, и разработать оригинальную диагностическую методику для изучения ролевых конфликтов работающей матери.

В исследовании участвовали 143 женщины, которые обратились за помощью с жалобами на трудности взаимоотношений с детьми и близкими, кризисом в профессиональном развитии, неудовлетворённостью текущими событиями жизни. Выборка сформирована не только с учетом проблематики испытуемых, но и с учетом их возраста, семейного положения и социальных характеристик.

Автор использовал интервью по стандартизованным вопросам для оценки роли матери и профessionала (разработано автором). На основе интервью выделены лексические компоненты и языковые единицы фраз, которые отражают ролевой стресс.

Методы математической обработки в статье не использованы, их применение предполагается на следующем этапе работы над опросником.

Актуальность представленной статьи не вызывает сомнения. Синдром выгорания в условиях тотального дефицита кадров и нарастающей нагрузки на персонал становится проблемой, которая требует решения с учетом научных данных.

Научная новизна представленной работы связана с идеей создания оригинальной методики, помогающей изучить компоненты ролевого стресса работающих матерей с учётом структурного подхода. Теоретическая разработка «Опросника ролевых стрессов работающих матерей» является ранее не решенным вопросом.

Стиль, структура, содержание

Статья имеет традиционную структуру – вводная, основная и заключительная части.

Вводная часть обосновывает выбор темы. Она достаточно проработана. В основной части статьи автор характеризует подходы отечественных и зарубежных ученых к понятию ролевого конфликта, раскрывает термин ролевой неоднозначности и характеризует ролевую перегрузку. Показана важность изучения ролевого стресса работающей матери как понятия, обобщающего многообразие видов ее ролевых конфликтов. Приведен качественный обзор подходов к изучению ролевых конфликтов, которые не только описаны, но и проведено сравнение между ними.

В прикладной части исследования автор разрабатывает «Опросник ролевых стрессов работающих матерей». В основу разработки положены модель ролевого стресса и методика «Конфликта гендерных ролей» (GRCS) Джима О' Нила.

Структура ролевого конфликта рассматривается как конфликт гендерных ролей через:

- четыре психологические области;
- три формы опыта личных реакций;
- три ситуационных контекста.

Предложенная методика оценивает 3 уровня конфликта - когнитивный, аффективный и поведенческий. В статье автор подробно описывает сбор и анализ данных, используемых при разработке «Опросника ролевых стрессов, работающих матерей».

Исследовательская часть представлена логически грамотно, в ней содержатся графические материалы, которые облегчают пониманию сути выводов, сделанных автором. Есть незначительные опечатки, которые требуют исправления (в основном это несогласованные окончания фраз. Например, «Сбор и анализ данных используемых при разработки»).

Вывод, который делает автор по результатам исследования, является четким и структурированным. Его обоснованность не вызывает сомнений. Стиль изложения материала соответствует требованиям научности, является последовательным и структурированным.

Библиография

Насчитывает 42 наименования литературных источников, среди которых почти половина на английском языке.

Представлены как фундаментальные работы отечественных учёных и зарубежных авторов по конфликтологии, так и прикладные статьи. Важно, что список литературы

содержит актуальные статьи в журналах и публикации в сборниках конференций.

Апелляция к оппонентам – статья соответствует требованиям, предъявляемым к статьям для публикации в журналах из перечня ВАК, и рекомендуется к публикации.

Выводы, интерес читательской аудитории – статья вызовет интерес читательской аудитории, заинтересованной в изучении внутриличностных конфликтов. Она будет полезна широкому круг лиц – клиническим психологам, преподавателям психологии, возможно даже психотерапевтам, а также психодиагностам и разработчикам психодиагностических методик.

Психолог*Правильная ссылка на статью:*

Черемискина И.И., Капустина Т.В., Кузнецова А.Д. Взаимосвязь компонентов Я-концепции и тревожности у старших подростков // Психолог. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-8701.2025.5.76213 EDN: BMWMFH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76213

Взаимосвязь компонентов Я-концепции и тревожности у старших подростков

Черемискина Ирина Игоревна

кандидат психологических наук

доцент, кафедра философии и юридической психологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса"

690014, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

✉ irina-cheremiski@mail.ru

Капустина Татьяна Викторовна

ORCID: 0000-0001-9833-8963

кандидат психологических наук

доцент; кафедра общепсихологических дисциплин; Тихоокеанский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации

690002, Россия, Приморский край, г. Владивосток, пр-т Острякова, 2

✉ 12_archetypesplus@mail.ru

Кузнецова Алина Дмитриевна

ORCID: 0009-0002-6297-2158

преподаватель; кафедра общепсихологических дисциплин; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Тихоокеанский государственный медицинский университет" Министерства здравоохранения Российской Федерации

690002, Россия, Приморский край, г. Владивосток, Первомайский р-н, пр-кт Острякова, д. 2

✉ larosaline@mail.ru

[Статья из рубрики "Психология развития"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2025.5.76213

EDN:

BMW MFH

Дата направления статьи в редакцию:

11-10-2025

Аннотация: Теоретическим объектом изучения является старший подростковый возраст. Его исследование актуально, поскольку этот период связан с высокой учебной нагрузкой на школьников и одновременным становлением самосознания. Нынешняя социокультурная ситуация также усиливает этот эффект и сказывается на формировании Я-концепции подростков. В условиях информационной перегрузки, нестабильности социальных норм и высокой значимости внешней оценки подростки сталкиваются с трудностями в осознании и принятии собственного «Я». Подростки становятся уязвимыми и чувствительными, могут проявлять тревожность, которая отрицательно сказывается на их эффективности во всех сферах деятельности. В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи компонентов Я-концепции подростков и тревожности, а также оценки половых различий по этим параметрам, в котором приняло участие 92 старших подростка из городов Приморского края. В исследовании применялись: методика «Кто Я?» «Шкала Я-концепции для детей»; «Шкала личностной тревожности» А.М. Прихожан; «Интегративный тест тревожности» А.П. Бизюк и др. Для статистического анализа результатов тестирования применялись критерии Ч. Спирмена и Манна-Уитни. В структуре Я-концепции выявлены наиболее выраженные компоненты, связанные с саморефлексией, деятельностью, физическими характеристиками и социальной идентичностью. При доминирующем среднем уровне ситуативной и личностной тревожности, выраженными являются фобический и астенический компоненты. Установлена отрицательная корреляция между устойчивостью Я-концепции и тревожностью. У девушек значимо чаще наблюдаются более высокие уровни самооценочной и общей тревожности, а также выраженная чувствительность к межличностной оценке. Несмотря на наличие большого количества эмпирических исследований тревожности и самооценки подростков, данная работа обладает научной новизной, поскольку позволяет дать более глубокое понимание взаимосвязи между Я-концепцией и тревожностью, расширяет представления о факторах, влияющих на психоэмоциональное состояние подростков, уточняет роль когнитивных, оценочных и поведенческих аспектов Я-концепции в формировании тревожности. Исследование открывает возможности для разработки профилактических и коррекционных программ, способных снизить уровень тревожности, укрепить психологическую устойчивость и самооценку подростков в этот важный период развития, что, в свою очередь, может способствовать улучшению их адаптации в обществе, повышению успеваемости и развитию личностных качеств.

Ключевые слова:

старшие подростки, подростки, тревожность, личностная тревожность, ситуативная тревожность, корреляционный анализ, Я-концепция, компоненты Я-концепции, юноши, девушки

Введение

Старший подростковый возраст многие авторы характеризуют как переломный или кризисный. В этот период происходит активное становление личности: развивается самосознание, рефлексия, идентичность, иными словами, формируется Я-концепция, которая представляет собой совокупность согласованных убеждений, оценок и

представлений индивида о себе [1].

По мнению А.М. Прихожан старший подростковый возраст охватывает период примерно с 15 до 17 лет и представляет собой важный и чувствительный этап развития личности, в ходе которого особенно остро проявляются внутренние противоречия, связанные с формированием Я-концепции и стремлением к самореализации. В этот период усиливается тревожность, что обусловлено не только внешними требованиями и ожиданиями со стороны общества, но и внутренними конфликтами, возникающими из-за столкновения различных мотивационных тенденций. Развивающееся чувство собственной ценности делает подростков более уязвимыми к переживаниям, связанным с несоответствием между желаемым и реальным образом себя [1].

А.М. Прихожан подчеркивает, что тревожность в этом возрасте нередко становится устойчивым личностным образованием, коренящимся в неудовлетворении базовых социогенных потребностей – таких как потребность в самоуважении, принятии и контроле над своей жизнью. Это состояние проявляется как внутреннее напряжение, беспокойство, ощущение неопределенности и незащищенности, и может мешать подростку адекватно воспринимать себя и окружающих. Более того, тревожность нередко начинает выполнять функции личностного мотива, направляя поведение, стремление к успеху и взаимодействие с другими [1].

Нынешняя социокультурная ситуация оказывается на формировании Я-концепции подростков. Некоторые авторы подчеркивают, что в условиях информационной перегрузки, нестабильности социальных норм и высокой значимости внешней оценки подростки сталкиваются с трудностями в осознании и принятии собственного «Я». В частности, акцент делается на возрастающем влиянии социальных сетей, образовательной среды и семейных отношений как факторов, способствующих либо поддержке позитивной Я-концепции, либо, наоборот, усилию внутренних конфликтов и тревожности [2, 3, 4]. Исследователи отмечают, что нарушение целостности самовосприятия может выступать как предиктор повышенного уровня тревожности, особенно в ситуациях неопределенности или социальной сравнимости.

О.А. Карабанова отмечает, что риски информационной социализации в старшем подростковом возрасте проявляются особенно остро в связи с кризисными процессами формирования идентичности. Старшие подростки активно экспериментируют с различными вариантами самопозиционирования, используя при этом возможности виртуальной среды, что нередко приводит к размытию и потере целостности идентичности. Также в этом возрасте наблюдается рост сенситивности к социальному признанию, принятию и уважению со стороны окружающих, что делает подростков уязвимыми перед влиянием массовой информации и социальных сетей [5].

Рассматривая влияние информационной социализации на развитие подростков, также важно учесть особенности формирования их самосознания в условиях активной цифровизации образовательной среды. Д.В. Астапенко отмечает, что цифровая среда, в которую современный подросток погружается как в повседневной жизни, так и в образовательном процессе, становится значимым фактором, влияющим на развитие самосознания. Автор указывает на то, что цифровизация изменяет характер социальной среды, в которой развивается личность, создавая риски размытия границ между реальным и виртуальным. Подростки часто оказываются в состоянии утраты ощущения собственной индивидуальности, растворяясь в информационном потоке. Находясь на этапе формирования личности, они могут легко увлечься виртуальным миром, где нет

настоящего общения. В результате им становится трудно строить отношения в реальной жизни, что вследствие может негативно сказаться на формировании Я-концепции [6].

Одним из следствий изменений в процессе самоотношения может стать рост тревожности среди старшеклассников, что отражает более широкие проблемы современного общества. В исследовании Е.В. Грязновой и Е.С. Хрыкиной подчеркивается, что на фоне социокультурного кризиса и общественной нестабильности возникает ряд новых факторов, среди которых особенно выделяется цифровизация образовательного пространства. Согласно их данным, традиционные источники тревожности подростков, такие как семья, школа, сверстники и средства массовой информации, дополнились воздействием интернет-сообществ и виртуальной среды [7].

Проводя много времени в интернете подростки подвергаются перегрузке когнитивной системы, что приводит к снижению способности к концентрации внимания и способствует развитию внутреннего напряжения и повышению уровня тревожности. Нарастающая тревога может негативно отражаться на восприятии собственной значимости, или Я-концепции. Результаты исследования, проведенного M. Cueli, C. Rodríguez, L.M. Cañamero, J.C. Núñez, P. González-Castro, указывают на значимую роль тревожности в процессе формирования самооценки у подростков. Авторы выявили, что уровень тревожности оказывает прямое негативное влияние на эмоциональную, социальную и физическую составляющие самооценки. Более высокий уровень тревожности ассоциирован с более низкими показателями самооценки в этих сферах, что подчеркивает тревожность как самостоятельный фактор риска снижения самовосприятия в подростковом возрасте [8]. Кроме того, исследование показало, что тревожность опосредует влияние симптомов невнимательности на самооценку, усиливая их негативный эффект.

Особенностью данного возрастного этапа также является необходимость прохождения итоговых экзаменов, которая становится значимым стрессовым фактором. Подготовка и сдача экзаменов усиливают уровень ответственности за собственное будущее, повышают чувствительность к неудаче и социальной оценке, что дополнительно влияет на стабильность самовосприятия и увеличивает уровень ситуативной и личностной тревожности.

Е.В. Грязнова и Е.С. Хрыкина отмечают, что тревожность старшеклассников тесно связана с подготовкой к выпускным экзаменам, а высокий уровень тревожности отмечается у 60-70 % выпускников. Кроме того, накопленный негативный опыт предыдущих неудач усиливает эмоциональное напряжение в этот период [7].

Тема экзаменационной тревожности старшеклассников находит продолжение в исследовании Е.А. Савельевой, автор отмечает, что введение государственных экзаменов и возросшие требования к итоговой аттестации усилили психоэмоциональное напряжение у подростков. Экзаменационная тревожность проявляется в изменении эмоционального состояния школьников перед экзаменами и может приводить к серьезным нарушениям в работе нервной, сердечно-сосудистой и иммунной систем. При этом подчеркивается, что тревожность имеет двойственную природу: в определенных случаях она способствует мобилизации ресурсов ученика для успешной деятельности [9]. Особое внимание в работе уделяется связи тревожности с уровнем самооценки. Школьники с низкой самооценкой чаще испытывают страх перед экзаменами и склонны к развитию стрессовых состояний. Также Е.А. Савельева отмечает, что завышенные ожидания родителей и негибкая система воспитания способствуют формированию

повышенной тревожности у подростков [9].

Таким образом, данные, представленные Е.А. Савельевой, Мищенко В.И., позволяют сделать вывод о том, что тревожность подростков – особенно в экзаменационный период – не является исключительно ситуативной реакцией на внешнее давление, а во многом опосредована личностными особенностями, в первую очередь уровнем самооценки [9, 10]. Это подтверждает актуальность изучения тревожности в более широком контексте структуры Я-концепции подростка [11, 12, 13].

Исходя из этого, возникает необходимость рассматривать тревожность не как изолированный феномен, а как часть более глубокой системы самоотношения личности, которая формируется в условиях как внешней (социальной и образовательной) среды, так и внутренней (личностной) динамики. В связи с этим все большую научную ценность приобретают эмпирические исследования, направленные на выявление конкретных закономерностей взаимосвязи между тревожностью и самооценкой у подростков.

В работе В.В. Трубиной и Л.Е. Адамовой представлены данные об устойчивой обратной связи между уровнем тревожности и самооценкой: по всем шкалам тревожности при ее повышении наблюдалось снижение самооценки. Это подтверждает, что тревожность негативно влияет на восприятие подростками собственной личности и их уверенность в себе. Девочки, как показало исследование, чаще сталкиваются с выраженными эмоциональными переживаниями и демонстрируют более высокие показатели тревожности [14]. К таким же выводам пришли и ученые из Ирана, изучая девочек-подростков они обнаружили у них значительную взаимосвязь между беспокойством и самооценкой [15]. Авторы подчеркивают необходимость учитывать эти факторы при организации психологической помощи старшим школьникам, важность своевременной психологической поддержки подростков и разработки коррекционных программ, направленных на снижение тревожности, укрепление их уверенности в себе в условиях школьной среды.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена ростом состояния тревоги среди подростков, особенно в периоды повышенной учебной нагрузки, таких как государственные экзамены. Современные подростки сталкиваются с необходимостью принимать важные жизненные решения в условиях высокой неопределенности и давления со стороны представителей системы образования, родителей и сверстников, что значительно повышает риск психоэмоционального напряжения и дезадаптации. Особую значимость приобретает Я-концепция как внутренний ресурс, способный оказывать влияние на уровень тревожности. Позитивная, устойчивая Я-концепция способствует более адекватному восприятию жизненных трудностей, развитию уверенности в себе и снижению тревожных реакций. Глубокое понимание взаимосвязи между компонентами Я-концепции и тревожностью открывает возможности для разработки профилактических и коррекционных программ, способных снизить уровень тревожности, укрепить психологическую устойчивость и самооценку подростков в этот важный период развития, что, в свою очередь, может способствовать улучшению их адаптации в обществе, повышению успеваемости и развитию личностных качеств.

Целью исследования является выявление и описание взаимосвязи компонентов Я-концепции и тревожности у старших подростков.

Для проведения эмпирического исследования были определены методики, направленные на выявление компонентов Я-концепции и тревожности у старших

подростков. Итак, в исследовании применялись: «Кто Я?» М. Кун, Т. Макпартленд в модификации Т.В. Румянцевой; «Шкала Я-концепции для детей» Е. Пирс, Д. Харрис в модификации А.М. Прихожан; «Шкала личностной тревожности» А.М. Прихожан; «Интегративный тест тревожности, ИТТ» А.П. Бизюк, Л.И. Вассерман, Б.В. Иовлев. Для статистической обработки эмпирических данных применялись: коэффициент ранговой корреляции Ч. Спирмена и непараметрический критерий оценки значимости различий Манна-Уитни.

Эмпирическую выборку составили учащиеся старших классов в возрасте от 15 до 18 лет из двух городов Приморского края – Арсеньев и Владивосток. Общее количество респондентов составило 92 человека (58 девушек и 34 юноши). Из них 65 человек проживают и обучаются в городе Арсеньев, 27 человек – во Владивостоке. В городе Арсеньев в исследовании приняли участие учащиеся 9-х, 10-х и 11-х классов: 27 девятиклассников, 14 десятиклассников и 24 одиннадцатиклассника. Возрастное распределение выглядит следующим образом: 20 учащихся – в возрасте 15 лет, 17 – 16 лет и 28 – 17 лет. Среди них 45 девушек и 20 юношей. Во Владивостоке в исследование были включены учащиеся 10-х и 11-х классов: 12 десятиклассников и 15 одиннадцатиклассников. Всего опрошено 27 человек: 6 подростков в возрасте 16 лет, 11 – 17 лет и 10 – 18 лет. Среди них 17 девушек и 10 юношей.

Основная часть

В ходе психодиагностического исследования были проанализированы результаты старших подростков по методике «Кто Я?» (Т.В. Румянцева). Данная методика позволила выявить особенности содержания и структуры Я-концепции, а также провести количественную обработку ответов по семи категориям.

Общее количество ответов составило 1534. Наибольшее количество высказываний участников исследования отнесено к категории «Рефлексивное Я» – 21,5% ответов, что указывает на высокий уровень саморефлексии и стремление к осмыслению собственных личностных качеств. Подростки склонны оценивать себя, анализировать свои поступки, черты характера, внутренние состояния (например, «Я добрый», «Я ленивый», «Я слишком критичен к себе», «Я стараюсь быть честным», «Я быстро расстраиваюсь», «Я увереный в себе»), что соответствует возрастной задаче формирования целостного представления о себе. Достаточно выраженным также оказались компоненты «Социального Я» (15,8%) и «Коммуникативного Я» (12,1%), что может свидетельствовать о высокой значимости межличностных отношений и социальных ролей в системе самоописания. Подростки часто указывают на принадлежность к различным социальным группам, отношения с окружающими, умение взаимодействовать и строить коммуникацию («Я друг», «Я одноклассник», «Я староста класса», «Я общительный», «Я замкнутый»). Это может отражать стремление к социальной идентичности и поиск своего места в социуме.

Категория «Физическое Я» также представлена в ответах подростков в значительном количестве – 16,9% ответов. В самоописаниях отмечаются особенности внешности, состояния здоровья и физические характеристики («Я высокая», «Я худой», «У меня карие глаза», «Я спортивный», «Я плохо сплю», «У меня аллергия»), что отражает внимание подростков к своему телу и восприятию внешнего образа, подчеркивают важность физической идентичности и уверенности в себе.

Компонент «Деятельностного Я» (14,9%) также является одним из часто используемых среди респондентов. Он проявляется через упоминание конкретных сфер активности,

достижений и навыков («Я учусь в 11 классе», «Я спортсмен», «Я играю в компьютерные игры», «Я участвую в олимпиадах», «Я хорошо готовлю»), что демонстрирует осознание своих способностей, интересов и учебной или внеклассной занятости.

Наименее выраженным компонентом является «Материальное Я» – 7,8% ответов, что соответствует ожиданиям. В подростковом возрасте материальные аспекты, такие как принадлежность к определенному социальному статусу или материальное благосостояние, не занимают ключевого места в самооценке. Подростки реже описывают себя через материальные аспекты («Я люблю дорогие вещи», «Я коплю на плейстейшн, «Я ношу дорогие кроссовки»). Вероятно, в подростковом возрасте материальные аспекты, такие как принадлежность к определенному социальному статусу или материальное благосостояние, не занимают ключевого места в самооценке.

«Перспективное Я» у старших подростков также занимает не высокую позицию – 11% ответов, что может указывать на не всегда ясное представление о будущем. Они не так часто обращаются к образу себя в будущем («Я хочу поступить на бюджет», «Я хочу стать программистом», «Я не знаю, чего хочу после школы»). Не все подростки могут четко сформулировать свои долгосрочные цели и планы. Это может быть связано с тем, что их представления о будущем еще находятся в процессе формирования.

Таким образом, структура Я-концепции старшеклассников в большей степени ориентирована на внутреннее самовосприятие, социальную идентичность, деятельность и рефлексию, чем на внешние или прагматические аспекты. Это соответствует специфике старшего подросткового возраста, в котором формирование целостного и осознанного Я-образа приобретает центральное значение для развития личности.

Анализ оценочной направленности самохарактеристик, полученных в ходе применения методики «Кто Я?», позволяет выявить эмоционально-смыслоное отношение старшеклассников к собственному «Я». Каждое свое суждение респонденты самостоятельно отнесли к одной из четырех категорий: положительная, отрицательная, неоднозначная или затрудненная в оценке.

Наибольшую долю составили положительные оценки – 35,7%. Этот результат может свидетельствовать о преобладании позитивного образа «Я» у значительной части подростков, что, в свою очередь, отражает наличие эмоционально устойчивой и в целом интегрированной Я-концепции.

Отрицательных суждений было выявлено 28,7%. Подобные оценки могут отражать как индивидуальные трудности самоопределения, так и влияние внешних факторов – межличностных конфликтов, учебной неуспешности, социальной тревожности. В старшем подростковом возрасте критическое отношение к себе часто выступает нормой, однако его устойчивость или преобладание может служить индикатором неблагополучия в развитии личности.

Существенную долю составили также оценки, отнесенные к категории неоднозначных (26%), что позволяет говорить о распространенности неустойчивых или противоречивых представлений о себе, типичных для стадии активного личностного самоопределения.

Затруднение в оценке собственного высказывания было зафиксировано в количестве 9,6% ответов и не является выраженным. В целом респонденты демонстрируют способность к осмыслению и оценке собственных характеристик, что свидетельствует о достаточном уровне сформированности процессов самопознания.

Таким образом, полученные данные позволяют сделать вывод о том, что у большинства старшеклассников Я-концепция уже находится на достаточно зрелой стадии формирования. Преобладание положительных и определенных суждений, а также относительно низкий уровень затрудненных оценок указывают на наличие у подростков устойчивых представлений о себе и сформированной способности к самооценке, что соответствует возрастной норме.

Для более детального и структурированного анализа Я-концепции была использована «Шкала Я-концепции для детей» (А.М. Приходян), позволяющая количественно оценить выраженность различных компонентов Я-концепции. Анализ результатов показал, что большинство респондентов демонстрируют средний уровень удовлетворенности собой. Распределение уровней по различным компонентам методики «Шкала Я-концепции для подростков» позволяет выделить общую тенденцию к преобладанию среднего уровня самооценки по большинству шкал. Это может указывать на то, что образ «Я» у участников исследования сформирован, но еще не стабилизирован окончательно и находится в стадии активного развития, что соответствует возрастным особенностям старшего подросткового периода. Полученные сводные данные представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Распределение подростков по уровням выраженности компонентов Я-концепции
(количество человек, n=92)**

Уровень	Компоненты Я-концепции							
	Общая удовл. собой	Поведение	Интеллект, положение в школе	Ситуация в школе	Внешность	Тревожность	Общение	Счастье и удовл.
Низкий	24	6	8	16	6	25	12	2
Средний	54	45	55	43	52	50	56	41
Высокий	14	41	29	33	34	17	24	49

Так, по компоненту «Общая удовлетворенность собой» большинство респондентов продемонстрировали средний уровень, что может говорить о нейтральном или умеренно положительном восприятии своей личности: подростки в целом принимают себя, однако не во всем удовлетворены собой.

По шкале «Поведение» наблюдается почти равное соотношение среднего и высокого уровней, что может свидетельствовать о значимой части учащихся, оценивающих свое поведение как социально приемлемое и адекватное, хотя часть подростков пока склонны к критике своих поступков.

Компоненты, отражающие учебную сферу – «Интеллект и положение в школе» и «Ситуация в школе» – также продемонстрировали преобладание среднего уровня. Это может указывать на то, что подростки не испытывают острых проблем в учебной среде, но и не склонны воспринимать себя как особо успешных.

По шкале «Внешность» также доминирует средний уровень, что отражает относительную стабильность самооценки внешности: подростки скорее не испытывают серьезных комплексов, но и не демонстрируют выраженного восхищения собой.

Отдельного внимания заслуживает компонент «Счастье и удовлетворенность», где

большинство участников показали высокий уровень, а доля подростков со средним уровнем оказалась незначительно ниже. Это может указывать на общее позитивное эмоциональное состояние респондентов и наличие в их жизни факторов, приносящих удовлетворение и радость. Аналогичная картина наблюдается по шкале «Положение в семье», где доминирует средний уровень, но высокий также достаточно выражен – это может говорить о том, что большинство подростков воспринимают семейную обстановку как достаточно комфортную и поддерживающую.

Компоненты «Уверенность в себе» и «Общение» также характеризуются преобладанием среднего уровня. Подростки, вероятно, ощущают относительную уверенность в себе и не испытывают острых трудностей в коммуникативной сфере, хотя далеко не все демонстрируют высокий уровень социальной уверенности. По шкале «Тревожность» превалирует средний уровень, что может указывать на наличие у респондентов умеренного уровня тревожности, свойственного возрасту, но не достигающего патологических проявлений.

Дополнительно была проанализирована шкала социальной желательности, по которой у большинства подростков выявлен низкий уровень. Это означает, что респонденты отвечали честно и не стремились приукрасить себя в глазах других. Подобный результат повышает достоверность данных и отражает меньшую зависимость от внешней оценки, что характерно для периода формирования личностной автономии.

В результате исследования, проведенного с использованием методики «Шкала личностной тревожности» (А.М. Прихожан), были получены количественные данные, позволяющие определить степень выраженности тревожности у старших подростков. Распределение результатов по шкалам представлено в таблице 2.

Таблица 2

**Распределение подростков по уровням выраженности личностной тревожности
(количество человек, n=92)**

Уровень выраженности	Компоненты личностной тревожности				
	Шкала личностной тревожности	Школьная тревожность	Самооценочная тревожность	Межличностная тревожность	Магическая тревожность
Очень низкий	9	11	6	8	23
Низкий	35	36	58	56	44
Средний	32	24	20	24	19
Высокий	13	12	5	2	5
Очень высокий	3	9	3	2	1

Анализ полученных данных показал, что в исследуемой выборке преобладает низкий и средний уровень личностной тревожности, в то время как высокий уровень встречается значительно реже. Это может свидетельствовать о достаточно стабильном эмоциональном состоянии большинства учащихся, отсутствии выраженной внутренней напряженности, чрезмерной тревожности в отношении собственной личности и повседневных ситуаций.

Так, по компоненту «Общая удовлетворенность собой» большинство респондентов продемонстрировали средний уровень, что может говорить о нейтральном или умеренно

положительном восприятии своей личности: подростки в целом принимают себя, однако не во всем удовлетворены собой.

Низкие уровни тревожности также наблюдаются по таким шкалам, как межличностная, магическая и самооценочная. Вероятно, для большинства подростков характерно удовлетворительное восприятие себя в системе межличностных отношений, отсутствие выраженных страхов, связанных с иррациональными, «магическими» представлениями, а также сравнительно устойчивая самооценка. Низкие показатели по самооценочной тревожности могут говорить о том, что подростки в целом уверены в себе, не склонны к чрезмерной самокритике, а их внутренний образ «Я» относительно позитивен и не является источником постоянной тревоги.

По шкале школьной тревожности также преобладают низкие значения, за которыми следует средний уровень. Скорее всего большинство респондентов не испытывают сильного волнения, связанного с учебной деятельностью, школьными требованиями или взаимодействием с учителями и одноклассниками. Средние значения по этой шкале могут наблюдаться у тех учащихся, для которых школьная среда является источником умеренного напряжения – возможно, в периоды контрольных работ или экзаменов, но без перехода в хроническое тревожное состояние.

Таким образом, общая картина тревожности среди обследованных старшеклассников представляется относительно благополучной: низкие уровни тревожности по основным шкалам свидетельствуют о том, что большинство из них не сталкиваются с выраженными эмоциональными трудностями, связанными с самооценкой, отношениями и школьной средой. Однако наличие среднего уровня у части учащихся указывает на необходимость дальнейшего наблюдения и, при необходимости, психологической поддержки в период возрастных кризисов и повышенных учебных нагрузок.

Анализ полученных данных по методике «Интегративный тест тревожности» позволяет выделить ряд характерных особенностей, касающихся как ситуативного, так и личностного уровня тревожности у старшеклассников (таблица 3).

Таблица 3

Распределение подростков по уровнями выраженности тревожности (количество человек, n=92)

Уровень	Компоненты тревожности											Тропе
	Сит. тревожн.	Эмоц. дискомф.	Астен. комп.	Фоб. комп.	Трев. оц. персп.	Соц. защита	Личн. тревожн.	Эмоц. дискомф.	Астен. комп.	Фоб. комп.		
Низкий	16	22	19	19	21	30	10	12	17	17	2	2
Средний	38	49	36	45	39	39	43	46	31	36	3	3
Высокий	38	21	37	28	32	23	39	34	44	39	2	2

Анализ результатов позволяет сделать вывод о том, что у большинства старшеклассников уровень тревожности выражен в умеренной степени как на ситуационном, так и на личностном уровне. Однако наличие значительного количества высоких показателей по ряду шкал, особенно по астеническим и фобическим компонентам, указывает на необходимость особого внимания к эмоциональному состоянию данной возрастной группы. Это особенно важно в контексте подготовки к

экзаменам, профессионального самоопределения и формирования личностной зрелости.

Для выявления взаимосвязей между компонентами Я-концепции и уровнями тревожности у старшеклассников был проведен корреляционный анализ по методу Ч. Спирмена. Все полученные коэффициенты корреляции оказались статистически значимыми на уровне $p < 0,05$, что свидетельствует о высокой достоверности выявленных связей. Значимые корреляции представлены на рисунке 1.

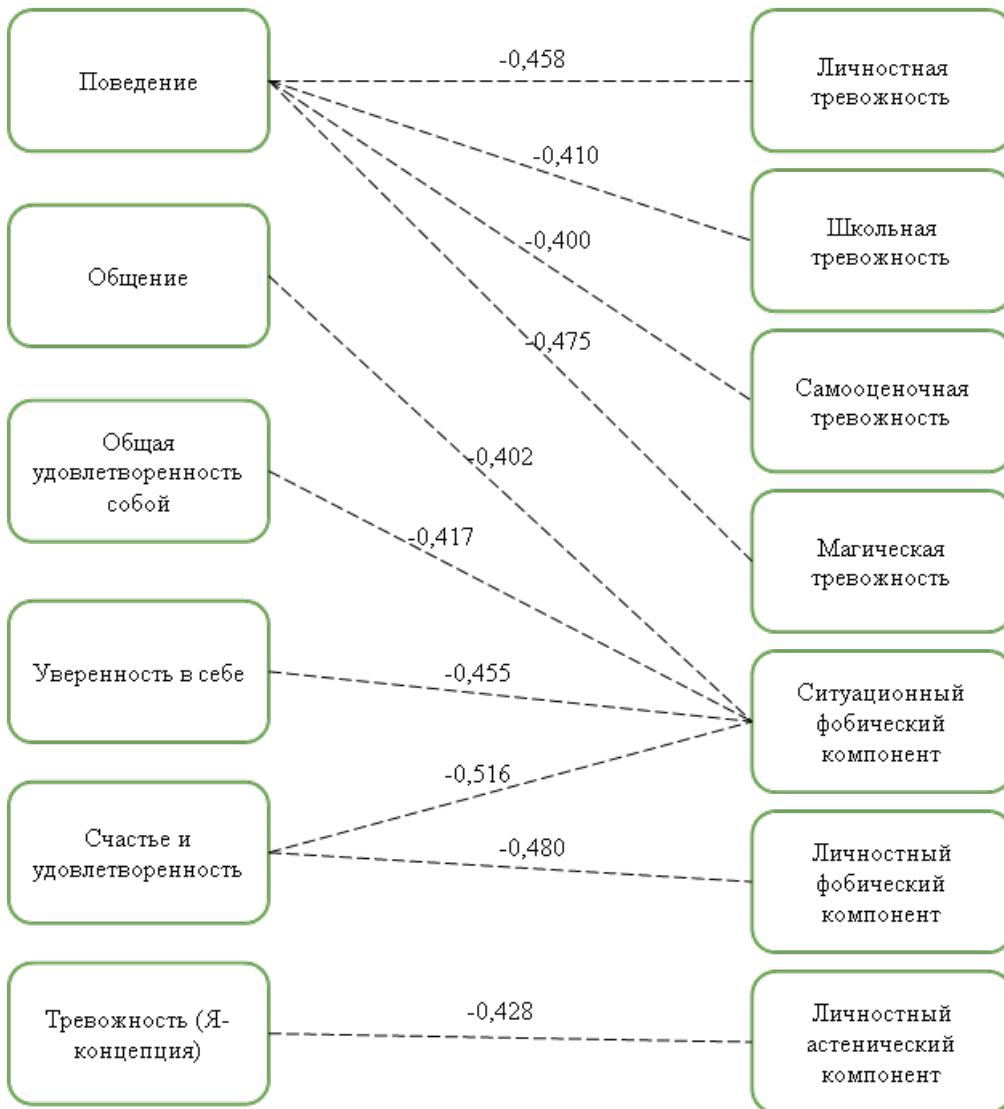

Рисунок 1 – Корреляционные плеяды, отражающие взаимосвязь между компонентами Я-концепции и тревожностью у старших подростков

Результаты анализа показывают статистически значимые отрицательные корреляции между компонентами Я-концепции и различными видами тревожности. Наиболее выраженная обратная связь обнаружена между компонентом «Счастье и удовлетворенность» и ситуационным фобическим компонентом тревожности, а также личностным фобическим компонентом. Это может говорить о том, что подростки, обладающие устойчивым позитивным эмоциональным фоном и ощущением жизненного благополучия, в меньшей степени подвержены иррациональным страхам и тревожным ожиданиям. Иными словами, внутренне благополучная и целостная Я-концепция выступает в роли фундамента, стабилизирующего воздействие тревожных стимулов.

Также компонент «Общая удовлетворенность собой» имеет отрицательную связь с ситуационной тревожностью, что может свидетельствовать о том, что целостное

позитивное восприятие себя защищает от эпизодических тревожных реакций. Похожие закономерности прослеживаются и в связи между компонентами «Уверенность в себе» и ситуационным фобическим компонентом тревожности, а также «Общение» и тем же компонентом тревожности. Подростки, обладающие устойчивыми социальными навыками и позитивным образом себя в межличностных взаимодействиях, демонстрируют более низкий уровень тревожности в ситуациях неопределенности или социального давления.

Компонент «Поведение», отражающий представления и оценку подростка о собственной активности и действиях, имеет значимые отрицательные корреляции с личностной тревожностью, школьной тревожностью, самооценочной тревожностью и магической тревожностью. Эти результаты подтверждают, что подростки с более устойчивыми представлениями о собственном поведении, как адекватном и контролируемом, обладают большей стрессоустойчивостью и меньшей восприимчивостью к тревожным состояниям в значимых для них сферах.

Интерес также представляет компонент «Тревожность» в структуре Я-концепции, который показал отрицательную связь с личностным астеническим компонентом тревожности. Это может свидетельствовать о том, что подростки, осознающие и принимающие свои тревожные состояния как часть Я-концепции, проявляют меньшую астеничность, что может быть связано с высоким уровнем психологической зрелости и рефлексии.

Таким образом, результаты проведенного корреляционного анализа подтверждают гипотезу о наличии статистически значимой взаимосвязи между компонентами Я-концепции и уровнем тревожности у старших подростков. Установлено, что чем более целостным, внутренне согласованным, устойчивым и позитивным является представление подростка о самом себе – тем ниже у него проявляется уровень тревожности. Подростки, обладающие высокой самооценкой, уверенностью в своих способностях, позитивным эмоциональным отношением к себе и устойчивым представлением о своей идентичности, в большей степени способныправляться с внутренними переживаниями, страхами и эмоциональным напряжением. Следовательно, формирование и поддержание позитивной Я-концепции может рассматриваться как значимый ресурс в профилактике и снижении уровня тревожности в данной возрастной группе.

Анализ результатов статистической обработки данных с использованием критерия Манна-Уитни выявил некоторые значимые половые различия в показателях тревожности и Я-концепции у старшеклассников. Полученные данные о различиях позволяют обнаружить определенную половую специфику в структуре самоотношения у подростков. Результаты статистической обработки данных приведены в таблице 4.

Таблица 4

Результаты статистической обработки данных респондентов разного пола с использованием U-критерия Манна-Уитни

№ п/п	Шкала	Сравниваемые выборки	Значения суммы критерия Манна- Уитни, U	Значения верхних критических точек, Z	Уровень достоверности
1	Тревожность	Ю/Д	702,0	-2,32	0,020
2	Шкала	ю/д	665,0	-2,01	0,022

№	социальной желательности	Ю/Д	665,0	-2,64	0,008
3	Коммуникативное Я	Ю/Д	732,5	-2,19	0,028
4	Самооценочная тревожность	Ю/Д	714,0	-2,23	0,026
5	Личностный фобический компонент	Ю/Д	742,0	-2,01	0,045

Анализ статистической обработки данных показал, что уровень общей тревожности оказался выше у девушек, что может быть связано с особенностями их Я-концепции, предполагающей более высокую чувствительность к социальной оценке и значимость межличностных отношений. У девушек отмечен также более высокий уровень самооценочной тревожности, что может указывать на повышенную склонность к внутренней критике и сомнениям в собственной компетентности. Это может свидетельствовать о том, что их представления о себе нередко включают элементы неуверенности и тревожности, особенно в ситуациях оценки их способностей и личностных качеств.

Показатель личностного фобического компонента также оказался выше у девушек, что может быть обусловлено тем, что их Я-концепция включает в себя выраженные страхи негативной оценки со стороны окружающих, а также повышенное внимание к собственным слабым сторонам. Эти компоненты Я-образа формируют у девушек более уязвимую самоидентичность, в которой значимыми становятся вопросы самопринятия и соответствия внешним ожиданиям, что в свою очередь способствует росту личностной тревожности.

Кроме того, у девушек был выявлен более высокий уровень по шкале «Коммуникативное Я», отражающий представления подростка о себе в коммуникативной сфере. Этот результат позволяет предположить, что девушки придают большее значение межличностным отношениям, что также может усиливать тревожные переживания при нарушении или угрозе социального взаимодействия. Таким образом, можно утверждать, что высокая значимость коммуникативного аспекта Я-концепции у девушек сопряжена с более выраженной эмоциональной реактивностью и тревожностью.

В то же время, у юношей статистически выше оказались показатели по шкале социальной желательности, что может указывать на тенденцию к конформному поведению и стремлению соответствовать социальным ожиданиям. Этот факт свидетельствует о том, что их Я-концепция может включать элементы социальной маски, что позволяет снижать выраженность тревожности внешне, но при этом может затруднять аутентичное самопонимание.

В целом, выявленные различия подтверждают, что структура и содержательные характеристики Я-концепции тесно связаны с уровнем тревожности. У девушек, как правило, более рефлексивная и эмоционально насыщенная Я-концепция, что способствует более высокому уровню тревожности, особенно в ситуациях, связанных с оценкой и межличностными отношениями. У юношей же преобладает более контролируемая, внешне устойчиво представленная Я-концепция, которая, несмотря на потенциальную склонность к социальной адаптивности, может скрывать внутренние напряжения.

Заключение

Таким образом, результаты эмпирического исследования позволили выявить особенности структуры Я-концепции и уровней тревожности у старших подростков, а также установить значимые взаимосвязи между ними. В структуре Я-концепции подростков наиболее выражены компоненты, связанные с саморефлексией, деятельностью, физическими характеристиками и социальной идентичностью, что отражает высокую значимость процессов самопознания и социального взаимодействия на этапе формирования личностной идентичности.

Преобладание положительных и определенных оценок в самоописаниях указывает на наличие в целом позитивного образа «Я» у большинства респондентов. Вместе с тем, присутствие отрицательных и неоднозначных высказываний подтверждает актуальность внутреннего конфликта и самокритики, характерных для старшего подросткового возраста. По данным методики А.М. Прихожан, большинство подростков продемонстрировали средний уровень удовлетворенности собой и другими компонентами Я-концепции, что соответствует этапу активного личностного становления.

Анализ тревожности показал, что у большинства подростков преобладают низкие и средние уровни как личностной, так и ситуационной тревожности, однако по ряду шкал (особенно фобической и астенической) выявлены повышенные значения, требующие психологического внимания.

Наибольшее значение имеет установленная отрицательная корреляция между устойчивостью Я-концепции и тревожностью: чем более позитивное и целостное представление подростка о себе, тем ниже уровень тревожных проявлений.

Также в исследовании выявлены значимые различия по полу. У девушек чаще наблюдаются более высокие уровни самооценочной и общей тревожности, а также выраженная чувствительность к межличностной оценке.

Исследование подтвердило, что Я-концепция играет ключевую роль в регуляции эмоционального состояния старших подростков. Развитие целостного и позитивного образа «Я» способствует снижению тревожности, а учет половых, социальных и средовых различий позволяет точнее понимать факторы риска и разрабатывать адресные меры психологической помощи. Полученные данные могут быть использованы в практике школьных психологов, при разработке программ по формированию здоровой самооценки и профилактике тревожных состояний в подростковом возрасте.

Библиография

1. Прихожан А.М. Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст. Санкт-Петербург: Питер, 2009. 119 с.
2. Солнцева П.В. Особенности формирования самооценки подростков // Психолого-педагогические исследования-Тульскому региону: Сборник материалов III Региональной научно-практической конференции магистрантов, аспирантов, стажеров, Тула, 18 мая 2023 года / Редколлегия: С.В. Пазухина [и др.]. Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью "Издательский дом "Среда", 2023. С. 172-176. EDN: LXOSMC
3. Губанова Г.Ф., Денисова Е.А., Кильнесов В.М. Особенности развития самооценки подростков в процессе межличностного общения // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 80-2. С. 347-350. EDN: BOXSAO
4. Цоцарова Л.А., Арскиева З.А. Специфика я-концепции в подростковом возрасте //

- Наука в современном мире: взгляд молодых ученых: Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Грозный, 27-28 мая 2022 года. Грозный: Чеченский государственный педагогический университет, 2022. С. 604-610. EDN: VWNKRX
5. Карабанова О.А. Риски информационной социализации как проявление кризиса современного детства // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 2020. № 3. С. 4-22. DOI: 10.11621/vsp.2020.03.01 EDN: JVZXXI
 6. Астапенко Д.В. Особенности самосознания подростков и информационного поведения в условиях цифровизации образования // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. 2021. Т. 4, № 5. С. 23-36. DOI: 10.23947/2658-7165-2021-4-5-23-36 EDN: DBCXWI
 7. Грязнова Е.В., Хрыкина Е.С. Источники формирования тревожности старшеклассников как проблема современного общества // Глобальный научный потенциал. 2022. № 9 (138). С. 30-32. EDN: PJXNJR
 8. Cueli M., Rodríguez C., Cañamero L.M., Núñez J.C., González-Castro P. Self-Concept and Inattention or Hyperactivity-Impulsivity Symptomatology: The Role of Anxiety // Brain Sciences. 2020. Vol. 10, no. 4. P. 1-13. DOI: 10.3390/brainsci10040250 EDN: PNZSZX
 9. Савельева Е.А. Проблема экзаменационной тревожности старших школьников в современной психологии // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 2-1(70). С. 136-141. EDN: UEYKOH
 10. Мищенко В.И. Изучение тревожности старшеклассников в период подготовки к итоговым экзаменам // Педагогика и психология образования. 2020. № 1. С. 208-218. DOI: 10.31862/2500-297X-2020-1-208-218 EDN: LTNHNS
 11. Ворожейкина В.В., Оганесова Н.Л. Самооценка подростков с разным уровнем личностной тревожности // Вестник науки. 2024. № 7 (76). С. 218-226. EDN: BYGBPI
 12. Прислопская Н.В. Тревожность и ее влияние на самооценку в подростковом возрасте // Science Time. 2019. № 12 (72). С. 33-38. EDN: BPLKFD
 13. Мазур Е.В. Взаимосвязь тревожности и самооценки в старшем подростковом возрасте // Теория и практика современной науки. 2019. № 2 (44). С. 237-239. EDN: ANRQNT
 14. Трубина В.В., Адамова Л.Е. Самооценка и тревожность у старших школьников // Вестник науки. 2025. № 1 (82). Т. 2. С. 914-921. EDN: WCNVFV
 15. Kheirkhah M. et al. Relationship between anxiety and self-concept in female adolescents // Iran journal of nursing. 2013. Т. 26. №. 83. С. 19-29.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная статья посвящена актуальной и практически значимой проблеме взаимосвязи структурных компонентов Я-концепции и различных видов тревожности в старшем подростковом возрасте. Исследование выполнено в русле возрастной и личностной психологии, что полностью соответствует специализации журнала «Психолог».

Содержание работы логично структурировано и полностью раскрывает заявленную в названии тему. Автор последовательно ведет читателя от теоретического анализа проблемы к эмпирической проверке гипотез и обоснованным выводам. Использован комплекс валидных и надежных психодиагностических методик (М. Кун и Т. Макпартленд; Е. Пирс и Д. Харрис; А.М. Приходян; А.П. Бизюк и др.), апробированных

на российской выборке. Применение как корреляционного анализа (Ч. Спирмен), так и критерия Манна-Уитни для выявления гендерных различий является адекватным поставленным задачам.

Проведен не только констатирующий анализ, но и выявлены содержательные взаимосвязи между конкретными компонентами Я-концепции (например, «Счастье и удовлетворенность», «Уверенность в себе») и видами тревожности (ситуационной, личностной, фобической). Наличие статистически значимой обратной корреляции между целостностью Я-концепции и уровнем тревожности является ключевым, практически значимым результатом.

Комплексный подход к изучению взаимосвязи двух сложных конструктов с учетом гендерной специфики составляет научную новизну работы. Полученные результаты имеют практическую ценность для психологов-консультантов и педагогов, работающих в образовательной среде, и могут быть использованы при разработке программ психологического сопровождения и профилактики тревожности у подростков.

Научная новизна заключается в комплексном исследовании взаимосвязи компонентов Я-концепции и тревожности с учётом гендерных различий. Выводы логичны и обоснованы, следуют из полученных данных, что подтверждается статистически значимыми корреляциями. Хотя выводы логичны и вытекают из данных, раздел «Обсуждение» мог бы быть усилен за счет более развернутой интерпретации результатов в контексте современных теоретических моделей, а также анализа ограничений исследования (например, кросс-секционный дизайн, не позволяющий устанавливать причинно-следственные связи).

В тексте встречаются незначительные стилистические погрешности и повторы. Рекомендуется провести вычитку для повышения академической строгости изложения.

Несмотря на отмеченные замечания, статья представляет собой завершенное, методически грамотное и релевантное исследование. Его результаты вносят вклад в развитие возрастной психологии и психологии личности, обладают научной новизной и несомненной практической значимостью.

Список литературы релевантен теме исследования, включает как классические, так и современные источники (в том числе зарубежные).

Статья соответствует требованиям к академическим публикациям: содержит введение, теоретический обзор, описание методологии, результаты, выводы и библиографию. Однако в тексте встречаются стилистические погрешности и повторы. Таблицы и рисунки оформлены наглядно, но в некоторых случаях их интерпретация могла бы быть более детальной.

Исследование обладает научной новизной, представляет практическую ценность для образовательной среды, а также может быть полезным при разработке программ психологического сопровождения подростков. Результаты работы вносят вклад в развитие возрастной психологии и психологии личности.

Статья имеет значительный научный потенциал и рекомендована к публикации.

Англоязычные метаданные

Integration of neurophysiological mechanisms of attention and emotional regulation in the "Reality Strategy" method: empirical justification for accelerated therapy of psychological trauma

Aktayeva Anna Arifovna

Dean; Higher School of Psychology, School of Psychology and Emotional Intelligence 'Strategy of Reality'

22 Mendikulova street, Medeu district, Almaty, Kazakhstan

✉ akt-ann@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the integration of neurophysiological mechanisms of the reticular activating system (RAS) and emotional regulation within the framework of the innovative method "Reality Strategy," developed for accelerated therapy of psychological trauma. The object of study is the psyche as a dynamic self-organizing system prone to fragmentation under conditions of global crises, where emotional intelligence (EI) plays a key role as a catalyst for reconsolidation. The author analyzes the role of RAS in selective attention filtering and its dysfunction when fixating on traumatic narratives. As a central instrument of correction, a multi-level "Acceptance" is considered, providing recalibration of neural filters through practices based on principles of predictive coding of the brain. Empirical data ($N = 60$) confirm high effectiveness: a sharp reduction in emotional charge of traumas (from 9.5 to 1.8 points) is observed, statistically significant growth in EI indicators ($p < 0.001$), and sustainable improvement of neurophysiological markers of attention. The method is positioned as precision psychotherapy and introduces the concept of "neuroauthenticity" for deep personal transformation and prevention of disorders in high-risk groups. The method and methodology feature a longitudinal design with pre-, mid-, and post-measurements, tools including MSCEIT, HADS, PCL-5, and qualitative analysis of vignettes to assess neuroplasticity and emotional regulation. The novelty of the research lies in the operationalization of multi-level "Acceptance" as a tool for reprogramming RAS to focus on resource narratives, accelerating healing. The main results of the conducted research provide convincing confirmation of the therapeutic effectiveness of the proposed method, demonstrated by statistically significant improvements in the participants' condition, including a 30-40% reduction in anxiety and depression symptoms on the HADS and PCL-5 scales. These data indicate a high potential for scaling the method at a global level, especially in the acute post-pandemic mental health crisis, where demand for innovative treatment approaches is growing. The authors emphasize the need for further research using randomized controlled trials (RCTs) and neuroimaging methods such as fMRI for deeper validation and understanding of the mechanisms of action at the brain level. An important scientific contribution of this study is the introduction of the concept of "neuroauthenticity," which enhances the effectiveness of therapeutic intervention and strengthens preventive measures for the quality of life of patients.

Keywords: neuroauthenticity, precision psychotherapy, predictive coding, reticular activating system, acceptance, emotional intelligence, psychological trauma, neurophysiology of attention, reality strategy, emotional regulation

References (transliterated)

1. American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders (DSM-5-TR). American Psychiatric Association Publishing, 2022. DOI: 10.1176/appi.books.9780890425787.
2. Bradley, B., Greene, J., Russ, E., Dutra, L., Westen, D. A Multidimensional Meta-Analysis of Psychotherapy for PTSD. *The American journal of psychiatry*, 2005, 162: 214-227. DOI: 10.1176/appi.ajp.162.2.214.
3. Clark, A. Consciousness as Generative Entanglement. *The Journal of Philosophy*, 2019, 116: 645-662. DOI: 10.5840/jphil20191161241.
4. Maldonato, N. The Ascending Reticular Activating System: The Common Root of Consciousness and Attention. *Smart Innovation, Systems and Technologies*, 2014, 26. DOI: 10.1007/978-3-319-04129-2_33.
5. Etkin, A., Wager, T. Functional Neuroimaging of Anxiety: A Meta-Analysis of Emotional Processing in PTSD, Social Anxiety Disorder, and Specific Phobia. *The American journal of psychiatry*, 2007, 164: 1476-1488. DOI: 10.1176/appi.ajp.2007.07030504.
6. McGinnis, E., Cherian, J., McGinnis, R. The State of Digital Biomarkers in Mental Health. *Digital Biomarkers*, 2024, 8: 210-217. DOI: 10.1159/000542320.
7. Sletvold, J. Freud's Three Theories of Neurosis: Towards a Contemporary Theory of Trauma and Defense. *Psychoanalytic Dialogues*, 2016, 26: 460-475. DOI: 10.1080/10481885.2016.1190611.
8. Elliott, R., Bohart, A., Watson, J., Greenberg, L. Empathy. *Psychotherapy (Chicago, Ill.)*, 2011, 48: 43-49. DOI: 10.1037/a0022187.
9. Forkus, S. R., Raudales, A. M., Rafiuddin, H. S., Weiss, N. H., Messman, B. A., Contractor, A. A. The Posttraumatic Stress Disorder (PTSD) Checklist for DSM-5: A Systematic Review of Existing Psychometric Evidence. *Clinical psychology: a publication of the Division of Clinical Psychology of the American Psychological Association*, 2023, 30(1): 110-121. DOI: 10.1037/cps0000111.
10. Zigmond, A. S., Snaith, R. P. The hospital anxiety and depression scale. *Acta psychiatica Scandinavica*, 1983, 67(6): 361-370. DOI: 10.1111/j.1600-0447.1983.tb09716.x.
11. Derakshan, N., Eysenck, M. Anxiety, Processing Efficiency, and Cognitive Performance. *European Psychologist*, 2009, 14: 168-176. DOI: 10.1027/1016-9040.14.2.168.
12. Schultz, W. Dopamine signals for reward value and risk: basic and recent data. *Behavioral and brain functions*, 2010, 6: 24. DOI: 10.1186/1744-9081-6-24.
13. Porges, S. Polyvagal theory: Current status, clinical applications, and future directions. *Clinical Neuropsychiatry*, 2025, 22(3). DOI: 10.36131/cnfiortieditore20250301.
14. Shin, L. M., Liberzon, I. The neurocircuitry of fear, stress, and anxiety disorders. *Neuropsychopharmacology: official publication of the American College of Neuropsychopharmacology*, 2010, 35(1): 169-191. DOI: 10.1038/npp.2009.83.
15. Paul, H. Process-Based CBT: The Science and Core Clinical Competencies of Cognitive Behavior Therapy. *Child & Family Behavior Therapy*, 2018, 40: 1-7. DOI: 10.1080/07317107.2018.1522153.
16. Brown, L., Rando, A. A., Eichel, K., Van Dam, N. T., Celano, C. M., Huffman, J. C., Morris, M. E. The Effects of Mindfulness and Meditation on Vagally Mediated Heart Rate Variability: A Meta-Analysis. *Psychosomatic medicine*, 2021, 83(6): 631-640. DOI: 10.1097/PSY.0000000000000900.
17. Bonanno, G. Resilience in the face of potential trauma: Clinical practices and

- illustrations. Journal of clinical psychology, 2006, 62: 971-985. DOI: 10.1002/jclp.20283.
18. Friston, K. The free-energy principle: a unified brain theory? Nature reviews. Neuroscience, 2010, 11: 127-138. DOI: 10.1038/nrn2787.
 19. Mayer, J., Salovey, P., Caruso, D. Emotional Intelligence: Theory, Findings, and Implications. Psychological Inquiry, 2004, 15: 197-215. DOI: 10.1207/s15327965pli1503_02.
 20. Horvath, A. O., Greenberg, L. S. (Eds.). The working alliance: Theory, research, and practice. John Wiley & Sons, 1994.
 21. Turner, A., Cowan, H., Otto-Meyer, R., McAdams, D. The power of narrative: The emotional impact of the life story interview. Narrative Inquiry, 2020, 34. DOI: 10.1075/ni.19109.tur.
 22. Buckner, R. L. The brain's default network: origins and implications for the study of psychosis. Dialogues in clinical neuroscience, 2013, 15(3): 351-358. DOI: 10.31887/DCNS.2013.15.3/rbuckner.
 23. Lindquist, K., Gendron, M. What's in a Word? Language Constructs Emotion Perception. Emotion Review, 2013, 5: 66-71. DOI: 10.1177/1754073912451351.
 24. Braun, V., Clarke, V. One size fits all? What counts as quality practice in (reflexive) thematic analysis? Qualitative Research in Psychology, 2020, 18: 1-25. DOI: 10.1080/14780887.2020.1769238.
 25. Killgore, W. D. S., Smith, R., Olson, E. A., Weber, M., Rauch, S. L., Nickerson, L. D. Emotional intelligence is associated with connectivity within and between resting state networks. Social cognitive and affective neuroscience, 2017, 12(10): 1624-1636. DOI: 10.1093/scan/nsx088.

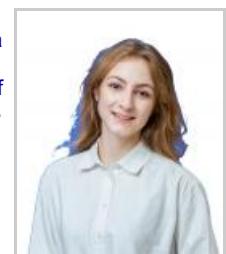
Fundamental and Applied Approaches in Soviet Psychology of Films in 1920s-1930s

Shtriker Yuliya Dmitrievna

Postgraduate student; Laboratory of the History of Psychology and Historical Psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences

129366, Russia, Moscow, Alekseevsky district, Yaroslavskaya str., 13, room 1

✉ yulia.shtriker@gmail.com

Kostřigin Artem Andreevich

PhD in Psychology

Senior Researcher; Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences

13 Yaroslavskaya str., room 1, Moscow, 129366, Russia

✉ artdzen@gmail.com

Abstract. The modern development of cinema, as well as the prospects for applying psychological knowledge to filmmaking and analyzing their impact on audiences, have their roots in the early developments in film psychology in the early 20th century. However, a historical and psychological analysis of the development of film psychology is underrepresented in modern literature. This scientific field developed as an independent and interdisciplinary one at the intersection of scientific, artistic, and ideological knowledge. This article aims to examine methodological approaches to Soviet film psychology in the 1920s and

1930s. The chronological framework of the study is related to the period of the formation of the Soviet film industry and the formation of Soviet psychology during the NEP and industrialization. The relevance of the study is determined by the objective of systematizing the theoretical and methodological principles of film psychology research in the 1920s and 1930s. The method used is a problemological and source study analysis of scientific literature on film psychology from the 1920s and 1930s. The sources analyzed include monographs, journal and newspaper articles discussing theoretical and methodological issues in film studies. The Marxist (materialist) paradigm, which underpinned the development of Soviet psychology in general and cinema psychology in particular during the period under study, is examined. From the standpoint of dialectical materialism, the psyche is a product of social reality and is determined by material factors, while artistic intent is realized through the material form of cinema. Within the framework of Soviet cinema psychology, fundamental (reflexological and psychophysiological) and applied (psychotechnical and pedagogical) approaches can be distinguished. The reflexological and psychophysiological approaches studied the reflexive and dynamic characteristics of the functioning of mental phenomena in the process of perception and influence of cinema. In psychotechnics and pedology, the characteristics of the perception and influence of films on representatives of certain social groups and their activities in various social and professional spheres were analyzed. The described methodological developments in the field of Soviet cinema psychology in the 1920s and 1930s allow to define this scientific direction as independent and having its own conceptual specificity.

Keywords: psychotechnics, psychophysiology, reflexology, Marxist paradigm, scientific direction, perception of film, psychology of film, Soviet psychology, history of psychology, pedology

References (transliterated)

1. Aniskin M.A. Stanovlenie sovetskoi sistemy kinoproizvodstva (1920–1930-e gg.) // Vlast'. 2016. № 10. S. 154-159. EDN: WXFHMF.
2. Bezenkova M.V. Printsipy osvoeniya ekrannoj real'nosti v sovetskem dokumental'nom kinematografie 30-kh godov KhKh veka // Chelovek i kul'tura. 2019. № 2. S. 24-34. DOI: 10.25136/2409-8744.2019.2.29633 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29633
3. Bekhterev V.M. Kinematograf i nauka // Vestnik kinematografii. 1915. № 110 (8). S. 39-40.
4. Bogdanchikov S.A. O nauchnykh napravleniyakh v sovetskoi psikhologii 1920–1930-kh godov // Perspektivy psikhologicheskoi nauki i praktiki: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. RGU im. A.N. Kosygina, 16 iyunya 2017 g. / Pod red. V.S. Belgorodskogo, O.V. Kashcheeva, I.V. Antonenko, I.N. Karitskogo. M.: FGBOU VO "RGU im. A.N. Kosygina", 2017. S. 26-31. EDN: ZGTQZN.
5. Boltunov A.P. Printsipy i sistema proforientatsii v shkole. L.: LPI, 1932. 154 s.
6. Brukson Ya.B. Tvorchestvo kino. L.: Kooperativnoe izdatel'skoe tovarishchestvo "Kolos", 1926. 88 s.
7. Vol'kenshtein V.M. Dramaturgiya kino. Ocherk. M.-L.: Iskusstvo, 1937. 150 s.
8. Gel'mont A.M. Izuchenie vliyaniya kino na detei // Kino i kul'tura. 1929. № 4. S. 38-47.
9. Gel'mont A.M. Kino i vospitanie // Kino – deti – shkola: Metodicheskii sbornik po kinorabote s det'mi / Pod red. A.M. Gel'monta. M.: Rabotnik prosveshcheniya, 1929. S. 5-24.

10. Gindin S. Teoriya i eksperiment v rabotakh N.I. Zhinkina o kinoiskusstve (1927-1930) // Filosofsko-literaturnyi zhurnal "Logos". 2010. № 2 (75). S. 176-185. EDN: TPFIOX.
11. Goldobin A.V. Kino na territorii SSSR: po materialam provintsial'noi pressy. M.: Gos. izd-vo, 1924. 80 s.
12. Golovnev I.A. Stanovlenie sovetskogo etnograficheskogo kino v kontse 1920-kh-1930-e gg. (na primere tvorchestva A.A. Litvinova): Diss. ... kand. ist. nauk. M., 2015. 200 s.
13. Golovneva E.V., Golovnev I.A. Nauchnye poiski v sovetskoi kinematografii 1920-kh-1930-kh godov (metod "parallel'noi kinozas'emki" Anatoliya Terskogo) // Nauka televideniya. 2022. T. 18. № 4. S. 151-170. DOI: 10.30628/1994-9529-2022-18.4-151-170 EDN: KVONKO.
14. Gorbatkova O.I., Fedorov A.V. Teoreticheskaya model' mediaobrazovaniya v SSSR 1920-kh godov // Innovatsii v obrazovanii. 2013. № 6. S. 114-128.
15. Goryachok K.L. Avtorskaya estetika Dziga Vertova: 1910-1940-e gody: Avtoref. diss. ... kand. filos. nauk: 09.00.04. M., 2022. 26 s. EDN: WVXXTJ.
16. Do Egito T.M. Ignatii Loiola i Konstantin Stanislavskii v interpretatsii Sergeya Eizenshtaina: ot misticheskogo ekstaza do montazha // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie. 2022. № 103. S. 87-107. DOI: 10.15382/sturI2022103.87-107 EDN: TDSVGE.
17. Dymshits S.V. Problema khudozhestvennosti v nauchnom kinematografe 1930-kh gg. (na materiale fil'ma "Fiziologiya i patologiya vysshei nervnoi deyatel'nosti") // Vestnik VGIK. 2024. T. 14. № 4 (62). S. 37-55.
18. Zhdankova E.A. Kinoteatr dlya "novogo cheloveka": dosug i kino v SSSR v 1920-e gody // Novoe literaturnoe obozrenie. 2022. № 3. S. 122-136. DOI: 10.53953/08696365_2022_175_3_122 EDN: WDIFKR.
19. Zhdankova E.A. Nekotorye aspekty zarozhdeniya detskogo kinematografa v SSSR v period nepa // Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN. 2014. № 12. S. 235-243. EDN: RDJZXN.
20. Zhinkin N.I. Izuchenie detskogo otnosheniya k kinematograficheskoi kartine // Pedologiya. 1930. № 4 (10). S. 505-519.
21. Iezuitov N.M. O stilyakh sovetskogo kino (kontsepsiya razvitiya sovetskogo kinoiskusstva) // Sovetskoe kino. 1933. № 3-4. S. 35-55.
22. Kino: organizatsiya upravleniya i vlast'. 1917-1938 gg.: Dokumenty / Sost., predisl. i primech. A.L. Evstigneevoi. M.: ROSSPEN, 2016. 605 s.
23. Kister G.A. Detskii kinoteatr: opyt raboty TsDKhVD im. Bubnova: metodicheskoe posobie dlya vneshkol'nykh rabotnikov i pedagogov detskikh kinoteatrov. M.: Red-izd. sektor Rossnabsbytkino, 1936. 54 s.
24. Kitova D.A., Zhuravlev A.L. Predstavlennost' kino-kul'tury SSSR v mentaliteete Rossiyan // Institut psichologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psichologiya. 2025. T. 10. № 2 (38). S. 162-182. DOI: 10.38098/ipran.sep_2025_38_2_07 EDN: CDQKXI.
25. Kornilov K.N. Marksistskaya psichologiya i sotsialisticheskoe stroitel'stvo // Psikhonevrologicheskie nauki v SSSR: materialy I Vsesoyuznogo s"ezda po izucheniyu povedeniya cheloveka / Pod red. A.B. Zalkinda. M.-L.: Gosudarstvennoe meditsinskoe izdatel'stvo, 1930. S. 12-14.
26. Kornilov K.N. Psichologicheskoe obosnovanie metodov raboty i metodov izucheniya auditorii vzroslykh. M.: Gos. izd-vo, 1929. 61 s.

27. Kosmachevskaya E.A., Gromova L.I. "Mekhanika golovnogo mozga" – pervyi fil'm ob uslovnykh refleksakh // Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki. 2012. T. 33. № 4. S. 132-141. EDN: PHCVVD.
28. Kostrigin A.A., Stoyukhina N.Yu., Makhlin A.I. Rol' vlasti i gosudarstvennykh deyatelei v stanovlenii i razvitiu psichotekhnicheskogo obrazovaniya v SSSR v 1920-1930-e gg. // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2020. № 4 (115). S. 80-88. DOI: 10.20323/1813-145X-2020-4-115-80-88 EDN: TQKOOH.
29. Kubrak T.A., Latynov V.V. Psikhologiya kinodiskursa: faktory vybora, vospriyatiye, vozdeistvie. M.: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2019. 211 s.
30. Kuleshov L.V. Iskusstvo kino. L.: Tea-kino-pechat', 1929. 153 s.
31. Lebedev N. Pervaya proletarskaya fil'ma // Kino-zhurnal A.R.K. 1925. № 3. S. 2.
32. Mazilov V.A., Slepko Yu.N. Psikhologiya truda, trudovogo obucheniya i vospitaniya v Yaroslavskoi psichologicheskoi shkole. Chast' 2. Rannie etapy stanovleniya // Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya. 2022. T. 7. № 3. S. 234-272. DOI: 10.38098/ipran.sep_2022_27_3_08 EDN: FW KYGU.
33. Markina O.S. Sotsial'no-psichologicheskie osobennosti vospriyatiya i ponimaniya khudozhestvennogo fil'ma: na primere fil'ma R. Bykova "Chuchelo": Avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk. M., 2010. 30 s. EDN: QEYQPJ.
34. Meng V.A. Uchebnyi fil'm v otechestvennoi pedagogike: ot istokov zarozhdeniya k novym vozmozhnostyam // Chelovek i obrazovanie. 2012. № 3 (32). S. 157-161.
35. Nauchnyi arkhiv Instituta psikhologii RAN (NA IPRAN). F. 4. Op. 1.10. D. 29. Artemov V.A. Psikhologiya dlya kino (1936).
36. Nikiforova O.I. Problema kinovospriyatiya: Avtoref. kand. diss. M., 1936.
37. O kino-obshchestvennosti. O zritele i nekotorykh nepriyatnykh veshchakh // Kino-zhurnal A.R.K. 1925. № 3. S. 3-4.
38. Peres B. Osnovnye zadachi shkol'no-uchebnogo kino na 1933 g. // Uchebnoe kino. 1933. № 1. S. 1-3.
39. Peres B.S. Na novykh rel'sakh. M.: Izd-vo Roskino, 1932. 11 s.
40. Pleskachevskaya A.A. Kinotrening i sfera ego primeneniya // Psichologicheskaya gazeta. 1998. № 8. S. 18.
41. Pravdolyubov V.A. Kino i nasha molodezh' na osnove dannykh pedologii. M.: Gos. izd-vo, 1929. 139 s.
42. Pudovkin V.I. Kino-stsenarii: teoriya stsenariya. M.: Kino-izdatel'stvo R.S.F.S.R., 1926. 64 s.
43. Puti kino: Pervoe Vsesoyuz. part. soveshch. po kinematografii / Pod red. B.S. Ol'khovogo. M.: Tea-kino-pechat', 1929. 465 s.
44. Room A. Moi kinoubezhdeniya // Sovetskii ekran. 1926. № 8. S. 7.
45. Rudik P. Psichologicheskie trebovaniya k postroeniyu shkol'no-uchebnoi fil'my // Uchebnoe kino. 1933. № 1. S. 7-10.
46. Rudik P.A. Psichologiya kinovospriyatiya // K soveshchaniyu po voprosam massovogo vozdeistviya na VII mezhdunarodnoi psichotekhnicheskoi konferentsii: tezisy dokladov. M.-L.: Ogiz-Sotseksgiz, 1931. S. 16-19.
47. Semenova A.K. Uchebnoe kino: istoricheskii aspekt // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2015. № 1(2). S. 143-151.
48. Simbertseva N.A. Mediapedagogika kak prioritetnoe napravlenie sovremennoogo obrazovaniya // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2020. № 5. S. 21-26.
49. Sirotkina I.E. Biomekhanika: mezhdu naukoi i iskusstvom // Voprosy istorii

- estestvoznaniya i tekhniki. 2011. T. 32. № 1. S. 46-70. EDN: NDWIQR.
50. Sovetskaya psikhologiya: etap istorii nauki i mentalitet. M.: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2024. 698 s.
51. Sokolov A.G. Priroda ekrannogo tvorchestva: Psikhologicheskie zakonomernosti. M.: CheRo, 1997. 269 s.
52. Sokolov I.V. Kino-stsenarii teoriya i tekhnika. M.: Kinopechat', 1926. 89 s.
53. Starkova E.V., Kukovyakin S.A. Nauchnoe tvorchestvo V.M. Bektereva // Vyatskii meditsinskii vestnik. 2008. № 3. S. 73-77. EDN: PBLPYD.
54. Stoyukhina N.Yu. "Fiziolog-trudoved" i psikhotechnik Krikor Khachaturovich Kekcheev (k 130-letiyu so dnya rozhdeniya) // Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda. 2023. T. 8. № 2. S. 181-207. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2023_27_2_008 EDN: XNALVG.
55. Stoyukhina N.Yu. Iстория советской психотехники: психология воздействия. M.: Logos, 2012. 324 s. EDN: SUGEZB.
56. Stoyukhina N.Yu. Periodizatsiya psikhologii vozdeistviya v sovetskoi psikhotechnike 1920–1930-kh gg. // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2016. № 2. S. 105-110. EDN: WCLQEJ.
57. Stoyukhina N.Yu. Sergei Stepanovich Chakhotin i NOT: KOVOTEP – OSVAG – SSSR // Iстория российской психологии в личности: Daidzhest. 2017. № 5. S. 142-166. EDN: YNMHYM.
58. Stoyukhina N.Yu., Mazilov V.A. D.I. Reitynbarg: osnovatel' psikhologii vozdeistviya v sovetskoi psikhotechnike // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2015. № 4. S. 169-178. EDN: UXMHMP.
59. Sukharebskii L.M. Kino i zdorov'e detei // Kino – deti – shkola: Metodicheskii sbornik po kinorabote s det'mi / Pod red. A. M. Gel'monta. M.: Rabotnik prosveshcheniya, 1929. S. 25-33.
60. Sukharebskii L.M. Nauchnoe kino. M.: Kinopechat', 1926. 58 s.
61. Sukharebskii L.M. Patokinografiya v psichiatrii i nevropatologii. M.: Biomedgiz, 1936. 244 s.
62. Timoshenko S.A. Iskusstvo kino i montazh fil'ma. L.: Academia, 1926. 75 s.
63. Tolstova N. Pedagogicheskaya rabota v detskom kino // Prosveshchenie na Urale. 1927. № 7 (8). S. 99-109.
64. Uiddis E. Sotsialisticheskie chuvstva: Kino i sozdanie sovetskoi sub"ektivnosti // Novoe literaturnoe obozrenie. 2014. № 5. S. 50-79. EDN: UUQCIX.
65. Usuvaliev S.I. Metodologicheskie aspekty izucheniya istorii sovetskogo kino v 1930-e gody // Vestnik VGIK. 2019. T. 11. № 3 (41). S. 17-28. EDN: SATBIW.
66. Fedorov A.V., Levitskaya A.A., Gorbatkova O.I. Evolyutsiya teoreticheskikh kinovedcheskikh kontseptsii v zhurnale "Iskusstvo kino" (1931–2021). M.: OD "Informatsiya dlya vsekh", 2023. 378 s. EDN: UHXPNG.
67. Feringer M. Avangard i psikhotechnika: nauka, iskusstvo i metodiki eksperimentov nad vospriyatiem v poslerevolyutsionnoi Rossii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 332 s.
68. Khedberg-Olenina A. Psikhomotornaya estetika: dvizhenie i chuvstvo v literature i kino nachala KhX veka. M.: NLO, 2024. 582 s.
69. Kholod A.Ya. "Kino-gazeta" (1929–1931 gg.) i osveshchenie problemy vospitaniya detei s pomoshch'yu kinoproduktsov togo vremeni // Diskursologiya i mediakritika sredstv massovoi informatsii: Sbornik nauchnykh rabot po materialam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Belgorod, 04-07 oktyabrya 2017 goda / Pod red.

A.V. Polonskogo, M.Yu. Kazak, S.V. Ushakovo. Belgorod: Izdatel'skii dom "Belgorod", 2017. S. 34-46.

70. Shein A. Problema vospriyatiya i osmyshleniya kino-fil'my det'mi // Tezisy dokladov k soveshchaniyu po voprosam massovogo vozdeistviya na VII Mezhdunarodnoi psikhotekhnicheskoi konferentsii. M.-L.: Sotsekgiz, 1931. S. 22-24.
71. Shipulinskii F. Dusha kino (psikhologiya kinematografa) // Kinematograf. 1919. S. 9-20.
72. Eizenshtein S. Montazh attraktsionov: K postanovke "Na vsyakogo mudretsa dovol'no prostoty" A.N. Ostrovskogo v moskovskom Proletkul'te // Lef. 1923. № 3. S. 70-75.
73. Yudin A. Printsipy postroeniya uchebnoi fil'my // Uchebnoe kino. 1933. № 1. S. 11-12.
74. Yanovskii M.I. Problema izucheniya kinematografa v psikhologii // Psikhologicheskii zhurnal. 2010. T. 31. № 5. S. 79-88. EDN: MULXBR.
75. Yanovskii M.I. Psikhologicheskaya priroda vospriyatiya "svyazki" mezhdu kadrami v kinomontazhe // Psikhologicheskii zhurnal. 2008. T. 29. № 1. S. 46-53. EDN: INMISP.
76. Angelini A. Psychoanalytic Perspectives on Sergei M. Eisenstein's Work: Cinema and Psychoanalysis in Soviet Russia. London: Routledge, 2023. 158 p.
77. Serov L. The Development of Educational Cinema for Schools in the Soviet Union in the 1930s: From the Cinefication of Schools to the Film Lesson // Research in Film and History. 2023. № 5. P. 1-48.
78. Toporova A. Science, Medicine and the Creation of a "Healthy" Soviet Cinema // Journal of Contemporary History. 2019. № 5(1). P. 1-26.
79. Toporova A. The Hypnotic Screen: The Early Soviet Experiment with Film Psychotherapy // Social History of Medicine. 2022. № 35 (3). R. 946-971.

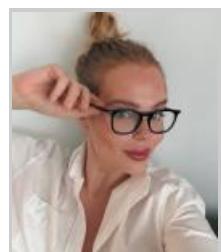
Professional liberation and personal well-being: differentiation of adaptation trajectories based on individual characteristics

Stepanova Daria Evgenievna

Senior Lecturer; Department of Psychology, Moscow International University

25 Melnikov Ave., 75 block, Khimki, Moscow region, 141501, Russia

✉ dashkazlo91@mail.ru

Abstract. This article examines the process of professional dismissal as a critical life event that significantly impacts an individual's psychological well-being. The aim of the study was to differentiate trajectories of psychological adaptation to dismissal based on individual psychological characteristics. The relevance of this topic lies in the fact that the process of professional dismissal is a significant life event, followed by significant and global changes, stress, and loss of identity—all of which lead to a decline in employee well-being within the organization. The issue of psychological support for professional well-being within organizations has been understudied, and the lack of effective preventative measures to support employee well-being is a recognized problem. Despite a significant volume of international research, this topic remains underdeveloped in Russian psychology. An analysis of the publications allows us to determine the focus of Russian researchers when studying the professional well-being of employees. The study involved 174 respondents. The methodological framework included a set of psychodiagnostic techniques aimed at assessing coping strategies, resilience, emotional intelligence, motivation, and value orientations, as

well as the use of correlation and cluster analysis. The analysis of empirical data revealed key predictors of successful professional release: general abilities, resilience, and value orientations. Cluster analysis identified five types of employees with characteristic behavioral profiles in a release situation: "harmonious intellectual," "workaholic," "unrecognized genius," "servant," and "victim of circumstances." Dominant coping strategies and psychological characteristics are described for each type. Based on the resulting typology, differentiated adaptation trajectories were developed and described, offering organizations targeted areas of psychological support tailored to the individual employee profile. The process of employee adaptation in a situation of professional release consists of a unified algorithm, which includes the following main areas of work: diagnostic and analytical; consultative; developmental; and educational. It is concluded that taking into account personal characteristics in the process of dismissal contributes not only to the successful adaptation of the employee, but also to the preservation of his psychological well-being, which ultimately is important for social responsibility and the reputation of the organization.

Keywords: professional activity, individual-personal characteristics, employee typology, cluster analysis, coping strategies, adaptation trajectories, adaptation, psychological well-being, professional liberation, personnel policy

References (transliterated)

1. Vukolov V.L. Tsifrovaya ekonomika i rynok truda, tsifrovye tekhnologii i trudovye otnosheniya: Vzaimovliyanie, osobennosti i tendentsii razvitiya // Sotsial'no-trudovye issledovaniya. 2023. № 1. S. 24-28. DOI: 10.34022/2658-3712-2023-50-1-24-30 EDN: UGGVAN.
2. Golubeva N.M. K probleme differentsiatsii ponyatii psikhologicheskogo i sub"ektivnogo blagopoluchiya lichnosti // Izvestiya saratovskogo universiteta im. N.G. Chernyshevskogo. Novaya seriya. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya. 2010. № 3. T. 3. S. 36-42.
3. Grogoleva O.Yu., Pirezova D.A. Psikhologicheskoe blagopoluchie studentov s razlichnymi tipami separatsii i privyazannosti k roditelyam // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Psikhologiya". 2021. № 3. S. 6-17. DOI: 10.24147/2410-6364.2021.3.6-17 EDN: TNKCMZ.
4. Zhanasheva A.D., Bokenchina M.K. Psikhologicheskoe blagopoluchie kak vazhnaya sostavlyayushchaya chast' professional'nogo razvitiya sotrudnika organizatsii // Annali d'Italia. 2022. № 27. S. 66-68. EDN: SKRRCC.
5. Raichuk I.A., Gavrilyuk N.P. Osobennosti vospriyatiya sub"ektivnogo blagopoluchiya v molodosti: sotsiokul'turnaya determinatsiya lichnosti // Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. V 2-kh tomakh. 2024. S. 269-273. EDN: NXDDPK.
6. Rushchak E.A., Myasnikova S.V. Koping-strategii kak resursy psikhologicheskogo blagopoluchiya sotrudnikov organizatsii malogo biznesa // Peterburgskii psikhologicheskii zhurnal. 2014. № 6. S. 1-18.
7. Solomatina V.A. Struktura psikhologicheskogo blagopoluchiya lichnosti: obzor zarubezhnykh podkhodov // Prikladnaya psikhologiya na sluzhbe razvivayushcheisya lichnosti. Sbornik nauchnykh statei i materialov XVI nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezdunarodnym uchastiem. Kolomna, 2019. S. 160-164. EDN: FJEHQY.
8. Stepanova D.E. Vzaimosvyaz' individual'no-lichnostnykh osobennosteii i spetsifik professional'nogo vysvobozhdeniya sotrudnikov organizatsii sotsial'noi sfery // Chelovecheskii kapital. 2023. № 11-2(179). S. 209-215. DOI: 10.25629/HC.2023.11.52.

EDN: HBYSNZ.

9. Stepanova D.E. Prediktory uspeshnogo professional'nogo vysvobozhdeniya sotrudnikov organizatsii sotsial'noi sfery // Psichologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennoye issledovaniya. 2023. T. 12, № 5-6-1. S. 87-99. DOI: 10.34670/AR.2023.46.99.007.
EDN: TESPV.
10. Ekonomicheskie posledstviya pandemii COVID-19 // Institut mezhdunarodnykh ekonomicheskikh svyazei: ofits. sait. S. 1. URL: <https://imes.su/press-tsentr/stati/ekonomicheskie-posledstviya-pandemii-covid-19/?ysclid=mfdqt49m9f873859058> (data obrashcheniya: 10.09.2024).
11. Karapinar P.B., Camgoz S.M., Ekmekci. Employee well-being, workaholism, work-family conflict and instrumental spousal support: a moderated mediation model // Journal of Happiness Studies. 2019. Vol. 1. S. 1-21.

Psychological Readiness for Risk as a Factor of Professional Efficiency among Extreme Occupation Specialists

Volkov Sergei Sergeevich □

Graduate student; Faculty of Integrated Security and the Basis of Military Training; Russian State Social University

129226, Russia, Moscow, Rostokino district, Wilhelm Peak str., 4, building 1

□ volkovss@bk.ru

Abstract. The subject of this study is psychological readiness for risk as a key factor in the professional efficiency of specialists working in extreme conditions. The article explores the essence and structure of risk readiness, emphasizing its role in maintaining behavioral stability and operational performance under uncertainty and emotional strain. Psychological readiness is viewed not only as an individual personality trait but also as a dynamic state that integrates cognitive, motivational, and volitional-emotional components influencing the quality of professional decisions. Special attention is given to the relationship between the level of risk readiness, professional success, psychophysiological adaptability, and group dynamics in extreme conditions. The research methods include analysis and synthesis of scientific literature, comparative analysis of risk psychology approaches, systematization of theoretical models of self-regulation, and empirical studies of psychological resilience in high-risk professions. The interdisciplinary methodological framework integrates psychological, physiological, and organizational perspectives, allowing risk readiness to be conceptualized as a core component of professional reliability and adaptive behavior. The scientific novelty of the study lies in clarifying the conceptual foundations of psychological readiness for risk, identifying its structural components and mechanisms of manifestation in professional activity, and substantiating its role as a determinant of performance efficiency in extreme occupational contexts. It is shown that constructive risk readiness promotes resilience, adequate forecasting, and reduction of destructive emotional reactions, while excessive or unconscious risk-taking increases the probability of mistakes and decreases professional reliability. The practical significance of the research is reflected in the development of recommendations for diagnosing and enhancing psychological readiness for risk among extreme occupation specialists. The proposed measures include targeted psychological training, stress management programs, prevention of emotional burnout, and team-based readiness development aimed at fostering an informed and controlled attitude toward risk. The findings can be applied in professional selection, in the design of educational modules for psychological training, and in the activities of emergency response and security organizations.

Keywords: extreme occupations, psychological readiness for risk, team stability, personal resources, risk behavior, adaptation, self-regulation, stress resilience, professional efficiency, psychological training

References (transliterated)

1. Tarasova A. Yu. Psikhologicheskaya gotovnost' k risku kak adaptatsionnyi resurs samoregulyatsii u predstavitelei razlichnykh etnokul'turnykh grupp : dissertatsiya ... kandidata psikhologicheskikh nauk : 5.3.1 / Tarasova Anastasiya Yur'evna; [Mesto zashchity: Donskoi gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet; Dissovet 99.2.081.02 (99.2.081.02)]. – Rostov-na-Donu, 2025. – 206 s.
2. Meshcheryakov D. A. Sotsial'no-psikhologicheskie i individual'no-psikhologicheskie faktory gotovnosti k risku v protsesse sotsializatsii kursantov v voennom vuze : dissertatsiya ... kandidata psikhologicheskikh nauk : 19.00.05 / Meshcheryakov Denis Aleksandrovich; [FGBOU VO «Saratovskii natsional'nyi issledovatel'skii gosudarstvennyi universitet imeni N. G. Chernyshevskogo】. – Saratov, 2021. – 164 s.
3. Bolenko Yu. V. Formirovaniye i otsenka gotovnosti kursantov k professional'noi deyatel'nosti / Yu. V. Bolenko, G. N. Fomitskaya. – Ulan-Ude : Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta, 2022. – 106 s.
4. Krasnoshtanova N. N. Psikhologicheskie modeli povedeniya sub"ektov sluzhebnoi deyatel'nosti v situatsiyakh riska : monografiya / Krasnoshtanova Natal'ya Nikolaevna. – Moskva : Belyi veter, 2022. – 154 s.
5. Vozzhenikova O. S. Organizatsiya rukovoditelem organa vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii psikhologicheskoi podgotovki lichnogo sostava k ekstremal'nym usloviyam deyatel'nosti : uchebnoe posobie / O. S. Vozzhenikova, A. V. Metelev; Akademiya upravleniya MVD Rossii. – Moskva : Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2023. – 75 s.
6. Kislyakov P. A. Psikhologicheskaya bezopasnost': psikhodiagnostika : uchebnoe posobie / P. A. Kislyakov, E. A. Shmeleva. – Krasnoyarsk : Nauchno-innovatsionnyi tsentr, 2024. – 269 s.
7. Kaluzhina M. A. Psikhologiya operativno-rozysknogo protivodeistviya protivopravnому povedeniyu : monografiya / M. A. Kaluzhina, T. S. Pukhareva; Ministerstvo obrazovaniya i nauki RF, Kubanskii gosudarstvennyi universitet. – Krasnodar : Kubanskii gos. un-t, 2023. – 238 s.
8. Dashkova S. V. Psikhologicheskaya ustoychivost' v chrezvychainykh situatsiyakh / S. V. Dashkova. – Volgograd : VolgGTU, 2020. – 167 s.
9. Burtsev A. O. Psikhologiya tolerantnosti k neopredelennosti (na primereсотрудников органов вневедомственной охраны) : nauchno-prakticheskoe posobie / A. O. Burtsev, A. A. Bul'bacheva; Akademiya upravleniya MVD Rossii. – Moskva : Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2021. – 78 s.
10. Makhov S. Yu. Formirovaniye gotovnostiсотрудников МВД России к обесечению личной безопасности в протессе служебной деятельности срдствами и методами физической подготовки : monografiya / S. Yu. Makhov, I. V. Gerasimov, S. N. Barkalov. – Orel : OrYuI MVD Rossii im. V. V. Luk'yanova, 2021. – 108 s.
11. Balamut A. N. Psikhologicheskaya podgotovka сотрудников уголовно-исполнител'noi sistemy k deistviyam v ekstremal'nykh situatsiyakh / A. N. Balamut, V. M. Pozdnyakov. – 2-e izd., rasshir. i dop. – Vologda : VIPE FSIN Rossii, 2021. – 143 s.
12. Kuklina L. V. Psikhologicheskoe obespechenie sluzhebnoi deyatel'nosti / L. V. Kuklina, E. S. Lobanova, E. M. Kalinkina. – Vologda : Vologodskii institut prava i ekonomiki FSIN Rossii, 2023. – 97 s.

13. Laptev R. V. Psichologicheskie usloviya formirovaniya proizvol'noi samoregulyatsii v professional'noi deyatel'nosti u sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov : dissertatsiya ... kand. psikh. nauk : 5.3.3 / Laptev Roman Vyacheslavovich; [ANO VO «Rossiiskii novyi universitet»; Dissovet D 521.019.XX (75.2.016.01)]. – Moskva, 2023. – 302 s.
14. Vas'kina Yu. D. Razvitie psichologicheskoi ustoichivosti k professional'nym trudnostyam sluzhebnoi deyatel'nosti sotrudnikov-vypusknikov obrazovatel'nykh organizatsii MVD Rossii : dissertatsiya ... kand. psikh. nauk : 5.3.3 / Vas'kina Yuliya Dmitrievna; [FGKOU VO «Moskovskii universitet MVD Rossii imeni V. Ya. Kikotya»; Dissovet D 203.019.XX (03.2.006.02)]. – Moskva, 2023. – 226 s.
15. Ul'yanina O. A. Lichnostnaya kompetentnost' spetsialistov pravookhranitel'noi sfery: psikhotehnologii formirovaniya v obrazovatel'nykh organizatsiyakh vysshego obrazovaniya : monografiya / O. A. Ul'yanina. – Moskva : RIOR : INFRA-M, 2022. – 218 s.
16. Kudinov S. I. Samorealizatsiya v kontekste professional'noi deformatsii sotrudnikov pravookhranitel'noi sistemy : monografiya / S. I. Kudinov, S. S. Kudinov, A. I. Pozin. – Moskva : Pero, 2025. – 177 s.
17. Terekhin R. A. Gotovnost' k risku kak vazhnyi element psichologicheskoi podgotovki voennosluzhashchikh // Chelovecheskii faktor: Sotsial'nyi psikholog. 2023. № 3 (47). S. 317–323.
18. Feshchenko P. Yu. Sklonnost' k risku kak prediktor psichologicheskoi gotovnosti k preodoleniyu trudnykh zhiznennykh situatsii // V sbornike: Problemy i perspektivy psichologicheskoi nauki v Rossii. Materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Sevastopol', 2024. S. 135–140.
19. Tsvetkov V. L., Balashova V. A., Pustovitova D. A., Khrustaleva T. A. Psichologicheskaya ustoichivost' i gotovnost' sotrudnikov politsii k sluzhebnoi deyatel'nosti v ekstremal'nykh usloviyakh // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. 2024. T. 29. № 2 (97). S. 133–139.
20. Kondinskii I. N. Vliyanie tipov lichnosti na vospriyatie riska i deistviya sotrudnikov v chrezvychainykh situatsiyakh // Chelovek. Sotsium. Obshchestvo. 2025. № 2. S. 28–32.
21. Luk'yanova Yu. A. Sklonnost' i gotovnost' k risku v sluzhebnoi deyatel'nosti: sopostavimyi analiz ponyatii // V sbornike: Molodezh' i obshchestvo: teoreticheskie modeli i real'nost'. Materialy III Mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi Vsemirnomu dnyu filosofii i Obshcherossiiskomu dnyu psikhologii. Voronezh, 2025. S. 154–158.
22. Selezneva Yu. V., Tarasova A. Yu. Gotovnost' k risku kak lichnostnoe svoistvo samoregulyatsii: krosskul'turnyi podkhod // Innovatsionnaya nauka: psikhologiya, pedagogika, defektologiya. 2024. T. 7. № 5. S. 54–64.
23. Makhmudova Yu. A., Novikova S. S., Shchetinina E. V. Individual'no-tipologicheskie osobennosti otvetstvennoi lichnosti, gotovoi k risku // Internauka. 2023. № 45-2 (315). S. 54–57.
24. Alekseev V. D. K voprosu ob individual'nykh i lichnostnykh faktorakh formirovaniya riskovannogo povedeniya // Novye psichologicheskie issledovaniya. 2024. T. 4. № 4. S. 185–212.
25. Bondareva A. M. Individual'nye osobennosti lichnosti i sklonnost' k risku // V sbornike: Aktual'nye problemy psikhologii i pedagogiki. Sbornik nauchnykh trudov II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 2024. S. 34–39.
26. Shalaginova K. S. Otsenka gotovnosti k professional'noi deyatel'nosti v usloviyakh

- riska u sotrudnikov MChS // Mir pedagogiki i psikhologii. 2024. № 10 (99). S. 320–329.
27. Utyuganov A. A., Chudakov A. Yu., Bondarenko S. A. Kompleksnyi psikhologicheskii podkhod k otsenke gotovnosti voennosluzhashchikh k deistviyam v osobykh usloviyakh // Vestnik Voennoi akademii voisk natsional'noi gvardii. 2025. № 2 (31). S. 167–175.
28. Tsvetkov V. L., Balashova V. A., Pustovitova D. A., Khrustaleva T. A. Psikhologicheskaya ustoichivost' i gotovnost' sotrudnikov politsei k sluzhebnoi deyatel'nosti v ekstremal'nykh usloviyakh // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. 2024. T. 29. № 2 (97). S. 133–139.
29. Uvarova A. S. Osobennosti stressoustoichivosti u sotrudnikov ekstremnykh sluzhb (MChS, Politsiya) // V sbornike: Aktual'nye problemy teorii i praktiki sotsial'no-gumanitarnykh nauk. Sbornik nauchnykh statei. Moskva, 2025. S. 106–110.

The problem of the readiness of psychologists and psychotherapists to cooperate with clergy.

 [Ilivitskaya Larisa Gennad'evna](#)

Doctor of Philosophy

Associate Professor; Department of Philosophy and Bioethics; Samara State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

89 Chapaevskaya St., Samara, Samara region, 443099, Russia

 laraili@mail.ru

 [Kuzovenkova Yuliya Aleksandrovna](#)

PhD in Cultural Studies

Associate Professor; Department of Philosophy and Bioethics; Samara State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

89 Chapaevskaya str., Samara, Samara region, 443099, Russia

 yu.a.kuzovenkova@samsmu.ru

Abstract. This article attempts to analyze the readiness of practicing psychologists and psychotherapists to collaborate with clergy. The research object consists of practicing psychologists and psychotherapists belonging to various methodological traditions. The subject of the study is the degree and direction of their readiness to cooperate with clergy. The relevance of the topic is due to the fact that in recent decades, psychological science has recognized the significance of religiosity and spirituality as a powerful helping resource and an important aspect that must be taken into account in psychology and psychotherapy. However, theoretical acknowledgment does not automatically mean that psychologists and psychotherapists are ready to transition this issue into a framework of cooperation with church representatives, even though such dialogue is extremely important for religious clients and patients. The method of data collection was semi-structured interviews. Twenty-two practicing specialists were surveyed. The method of processing the collected material was thematic analysis. It was found that at the theoretical level, the overwhelming majority of respondents demonstrate an understanding of the relationship between psychology and religion and recognize the potential for such partnership based on a common goal of helping individuals. However, empirical data reveal a significant gap between declared readiness and its practical implementation: only half of the surveyed specialists have relevant experience. A fundamental difference was identified between practicing specialists with experience in interaction and those without such experience. Participants with collaboration experience clearly formulate the goals of interaction, which are categorized into two overarching groups: educational activities

(increasing literacy on mental health issues) and practical helping activities (providing therapeutic assistance considering religious worldviews). Additionally, a one-sided nature of cooperation was identified: psychologists apply their competencies in a religious setting but do not show initiative to gain knowledge from clergy and deepen their own religious competence, which limits the potential for dialogue. The study reveals a systemic gap between the awareness of the need for collaboration and its practical embodiment. The article highlights and analyzes key barriers that hinder the transition from theoretical consensus to real interaction. It concludes that targeted work is necessary to overcome the identified practical and worldview obstacles to activate collaboration.

Keywords: religiosity, helping resource, religion, degree of readiness, cooperation, clergyman, psychotherapist, psychologist, interprofessional interaction, religious component of worldview

References (transliterated)

1. Bobyk O.A. Otsenka vliyaniya religioznosti na psikhicheskoe zdorov'e // Meditsina. 2024. № 1. S. 118-125. doi: 10.29234/2308-9113-2024-12-1-118-125. EDN: ZYTKRU.
2. Bragina M.S. Pravoslavnyi psikholog na prikhode // Tserkov' i meditsina. 2021. № 1 (20). S. 132-136. EDN: DQGUTF.
3. Gryaznova E.V., Goncharuk A.G. K voprosu o samoopredelenii pravoslavnoi psikhologii // Azimut nauchnykh issledovanii: pedagogika i psikhologiya. 2020. T. 9. № 1 (30). S. 344-346. S. 345. DOI: 10.26140/anip-2020-0901-0084. EDN: WYGVUM.
4. Savenko Yu.S. Vvedenie v psikiatriyu. Kriticheskaya psikhopatologiya. M.: Logos, 2013. 448 s.
5. Sidorov P.I. Religioznye resursy psikiatrii i mental'noi meditsiny // Psikhicheskoe zdorov'e. 2014. № 12. S. 65-75. EDN: TEYTPX.
6. Freid Z. Budushchee odnoi illyuzii. M.: AST, Astrel', 2011. 251 s. EDN: QYCKHZ.
7. Yung K.G. Psikhologiya i religiya // Yung K. G. Arkhetip i simvol. M., 1991. S. 133-134.
8. Allport G.W., Ross J.M. Personal religious orientation and prejudice // Journal of Personality and Social Psychology. 1967. Vol. 5, No. 4. P. 432-443.
9. Bobgan M., Bobgan D. Psychoheresy: the psychological seduction of Christianity. San Francisco: East Gate, 1987. 290 p.
10. Breuninger M., Dolan S.L., Padilla J.I., Stanford M.S. Psychologists and Clergy Working Together: A Collaborative Treatment Approach for Religious Clients // Journal of Spirituality in Mental Health. 2014. 16:3, 149-170, DOI: 10.1080/19349637.2014.925359.
11. Koenig H.G., McCullough M.E., Larson D.B. Handbook of Religion and Health. New York: Oxford University Press, 2001. 712 p.
12. McMinn M.R., Chaddock T.P., Edwards L.S., Lim B.R., Campbell C.D. Psychologists collaborating with clergy: Survey findings and implications // Journal of Psychology and Christianity. 1998, Vol. 17, No. 4. P. 321-332.
13. Milstein G., Middel D., Espinosa A. Consumers, clergy, and clinicians in collaboration: Ongoing implementation and evaluation of a mental wellness program // American Journal of Psychiatric Rehabilitation. 2017. № 20:1. P. 34-61, DOI: 10.1080/15487768.2016.1267052.
14. Pargament K.I. The Psychology of Religion and Coping. New York: Guilford Press, 1997. 548 p.

15. Richardson J.T. Religiosity as deviance: negative religious bias and misuse of the DSM-III // *Deviant Behavior*. 1993. No. 14 (1). P. 1-21.
16. Rudolfsson L., Milstein G. Clergy and mental health clinician collaboration in Sweden: Pilot Survey of COPE // *Mental Health, Religion & Culture*. 2019. № 22 (1). P. 1-14. DOI: 10.1080/13674676.2019.1666095.
17. Smith T.B., McCullough M.E., Poll J. Religiousness and depression: evidence for a main effect and the moderating influence of stressful life events // *Psychological Bulletin*. 2003. Vol. 129. No 4. P. 614-636. EDN: GZRAQF.
18. Weaver A.J., Samford J.A., Larson D.B. et al. A systematic review of research on religion in four major psychiatric journals: 1991-1995 // *The Journal of Nervous and Mental Disease*. 1998. No. 186. P. 187-190.

Gender-specific decision-making in conditions of risk and uncertainty

Trubitsyna Lyudmila Valentinovna □

PhD in Psychology

Associate Professor; Institute of Clinical Psychology and Social Work; Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education 'Pirogov Russian National Research Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

129344, Russia, Moscow, Ostrovyanova str., 1, office 1128

□ trubitsyna.lyudmila2015@yandex.ru

Trubitsyn Andrey Valentinovich □

PhD in Economics

Associate Professor; Department of Economics and Management; Moscow Socio-Economic Institute

Stroginsky b-r, 7, room 1, 317, Moscow, 123592, Russia

□ atrubits2013@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of a study of the specifics of gender characteristics of the impact of the emotional component on the decision-making process and the role of gender characteristics of subjective risk assessments in decision-making. In modern scientific literature, much attention has been paid to the issues of gender differences in leadership style and in managerial decision-making, however, the problem of rational explanations by men and women of choice in conditions of risk in different situations remains almost unexplored. One of the steps towards the gradual elimination of these gaps is the author's experiments described in the article. Two experiments were conducted: the first experiment tested the hypothesis of different degrees of rationality and emotionality as the basis for decision-making by men and women, the second tested the hypothesis of the difference between men and women in decision-making under conditions of risk in different situations. The data obtained as a result of experimental verification of the hypotheses put forward by the authors was analyzed using mathematical statistics methods. The φ-Fischer criterion (Fischer angular transformation) and the V-Kramer criterion were used. The results of the author's experimental research presented in the article contribute to the development of ideas about gender-specific decision-making in conditions of risk and uncertainty. Based on the results of experiments the characteristics of decision-making by men and women were revealed, the following conclusions were drawn: emotionality and rationality of decision-making in men and women are approximately the same, there are also no significant differences in emotional and rational explanations for men and women. The choice of men and

women depends on the type of tasks, and differences in decision-making between men and women are found only in some situations. In assessing their chances of winning, men are more likely to rely on the objective probability given in the conditions of the task, while women are more likely to rely on subjective ideas.

Keywords: subjective risk assessment, subjective probability, objective probability, emotional decision-making, rational decision-making, decision-making by women, decision-making by men, decisions under uncertainty, decisions under risk, odds of winning

References (transliterated)

1. Knyaz'kin A. M. Ispol'zovanie teorii veroyatnosti v upravlencheskikh resheniyakh // Instituty i mekhanizmy innovatsionnogo razvitiya: mirovoi opyt i rossiiskaya praktika. Sbornik statei 14-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. V 2-kh tomakh. Kursk, 2024. S. 213-218. EDN: LQUUCB.
2. Kozlovskaya T. A., Podpovetnaya Yu. V. Veroyatnostnye metody pri prinyatii reshenii v usloviyakh riska // Sovremennye tendentsii upravleniya, ekonomiki i finansov v epokhu tsifrovizatsii. Sbornik statei po itogam XIX Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, magistrantov, aspirantov s mezhdunarodnym uchastiem. 2023. S. 453-457. EDN: YXJIJE.
3. Kantemirova I. B. Problema prinyatiya resheniya v usloviyakh riska i neopredelennosti // Sotsiologiya riska i bezopasnosti: aktual'nye ugrozy i poisk otvetov. Sbornik nauchnykh trudov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Krasnodar, 2024. S. 59-64. EDN: MPBLUI.
4. Makeeva L. B. Sub"ektivnaya veroyatnost', teoriya podtverzhdeniya i ratsional'nost' // Ratsio.ru. 2015. № 15. S. 80-96. EDN: VMFQAP.
5. Romanchak V. M. Sub"ektivnoe otsenivanie veroyatnosti // Informatika. 2018. № 2. S. 74-82.
6. Solntseva G. N., Smolyan G. L. Prinyatie reshenii v situatsii neopredelennosti i riska (psikhologicheskii aspekt) // Trudy Instituta sistemnogo analiza Rossiiskoi akademii nauk. 2009. T. 41. S. 266-280. EDN: MWMHAB.
7. Dolgov A. I. O primenimosti formuly Baiesa // Vestnik Donskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2015. T. 15. № 4 (83). S. 107-115. DOI: 10.12737/16076. EDN: VNTXJT.
8. Trusevich E. Ya. Teorema Baiesa v otsenke veroyatnosti // Biznes, obshchestvo i molodezh': idei preobrazovani. Materialy VIII Vserossiiskoi studencheskoi nauchnoi konferentsii. 2019. S. 246-249. EDN: NDDDBK.
9. Malyshko M. V. Baiesovskie modeli kak osnova prinyatiya analiticheskikh reshenii // Mezhdunarodnaya konferentsiya po myagkim vychisleniyam i izmereniyam. 2018. T. 2. S. 699-702. EDN: YLWVWP.
10. Ivanova V. A. Sub"ektivnye kriterii riska i ozhidaemoi poleznosti // Sbornik trudov konferentsii "Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovaniya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii", Penza, 15 yanvarya 2018 goda. Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2018. S. 58-60. EDN: QKTWRJ.
11. Trubitsyn A. V. REP: modeli i perspektivy. Moskva: Institut ekonomiki RAN, 2013.
12. Abramov V. E., Maslov V. N., Shatalov I. S., Yuklasov K. A. Leonard Dzhimmi Sevidzh i ego sub"ektivnaya teoriya veroyatnosti. Chast' II. Kachestvennaya i kolichestvennaya sub"ektivnaya veroyatnost' // Informatsionnye tekhnologii. 2020. T. 18. № 2. S. 115-

130.

13. Trubitsyn A. V. Teoreticheskie osnovaniya ekonomiceskoi ratsional'nosti. Moskva: MSEI, 2012.
14. Simon H. A. The new science of management decision. N.Y., 1960.
15. Simon H. A. Making management decisions the role of intuition and emotion // Intuition in organizations: Leading and managing productively. Newbury Park, CA: SAGE Publications, 1989. P. 23-39.
16. Marschak J. Rational Behavior, Uncertain Prospects and Measurable Utility // Econometrica. 1950. Vol. 18. No. 2. P. 111-141.
17. Kaneman D., Slovick P., Tverski A. Prinyatie reshenii v neopredelennosti. Pravila i predubezhdeniya. Kh.: "Gumanitarnyi Tsentr", 2005.
18. Kaneman D. Dumai medlenno... reshai bystro. M.: AST, 2020.
19. Gigerenzer G., Hug K. Domain specific reasoning Social contracts cheating and perspective change // Cognition. 1992. V. 43. P. 127-171.
20. Schwartz B. Queuing and Waiting: Studies in the Social Organization of Access and Delay. Chicago: University of Chicago Press, 1975.
21. Dulesov A. S., Semenova M. Yu. Sub"ektivnaya veroyatnost' v opredelenii mery neopredelennosti sostoyaniya ob"ekta // Fundamental'nye issledovaniya. 2012. № 3-1. S. 81-86. EDN: PAZBUX.
22. Kozeletskii Yu. Psikhologicheskaya teoriya reshenii. M., 1979.
23. Skotnikova I. G. Ponyatie uverennosti i ego izuchenie v psikhologii // Razrabotka ponyatii v sovremennoi psikhologii. Sbornik statei. Moskva, 2019. S. 116-152. EDN: LXSOLV.
24. Leont'ev D. A., Pilipko N. V. Vybor kak deyatel'nost': lichnostnye determinanty vozmozhnosti formirovaniya // Voprosy psikhologii. 1995. № 1. S. 97-111.
25. Vasiliuk F. E. Zhiznennyi mir i krizis: tipologicheskii analiz kriticheskikh situatsii / F. E. Vasiliuk // Psikhologiya konflikta: khrestomatiya / sost. N. V. Grishina. Sankt-Peterburg: Piter, 2001. S. 277-297.
26. Karpov A. V. Metodologicheskie osnovy psikhologii prinyatiya resheniya. Yaroslavl', 1999.
27. Karpov A. V. Obshchaya psikhologiya sub"ektivnogo vybora: struktura, protsess, genezis. Yaroslavl': IP RAN, 2000.
28. Lomov B. F. Matematika i psikhologiya v izuchenii protsessov prinyatiya reshenii // Normativnye i deskriptivnye modeli prinyatiya reshenii. M.: Nauka, 1981. S. 5-20.
29. Leont'ev D. A. Psikhologiya svobody: k postanovke problemy samodeterminatsii lichnosti // Psikhol. zhurnal. 2000. T. 21. № 1. S. 15-25.
30. Leont'ev A. N. Bor'ba za problemu soznaniya v stanovlenii sovetskoi psikhologii // Voprosy psikhologii. 1967. № 2. S. 14-22.
31. Tikhomirov O. K. Psikhologiya myshleniya. M.: MGU, 1984.
32. Dobrin A. V., Lopukhin A. M. Soderzhatel'nye kharakteristiki veroyatnostnogo stilya myshleniya: teoreticheskie osnovy issledovaniya // Psikhologiya obrazovaniya v polikul'turnom prostranstve. 2019. № 2 (46). S. 32-48. DOI: 10.24888/2073-8439-2019-46-2-32-48. EDN: VWZYVS.
33. Skotnikova I. G. Prinyatie resheniya - klyuchevoe zveno psikhicheskoi deyatel'nosti // Razrabotka ponyatii sovremennoi psikhologii. Ser. "Metodologiya, istoriya i teoriya psikhologii". Moskva, 2021. S. 162-200. DOI: 10.38098/thry_21_0439_05. EDN: SQJWRV.

34. Diev V. S. Neopredelennost', risk i prinyatie reshenii v mezhdisciplinarnom kontekste // Sibirskii filosofskii zhurnal. 2019. T. 17. № 4. S. 41-52. DOI: 10.25205/2541-7517-2019-17-4-41-52. EDN: KWTFBH.
35. Glazunov Yu. T. Informatsionno-psikhologicheskie aspekty prinyatiya reshenii // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psichologiya. Pedagogika. 2019. № 2. S. 235-243. DOI: 10.35634/2412-9550-2019-29-2-235-243. EDN: FVHQFE.
36. Elkin I. S. Psikhologicheskie osobennosti neopredelennosti pri prinyatiu reshenii // Aktual'nye voprosy fundamental'nykh nauk v tekhnicheskem vuze. Kemerovo: KGTU im. G. F. Gorbacheva, 2021. S. 64-72. EDN: GBQCXI.
37. Alekseev M. A. Teoreticheskie podkhody k ponimaniyu neopredelennosti // Problemy ekonomiceskoi nauki i praktiki. Sbornik nauchnykh trudov. pod redaktsiei S. A. Filatova. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i upravleniya "NINKh", 2017. S. 6-27. EDN: ZIHUCR.
38. Tishibaeva A. R. Analiz teorii perspektiv nobelevskogo laureata Danielya Kanemana // Sbornik statei III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Nasledie nobelevskikh laureatov po ekonomike", Samara, 9 iyunya 2016 goda. Samara: SGEU, 2016. S. 219-224. EDN: WEHOWF.
39. Rubinshtein L. S. Osnovy obshchei psikhologii. SPb: Piter, 2003.
40. Arieli D. Pozitivnaya irratsional'nost'. M.: Al'pina Publisher, 2019.
41. Arieli D. Predskazuemaya irratsional'nost'. M.: Al'pina Publisher, 2019.
42. Achimovich K. Gendernye razlichiya "Ya obraza" rukovoditelei // Vserossiiskaya ezhegodnaya dekabr'skaya nauchno-prakticheskaya studencheskaya konferentsiya. Sbornik trudov konferentsii. M.: 2024. S. 262-265.
43. Serikova E. V., Kas'yanov E. D., Safina A. S., Ioffe N. V. Vyavlenie gendernykh razlichii v samoprovizhenii v delovoi srede // Upravlenie razvitiem personala. 2024. № 3. S. 162-178. EDN: THXHGS.
44. Poretskova A. A., Davidenko M. A., Utkina V. V. Metodologicheskie osobennosti izucheniya gendernykh norm, praktik i protsessov v publichnom upravlenii // Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2023. № 1. S. 111-125. DOI: 10.21064/WinRS.2023.1.8. EDN: EEFTSN.
45. Kessler S. & McKenna W. Gender: An Ethnomethodological Approach: NY: Wiley Interscience, 1978.
46. Il'in E. P. Differentsial'naya psikhofiziologiya muzhchin i zhenshchin. SPb.: Piter, 2003. EDN: QXMPVH.
47. Shirinbekova Zh. A., Kosha A. S., Nasirova A. Sh. Intuitsiya v protsesse prinyatiya resheniya // Innovatsionnaya nauka. 2017. T. 1. № 3. S. 247-251. EDN: YGFEAZ.
48. Lopukhova O. G. Psikhologicheskii pol lichnosti: adaptatsiya diagnosticheskoi metodiki // Prikladnaya psikhologiya. 2001. № 3. S. 58-66.
49. Rouzner Dzh. Zhenshchina v direktorskem kresle // Vy i my. 1995. № 5. S. 24-29.
50. Henning M., Jardin A. The managerial women. L., 1998.
51. Kochetkov V. V., Skotnikova I. G. Individual'no-psikhologicheskie problemy prinyatiya resheniya. M.: Nauka, 1993. EDN: WZBTDJ.
52. Groshev I. V., Zaguzova I. A. Polovye i gendernye razlichiya rukovoditelei v protsessakh prinyatiya resheniya // Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy. 2006. № 1. S. 99-105. EDN: KWSYWX.
53. Groshev I. V. Psikhofiziologicheskie razlichiya muzhchin i zhenshchin. Voronezh:

- Izdatel'stvo Moskovskogo psikhologo-sotsial'nogo instituta i MODEK, 2005. EDN: QXNJOJ.
54. Chirikova A. E. Zhenshchina vo glave firmy. M.: Izdatel'stvo Instituta sotsiologii RAN, 1998. EDN: TIFFOX.
 55. Meerson Ya. A. Proyavlenie funktsional'noi assimetrii polusharii golovnogo mozga v osushchestvlenii zritel'no-gnosticheskikh funktsii u lits raznogo pola // Fiziologiya cheloveka. 2012. T. 22. № 3. S. 52-58.
 56. Zeelenberg M., Nelissen R. M. A., Breugelmans S. M., Pieters R. On emotion specificity in decision making: why feeling is for doing // Judgm. Decis. Mak. 2008. V. 3. P. 18-27.
 57. Karabanov A. P. Sovremennye napravleniya issledovaniya affektivnykh mekhanizmov prinyatiya reshenii // Vestnik RGGU. Seriya "Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie". 2017. № 3 (9).

Individual psychological characteristics of patriotism among Latvian and Russian students

Cveks Mihails Vasil'evich □

Postgraduate student, Department of Psychology and Pedagogy, Peoples' Friendship University of Russia

17 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ mihail001@inbox.lv

Rushina Marina Aleksandrovna

PhD in Psychology

Associate Professor; Department of Psychology and Pedagogy, Peoples' Friendship University of Russia

10 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ rushina_ma@rudn.ru

Abstract. The relevance of this study is determined by the need to obtain additional data on the problem of patriotism as a personality trait, in particular the need to understand the specificity of the structure of patriotism and its manifestation among representatives of different ethnic groups. Against the background of active geopolitical processes, the issue of the patriotic orientation of personality is highly relevant. In this regard, the aim of this work is to identify and describe the characteristics of patriotism among Russian and Latvian students. The study of patriotism is carried out within the framework of A.I. Krupnov's system-functional approach, which makes it possible to conceptualize this phenomenon as one of the personality traits. The article presents the results of a theoretical and empirical investigation of this trait, as a result of which individual-psychological features of patriotism were identified among Russian and Latvian students. The following instruments were used: the original blank test "Patriogram" (S.I. Kudinov, A.V. Potemkin), as well as its Latvian adaptation by M.V. Tsveks and M.A. Rushina; the "Five-Factor Questionnaire" (P.T. Costa, R.R. McCrae, in the Russian adaptation by M.V. Bodunov and S.D. Biryukov), as well as in the Latvian adaptation by A. Rošane. Firstly, two types of patriotism were distinguished (conditionally constructive and conditionally non-constructive). Secondly, conditionally constructive patriotism is similar in structure in both groups and is characterized by the influence of harmonious variables on its structure, i.e., a high readiness (vigor) to independently engage in patriotic activity (internality), accompanied by positive emotions (stenicity), orientation toward socially significant values, the dominance of socio-centric motives (socio-centrism), and the presence of general judgments about this phenomenon (awareness) along with a deeper understanding of it (consciousness). Thirdly, conditionally non-constructive patriotism differs in its structure

between Russian and Latvian students. Among Russian students, this type is characterized by the influence of disharmonious variables of the dynamic, affective, regulatory, and motivational components of patriotism, as well as difficulties in manifesting this trait. Among Latvian students, conditionally non-constructive patriotism is still influenced by harmonious variables of the dynamic, affective, and regulatory components of patriotism, while ambivalence is observed in the motivational, value, and productive components, as well as the influence of personal difficulties on its structure.

Keywords: comparative analysis, quantitative analysis, personality trait, harmonious patriotism, system-functional approach, disharmonious patriotism, students, patriotic disposition, patriotism, personality factors

References (transliterated)

1. Biryukov, S. D., Vasil'ev, O. P. Psikhogeneticheskoe issledovanie svoistv temperamenta i lichnostnykh kharakteristik: analiz struktury 216 izuchaemykh peremennykh // Trudy Instituta psichologii RAN. T. 2 / otv. red. A. V. Brushlinskii, V. A. Bodrov. – Moskva: IP RAN, 1997. – S. 23-51. EDN: TFJBKF
2. Borisov, R. V. Teoretiko-kontseptual'noe osmyslenie fenomena grazhdanskoi identichnosti // Psichologiya obrazovaniya v polikul'turnom prostranstve. – 2013. – T. 4, № 24. – S. 5-12. – DOI: 10.15382/sturIV201952.113-127 EDN: RXRPOD
3. Voskreksenko, O. A., Konstantinov, V. V., Pashin, A. A., Trengulov, K. R. Diagnostika patriotizma studencheskoi molodezhi v sisteme professional'nogo vospitaniya v vysshei shkole // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2022. – № 5. – DOI: 10.17513/spno.32096. EDN: WFQRDC
4. Vserossiiskii tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya (VTsIOM). Rezul'taty monitoringovogo oprosa o patriotizme. – 2024. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme> (data obrashcheniya: 05.02.2025).
5. Grigor'eva, D. V. Grazhdanskoe obrazovanie – put' k demokraticheskomu obshchestvu // Materialy mezhdunarodnoi konferentsii. – 1999. – № 1. – 79 s.
6. Egorov, I. V., Naumova, D. V. Grazhdanskoe mirovospriyatiye lichnosti i attityudy patriotizma: teoriya i metody diagnostiki: uchebnoe posobie. – Moskva: IIU MGOU, 2018. – 110 s. – ISBN 978-5-7017-2961-0. EDN: XWHOGL
7. Zvezdina, G. P., Zvezdina, E. Yu. Osobennosti osmysleniya patriotizma sovremennoi molodezh'yu // Tvorcheskii nauchnyi obozrevatel'. – 2015. – № 1. – S. 91-95. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-148-159
8. Kostrigin, A. A., Vigand, A. M. Predstavlenie i otnoshenie k patriotizmu u molodezhi // Vestnik po pedagogike i psichologii Yuzhnoi Sibiri. – 2019. – № 1. – S. 63-80. – EDN: CUFIHE.
9. Krupnov, A. I. Sistemno-dispozitsionnyi podkhod k izucheniyu lichnosti i ee svoistv // Vestnik RUDN. Seriya "Psichologiya i pedagogika". – 2006. – № 1 (3). – S. 63-73. [Elektronnyi resurs]. URL: https://repository.rudn.ru/ru/records/article/record/117875/-utm_source=chatgpt.com (data obrashcheniya: 10.01.2025) EDN: IJFTET
10. Krupnov, A. I., Novikova, I. A., Vorob'eva, A. A. Sootnoshenie sistemno-funktional'noi i pyatifiktornoi modelei chert lichnosti: k postanovke problemy // Vestnik RUDN. Seriya "Pedagogika i psichologiya". – 2016. – № 2. – S. 45-56. [Elektronnyi resurs]. URL: https://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics/article/view/13423/12853-utm_source=chatgpt.com (data obrashcheniya: 05.01.2025) EDN: WAWONX

11. Krupnov, A. I., Novikova, I. A., Shlyakhta, D. A. Kompleksnye issledovaniya lichnosti: teoriya i praktika: uchebnoe posobie. – Moskva: RUDN, 2017. – 220 s.
12. Kudinov S.I., Kudinov S.S., Kudinova S.S. Osobennosti proyavleniya patriotichnosti u studentov s raznym otnosheniem k spetsial'noi voennoi operatsii // Psikholog. 2023. № 2. S. 1-13. DOI: 10.25136/2409-8701.2023.2.39910 EDN: JKHLHE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39910
13. Kudinov, S. I., Kudinova, I. B., Kudinov, S. S. Aktual'nye problemy psikhologii lichnosti i individual'nosti // Vestnik RUDN. Seriya "Psikhologiya i pedagogika". – 2013. – № 2. – S. 5-13. DOI: 10.22363/2313-1683-2013-2 EDN: QBTZVH
14. Maslova, T. M. Patrioticheskoe vospitanie mladshikh shkol'nikov v kontekste natsional'no-regional'nogo komponenta nachal'nogo obshchego obrazovaniya. – Moskva: Akademiya, 2007. – 147 s. DOI: 10.25726/x0193-9152-5446-o
15. Mikhailova, O. B. Grazhdanskii patriotizm kak osnova tsennostno-motivatsionnoi aktivnosti lichnosti i innovatsionnoi deyatel'nosti // Vestnik RUDN. Seriya "Psikhologiya i pedagogika". – 2013. – № 2. – S. 14-21. DOI: 10.22363/2313-1683-2013-2 EDN: RCAFSR
16. Novikova, I. A., Vorob'eva, A. A. Sootnoshenie lyuboznatel'nosti i nastoichivosti s superchertami pyatifiktorami modeli lichnosti // Akmeologiya. – 2015. – № 4. – S. 188-194. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://narodnoe.org/journals/akmeologiya/2014-4/sootnoshenie-lyuboznatelnosti-i-nastoichivosti-s-superchertami-pyatifiktoroiy-modeli-lichnosti> (data obrashcheniya: 22.11.2024)
17. Nurekeeva, A. B., Kudinova, I. B., Gavrilushkin, S. A. Klasternaya model' patriotichnosti studentov // Vestnik RUDN. Seriya "Pedagogika i psikhologiya". – 2015. – № 4. – S. 27-33. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics/issue/view/832> (data obrashcheniya: 22.12.2024) EDN: VBICED
18. Panteleeva, T. V., Fomina, N. A. Individual'no-tipologicheskie osobennosti patriotizma budushchikh sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov s ergichno-produktivnym tipom ego organizatsii // Aktual'nye problemy sotsial'noi i differentsial'noi psikhologii i psikhologii lichnosti: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh. – Moskva: RUDN, 2013. – S. 109-113. EDN: TDKUDT
19. Pen'kova, M. S., Panfilova, Yu. S. Psikhologicheskie osobennosti sovremenennogo studenchestva // Materialy XI Mezhdunarodnoi studencheskoi nauchnoi konferentsii "Studencheskii nauchnyi forum". – 2019. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://scienceforum.ru/2019/article/2018016645> (data obrashcheniya: 08.02.2025).
20. Potemkin, A. V. Natsional'no-psikhologicheskie osobennosti proyavleniya patriotizma lichnosti: dis. ... kand. psikhol. nauk. – Tol'yatti, 2009. – 256 s. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.dissercat.com/content/natsionalno-psikhologicheskie-osobennosti-proyavleniya-patriotizma-lichnosti> (data obrashcheniya: 22.12.2024) EDN: NQPFMN
21. Tarasov, M. V. Obraz Rodiny: obosnovanie i aprobatsiya diagnosticheskogo instrumentariya // Eksperimental'naya psikhologiya. – 2020. – T. 13, № 4. – S. 205-219. – DOI: 10.17759/exppsy.2020130415. EDN: FDQYRF
22. Timofeeva, V. A. Issledovanie urovnya razvitiya komponentov patriotizma vo 2 klasse // Mezhdunarodnyi pedagogicheskii portal "Solnechnyi svet". – 2023. – № 313663. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://solncesvet.ru/opublikovannyie-materialyi/issledovanie-urovnya-razvitiya-komponent.15781171756/> (data obrashcheniya: 10.02.2025).
23. Tikhomirov, G. A. Sotsial'no-filosofskoe issledovanie fenomena patriotizma: dis. ... kand. filos. nauk. – Cheboksary, 2008. – 153 s. [Elektronnyi resurs]. URL:

- <https://www.dissercat.com/content/sotsialno-filosofskoe-issledovanie-fenomena-patriotizma> (data obrashcheniya: 25.12.2024). EDN: NQDSNV
24. Fomina, N. A., Lesin, A. M. K 80-letiyu A. I. Krupnova – osnovatelya sistemno-funktional'nogo podkhoda k izucheniyu svoistv lichnosti // Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'e, adaptatsiya, razvitiye. – 2019. – T. 7, № 3 (26). – S. 446-458. DOI: 10.23888/humJ20193446-458 EDN: BIQPUH
 25. Tsveks M.V., Rushina M.A. Individual'no-psikhologicheskie osobennosti patriotichnosti i tsennostnye orientatsii rossiiskikh studentov // Psichologiya i Psikhotekhnika. 2024. № 1. S. 105-118. DOI: 10.7256/2454-0722.2024.1.40986 EDN: MQMYYB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40986
 26. Shneider, L. B., Khrustaleva, V. V. Assotsiativnyi test kak osnova konstruirovaniya metodiki izucheniya sotsial'noi identichnosti // Vestnik RMAT. – 2014. – № 3. – S. 83-96. [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.rmat.ru/wyswyg/file/about/vestnik/2014/3_2014.pdf (data obrashcheniya: 20.04.2025). EDN: TPHCGZ
 27. Shurukhina, G. A., Zhdanova, L. A. Psikhologicheskii analiz proyavleniya patriotichnosti u starshikh shkol'nikov // Vestnik RUDN. Seriya "Pedagogika i psichologiya". – 2015. – № 3. – S. 45-50. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics/article/view/13465/12895> (data obrashcheniya: 10.04.2025). EDN: ULXZCN
 28. Yurevich, A. V., Zhuravlev, A. L. Patriotizm kak ob'ekt izucheniya psikhologicheskoi nauki // Psichologiya i obshchestvo. – 2016. – T. 37, № 3. – S. 88-98. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://lib.ipran.ru/paper/26153425> (data obrashcheniya: 05.04.2025).
 29. A Dictionary of Sociology / ed. John Scott, Gordon Marshall. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 816 p. DOI: 10.1093/acref/9780199533008.001.0001
 30. Baumeister, A. Patriotism // Encyclopedia Britannica. – 2017. – 10 July. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.britannica.com/topic/Nationalism-vs-Patriotism-Whats-the-Difference> (data obrashcheniya: 24.03.2025).
 31. Berzina, I. Patriotisms Latvijas jauniešu vidū un sabiedrībā // Latvijas Nacionālā aizsardzības akademija. Drošības un stratēģiskās pētniecības centrs. – 2018. – P. 1-26. [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.naa.mil.lv/sites/naa/files/document/PETIJUMS_PATRIOTISMS.pdf (data obrashcheniya: 05.04.2025).
 32. Bērziņa, I. Latvijas sabiedrības un valsts attiecības Krievijas-Ukrainas kara kontekstā: DSPC stratēģiskais apskats 02/23. – Rīga: Latvijas Nacionālās aizsardzības akadēmijas Drošības un stratēģiskās pētniecības centrs, 2023. – 43 lpp. [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.naa.mil.lv/sites/naa/files/document/I.Berzina_Latvijas_sabiedriba_%20un_valsts_attiecibas_Krievijas_Ukrainas_kara_konteksta.pdf (data obrashcheniya: 10.04.2025).
 33. Dražanova, L., Roberts, A. National attachments and good citizenship: a double-edged sword // Political Studies. – 2023. – P. 1-24. DOI: 10.1177/00323217221145
 34. Hamada, T., Shimizu, M., Ebihara, T. Good patriotism, social consideration, environmental problem cognition, and pro-environmental attitudes and behaviors: a cross-sectional study of Chinese attitudes // SN Applied Sciences. – 2021. – Vol. 3. – P. 361. DOI: 10.1007/s42452-021-04358-1 EDN: KCCQSR
 35. Kosterman, R., Feshbach, S. Toward a measure of patriotic and nationalistic attitudes // Political Psychology. – 1989. – Vol. 10. – P. 257-274. DOI: 10.2307/3791647
 36. Marchenoka, M. The Empirical Research of the Attitude to the Concept Patriotism and of the Degree of its Comprehension Among Latvian Teenagers Under Conditions of

Globalization // Society. Integration. Education: Proceedings of the International Scientific Conference. – 2021. – Vol. II. – P. 360-375. DOI: 10.17770/sie2021vol2.6165
EDN: SJGXHH

37. Rushina, M., Kameneva, G. Ethnic and Psychological Particularities of Patriotism in Students of the CIS Countries // Man in India. – 2016. – Vol. 97. – P. 213-223. [Elektronnyi resurs]. URL: https://serialsjournals.com/abstract/66184_ch_17_f_-17._rushina.pdf (data obrashcheniya: 13.03.2025)
38. Rupar, M., Jamróz-Dolińska, K., Kołczek, M., Sekerdej, M. Is patriotism helpful to fight the crisis? The role of constructive patriotism, conventional patriotism, and glorification amid the COVID-19 pandemic // European Journal of Social Psychology. – 2021. – Vol. 51. – P. 862-877. – DOI: 10.1002/ejsp.2777. EDN: HPGLVA
39. Schatz, R. T. A Review and Integration of Research on Blind and Constructive Patriotism // Handbook of Patriotism. – 2018. – P. 1-19. DOI: 10.1007/978-3-319-54484-7_30
40. Schatz, R. T., Staub, E., Lavine, H. On the Varieties of National Attachment: Blind versus Constructive Patriotism // Political Psychology. – 1999. – Vol. 20, № 1. – P. 151-174. DOI: 10.1111/0162-895X.00140
41. Staub, E. Blind versus constructive patriotism: Moving from embeddedness in the group to critical loyalty and action // Patriotism in the lives of individuals and nations / ed. D. Bar-Tal, E. Staub. – Chicago: Nelson-Hall, 1997. – P. 213-228. DOI: 10.1016/j.paid.2022.111670
42. Walzer, M. Patriotism // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – 2018. – 12 Oct. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/patriotism/> (data obrashcheniya: 14.02.2025)
43. Williams, R. L., Foster, L. N., Krohn, K. R. Relationship of patriotism measures to critical thinking and emphasis on civil liberties versus national security // Analyses of Social Issues and Public Policy. – 2008. – Vol. 8. – P. 139-156. DOI: 10.1111/j.1530-2415.2008.00165.x

On the issue of measuring the level of role stress of working mothers

Pachkolina Anastasiya Vladimirovna □

Postgraduate Student, Department of Pedagogical and Applied Psychology, Samara branch of the State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Moscow City Pedagogical University"

443068, Russia, Samarskaya oblast', g. Samara, ul. Novo Sadovaya, 106 k 106, of. 316

✉ stasya-lu@yandex.ru

Abstract. It is difficult to imagine the modern world without an active social position of women, few people will be surprised by a female scientist, leader or space explorer. However the birth and upbringing of children have not faded into the background, women are still actively involved in the role of mother and hostess. The multiplicity of roles performed high social demands and an attempt to combine career and motherhood creates risks for the emergence of intrapersonal conflict, which significantly reduces the quality of life of both women and their children.

The article proposes a new model of role stress to understand the intrapersonal conflict of working mothers. It includes components such as role ambiguity, role conflict and role overload. Analysis of research results from domestic and foreign sources helped to identify the

main causes of stress and psychological areas where it manifests. The article defines key constructs that describe the areas of a mother's life most affected by stress. It also defines the concepts of role ambiguity, conflicts and overload, describing their forms of manifestation. Based on psychological counseling practice, the article provides insights into how these concepts affect working mothers' lives.

- Lexical components were identified that reflect thoughts, feelings, actions, situational context and the experience of negative reactions to non-compliance with role expectations.
 - A "Role Stress Questionnaire" has been developed that reflects the most prominent psychological components of intrapersonal conflict leading to role stress.
- The findings from the systematic analysis of the factors behind the intrapersonal conflict of working mothers presented in this publication provide a foundation for further research on the problem and development of a tool for understanding the role stress of working mothers.

Keywords: role ambiguity, gender role conflict, role, working mothers, situational context, psychological domains, personal experiences, role overload, role conflict, conflict pattern

References (transliterated)

1. Aleshina Yu.E., Lektorskaya E.V. Rolevoi konflikt rabotayushchei zhenshchiny // Voprosy psichologii. – 1989. – № 5 – C. 80-88.
2. Andronnikova O.O. Osnovnye teoreticheskie podkhody k issledovaniyu rolevoi pozitsii zhertvy // Psichologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennoye issledovaniya. – Noginsk: izd-vo «ANALITIKA RODIS». T. 1. – 2012. – S. 78-98.
3. Antsupov A.Ya., Shipilov A.I. Konfliktologiya: uchebnik dlya vuzov. 5-e izd. – SPb.: Piter, 2013. – 512 s.
4. Ar'les F. Rebenok i semeinaya zhizn' pri Starom poryadke / Per. s frants. Ya. Yu. Startseva pri uchastii V. A. Babintseva. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1999. – 416 s.
5. Bol'shoi psikhologicheskii slovar' / Sost. Obschch. red. B. G. Meshcheryakova, V. P. Zinchenko. – M.: AST MOSKVA; SPb.: Praim-EVROZNAK, 2009. – 859 s.
6. Valentei D.I. Zhenshchiny na rabote i doma. M.: Statistika, 1978. – s. 93.
7. Gavrilitsa O.A. Rolevoi konflikt rabotayushchei zhenshchiny: dis. ... kand. psikhol. nauk: 19.00.05. – M.: 1998. – 185 s.
8. Gornostai P.P. Lichnost' i rol': Rolevoi podkhod v sotsial'noi psichologii lichnosti. – K.: Interpress LTD, 2007. – 312 s.
9. Gornostai, P. P. Diagnostika i korreksiya rolevykh konfliktov // Zhurnal prakticheskogo psikhologa. – 1999. – № 1. – S. 44-51.
10. Grishina N.V. Psichologiya konflikta. – SPb. : Piter, 2008. – 544 s.
11. Erina, S. I. Rolevye konflikty v upravlencheskikh protsessakh // Psichologiya rolevykh konfliktov: khrestomatiya. – Samara: Bakhram-M. – 2007. – S. 106–111.
12. Kosova A.N. Vliyanie situatsionnogo konteksta na pryamuyu i kosvennuyu otsenki emotsiional'no znachimykh slov // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. – 2012. – № 2. – S. 146-152. T. 14.
13. Kosheleva Yu.P. Teoreticheskie podkhody k rolevomu povedeniyu i mezhrolevoi konflikt // Vestnik MGLU. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. – 2018. – № 1. – S. 132-152.
14. Linton R. Antologiya issledovanii kul'tury. Simvolicheskoe pole kul'tury. Kul'turnye osnovaniya lichnosti. Moskva; Sankt-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2011. – 382 s.
15. Maksimova, O.B. // Emansipatsiya zhenshchin v Rossii i na Zapade kak faktor

- formirovaniya gendernogo poryadka // Vestnik RUDN, seriya Sotsiologiya. – 2007. – № 2. S. 24-30.
16. Pachkolina A.V. Problema rolevogo vnutrlichnostnogo konflikta rabotayushchei zhenshchiny // Psikholog. 2022. № 3. S. 60-67. DOI: 10.25136/2409-8701.2022.3.38017 EDN: ZCVCII URL: https://e-notabene.ru/psp/article_38017.html
 17. Plungyan, N. Rozhdenie sovetskoi zhenshchiny. Rabotnitsa, krest'yanka, letchitsa, «byvshaya» i drugie v iskusstve 1917–1937 godov. M.: Muzei sovremennoi iskusstva «Garazh», 2023. – 288 s.
 18. Savchenko T. N., Teslavskaya O. I. Ukhod ot real'nosti (eskapizm): otechestvennye i zarubezhnye psikhologicheskie podkhody k opredeleniyu ponyatiya // Razrabotka ponyatii sovremennoi psikhologii. M.: Institut psikhologii RAN. – 2021. – S. 672-702.
 19. Shipilov, A.I. Psikhoanaliticheskaya traktovka faktorov vnutrlichnostnoi konfliktnosti // Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii po psikhoanalizu. – 2005. – S. 324-327.
 20. Bacharach, S. B., Bamberger, P.R., Conley, S. C. // Work processes, role conflict, and role overload: The case of nurses and engineers in the public sector // Work and Occupations. – 1990. – № 17(2). – P. 199-229.
 21. Creary, S. J., Gordon, J. R. // Role conflict, role overload, and role strain // Encyclopedia of family studies. – 2016. – P. 1-6.
 22. Davidson M., Cooper C.L., Cooper C.L. Stress and the woman manager. – Oxford : Robertson, 1983. – 230 p.
 23. Gillespie B. L., Eisler R. M. // Development of the feminine gender role stress scale. A cognitive-behavioral measure of stress, appraisal, and coping for women // National Library of Medicine. Center for Biotechnology Information. – 1992. – № 16(3) P. 426-438 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/1627123/>
 24. Good, W.J. // A Theory of role strain // American Sociological Review. – 1960. – № 4. – P. 483-498. Vol. 4.
 25. Gordon, J.R., Pruchno, R.A., Wilson-Genderson, M, Murpy, W.M., Rose, M. Balancing caregiving and work: Role conflict and role strain dynamics // Jornal of Family Issues. – 2012. – № 33(5). – P. 662-689.
 26. Haavio M.E. Inequalities in health and gender // Social science and medicine. Special Issue: medical sociology and the WHO's programme for Europe. – 1986. – P. 141-149. Vol. 22(2).
 27. Handel, G. Childhood socialization. New York. EDITOR, 1987. – 424 p.
 28. Hartman M. Motherhood Identity. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy In Psychology. – Meridian University, 2014. – 270 p.
 29. Hartman Meggan, Motherhood Identity. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy In Psychology. Meridian University. 2014. – 270 p.
 30. House, R. J., Schuler, R. S., and Levanoni, E. Scales of role conflict and uncertainty: reality or artifacts // Journal of Applied Psychology. – 1983. – № 68(2). – P. 334-337.
 31. Kahn, R. L., Wolfe, D. M., Quinn, R. P., Snoeck, J. D., Rosenthal, R. A. Organizational stress: Studies in role conflict and ambiguity. – New York: Wiley, 1964.
 32. Meika Kurnia Puji Rahayu, Bayu Nur Hidayat. The Job Stress as a Mediation Between Role Conflict and Employee Performance // Advances in Economics, Business and Management Research, Proceedings of the 4th International Conference on Sustainable Innovation 2020 – Accounting and Management. – 2020. – P. 121-127.

33. Mostow E., Newberry P. Work role and depression in women: a comparison of workers and housewives in treatment // American Journal of Orthopsychiatry. – 1975. – № 45(4). [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://https://www.semanticscholar.org/paper/Work-role-and-depression-in-women>
34. Nickerson Charlotte. Role Strain in Sociology: Definition and Examples / Simply Psychology. – 2022. – № 3. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa:<https://www.simplypsychology.org/what-is-role-strain-in-sociology.html>
35. O'Neil, J. M., Helms, B. J., Gable, R. K., Lawrence, D., Wrightsman, L. S. Gender role conflict scale: college men's fear of femininity // Sex Roles. – 1986. – P. 335-350. Vol. 14.
36. Pareek, U. // Organizational role stress scale. ORS Scale Booklet, Answer Sheet and Manual // Navin Publications. Ahmedabad, India. 1983.
37. Peiro J. M., Melia J. L., Torres M. A., Zurriaga R. // La medida de la experiencia de la ambiguedad en el desempeno de roles: El cuestionario general de ambiguedad de rol en ambientes organizacionales. // Evaluacion Psicologica. – 1987. – P. 27-53. Vol. 3(1).
38. Peiro J. M., Melia J. L., Torres M. A., Zurriaga R. La medida de la experiencia de la ambiguedad en el desempeno de roles: El cuestionario general de ambiguedad de role en ambientes organizacionales // Evaluacion Psicologica. – 1987. – № 3(1). – P. 27-53.
39. Rizzo, J. R., House, R. J., Lirtzman, S. I. // Role conflict and ambiguity in complex organizations // Administrative Science Quartelly. – 1970. – №. 15(2). – P. 150-163.
40. Shockley Kristen M., Shen Winny, DeNunzio Michael M., Arvan Maryana L. // Disentangling the Relationship Between Gender and Work-Family Conflict: An Integration of Theoretical Perspectives Using Meta-Analytic Methods // Journal of Applied Psychology. – 2017. – № 12. P. 1601-1635.
41. van Gasse, D., & Mortelmans, D. Single // Mothers' Perspectives on the Combination of Motherhood and Work // Social Sciences. – 2020. – № 9(5). [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.simplypsychology.org/what-is-role-strain-in-sociology.html>
42. van Manen, Max. Phenomenology of Practice: Meaning-giving methods in phenomenological research and writing. United States of America: Left Coast Press.Routledge, 2014. – 494 c.

The relationship between self-concept components and anxiety in older adolescents

Cheremiskina Irina Igorevna □

PhD in Psychology

Associate Professor, Department of Philosophy and Legal Psychology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Vladivostok State University of Economics and Service"

690014, Russia, Primorskii krai, g. Vladivostok, ul. Gogolya, 41

□ irina-cheremiski@mail.ru

Kapustina Tatiana Viktorovna □

PhD in Psychology

Associate Professor; Department of General Psychological Disciplines; Pacific State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

690002, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Ostryakova ave., 2

□ 12_archetypesplus@mail.ru

Kuznetsova Alina Dmitrievna □

Lecturer; Department of General Psychological Disciplines; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education 'Pacific State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation'

690002, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Pervorechenskiy district, Ostryakova ave., 2

□ larosaline@mail.ru

Abstract. The theoretical focus of this study is late adolescence. Its study is relevant because this period is associated with a high academic workload for schoolchildren and the simultaneous development of self-awareness. The current sociocultural situation also exacerbates this effect and influences the development of adolescent self-concept. Amidst information overload, unstable social norms, and the high importance of external evaluation, adolescents face difficulties in understanding and accepting their own self. Adolescents become vulnerable and sensitive and may exhibit anxiety, which negatively impacts their effectiveness in all areas of activity. This article presents the results of an empirical study examining the relationship between the components of adolescent self-concept and anxiety, as well as an assessment of gender differences in these parameters. Ninety-two older adolescents from cities in Primorsky Krai participated in the study. The study utilized a testing method. The Spearman and Mann-Whitney U tests were used for statistical analysis of the results. The most prominent components of the self-concept structure were identified as those related to self-reflection, activity, physical characteristics, and social identity. While situational and personal anxiety predominate at a moderate level, phobic and asthenic components are also prominent. A negative correlation was established between the stability of the self-concept and anxiety. Girls significantly more often exhibit higher levels of self-esteem and general anxiety, as well as a pronounced sensitivity to interpersonal evaluation. Despite the existence of numerous empirical studies on anxiety and self-esteem in adolescents, this study offers scientific novelty as it provides a deeper understanding of the relationship between self-concept and anxiety. This study opens the possibility of developing preventive and corrective programs that can reduce anxiety and strengthen psychological resilience and self-esteem in adolescents.

Keywords: boys, components of self-concept, self-concept, correlation analysis, reactive anxiety, personal anxiety, adolescents, anxiety, older adolescents, girls

References (transliterated)

- Prikhozhan A.M. Psichologiya trevozhnosti: doshkol'nyi i shkol'nyi vozrast. Sankt-Peterburg: Piter, 2009. 119 s.
- Solntseva P.V. Osobennosti formirovaniya samootsenki podrostkov // Psichologopedagogicheskie issledovaniya-Tul'skomu regionu: Sbornik materialov III Regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii magistrantov, aspirantov, stazherov, Tula, 18 maya 2023 goda / Redkollegiya: S.V. Pazukhina [i dr.]. Cheboksary: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Izdatel'skii dom "Sreda", 2023. S. 172-176. EDN: LXOSMC
- Gubanova G.F., Denisova E.A., Kil'nesov V.M. Osobennosti razvitiya samootsenki podrostkov v protsesse mezhlichnostnogo obshcheniya // Problemy sovremennoi pedagogicheskogo obrazovaniya. 2023. № 80-2. S. 347-350. EDN: BOXSAO
- Tsotsarova L.A., Arskieva Z.A. Spetsifika ya-kontseptsii v podrostkovom vozraste // Nauka v sovremenном mire: vzglyad molodykh uchenykh: Materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Groznyi, 27-28 maya 2022 goda.

- Groznyi: Chechenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2022. S. 604-610.
EDN: VWNKRX
5. Karabanova O.A. Riski informatsionnoi sotsializatsii kak proyavlenie krizisa sovremennoogo detstva // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14: Psikhologiya. 2020. № 3. S. 4-22. DOI: 10.11621/vsp.2020.03.01 EDN: JVZXBI
 6. Astapenko D.V. Osobennosti samosoznaniya podrostkov i informatsionnogo povedeniya v usloviyakh tsifrovizatsii obrazovaniya // Innovatsionnaya nauka: psikhologiya, pedagogika, defektologiya. 2021. T. 4, № 5. S. 23-36. DOI: 10.23947/2658-7165-2021-4-5-23-36 EDN: DBCXWI
 7. Gryaznova E.V., Khrykina E.S. Istochniki formirovaniya trevozhnosti starsheklassnikov kak problema sovremennoogo obshchestva // Global'nyi nauchnyi potentsial. 2022. № 9 (138). S. 30-32. EDN: PJXNJR
 8. Cueli M., Rodríguez C., Cañamero L.M., Núñez J.C., González-Castro P. Self-Concept and Inattention or Hyperactivity-Impulsivity Symptomatology: The Role of Anxiety // Brain Sciences. 2020. Vol. 10, no. 4. P. 1-13. DOI: 10.3390/brainsci10040250 EDN: PNZSZX
 9. Savel'eva E.A. Problema ekzamenatsionnoi trevozhnosti starshikh shkol'nikov v sovremennoi psichologii // Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire. 2021. № 2-1(70). S. 136-141. EDN: UEYKOH
 10. Mishchenko V.I. Izuchenie trevozhnosti starsheklassnikov v period podgotovki k itogovym ekzamenam // Pedagogika i psichologiya obrazovaniya. 2020. № 1. S. 208-218. DOI: 10.31862/2500-297X-2020-1-208-218 EDN: LTNHNS
 11. Vorozheikina V.V., Oganesova N.L. Samootsenka podrostkov s raznym urovnem lichnostnoi trevozhnosti // Vestnik nauki. 2024. № 7 (76). S. 218-226. EDN: BYGBPI
 12. Prislopskaya N.V. Trevozhnost' i ee vliyanie na samootsenku v podrostkovom vozraste // Science Time. 2019. № 12 (72). S. 33-38. EDN: BPLKFD
 13. Mazur E.V. Vzaimosvyaz' trevozhnosti i samootsenki v starshem podrostkovom vozraste // Teoriya i praktika sovremennoi nauki. 2019. № 2 (44). S. 237-239. EDN: ANRQNT
 14. Trubina V.V., Adamova L.E. Samootsenka i trevozhnost' u starshikh shkol'nikov // Vestnik nauki. 2025. № 1 (82). T. 2. S. 914-921. EDN: WCNVFV
 15. Kheirkhah M. et al. Relationship between anxiety and self-concept in female adolescents // Iran journal of nursing. 2013. T. 26. №. 83. S. 19-29.